

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХАТ
ТАШКЕНТСКАЯ И УЗБЕКИСТАНСКАЯ ЕПАРХИЯ

Восток Свыше

ДУХОВНЫЙ,
ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2001 ГОДА

ВЫПУСК
LXIV

№ 1
январь-март 2024

ТАШКЕНТ
2024

**По благословению
высокопреосвященнейшего
ВИКЕНТИА,
митрополита Ташкентского и Узбеккистанского,
главы Среднеазиатского митрополичьего округа**

Главный редактор

Диакон Евгений АБДУЛЛАЕВ

Литературный редактор

Лейла ШАХНАЗАРОВА

Редакционный совет

Протоиерей Игорь БАЛУХАТИН

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО

Роман ДОРОФЕЕВ

Татьяна КОТЮКОВА

Вадим МУРАТХАНОВ

Екатерина ОЗМИТЕЛЬ

Кирилл СУЛТАНОВ

Алексей УСТИМЕНКО

Юрий ФЛЫГИН

На обложках (сверху вниз):

Стр. 2: Иерей Александр Маллицкий с сыном Борисом. Страница из послужного списка о. Александра. (С. 6)

Стр. 3: Михаил Андреев. Обложка книги «По этнологии Афганистана». М. Андреев с аспирантами (1948). (С. 62)

Восток Свыше. 2024, № 1 (LXIV). Издается с 2001 года

ISSN 2010-5568

... **Посетил нас Восток свыше,
просветить сидящих во тьме и тени смертной,
направить ноги наши на путь мира.**

Евангелие от Луки 1, 78-79

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРНЫЙ КАМЕРТОН

Владимир ЩАДРИН. Лесная заутреня 5

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Софья ВОЛКОВА. Туркестанский священник Александр Маллицкий 6

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

Чарльз УИЛЬЯМС. Схождение Голубя. *Краткая история Святого Духа в Церкви.* Перевод с английского, предисловие и примечания диакона Евгения Абдуллаева (продолжение) 10

ЛУГ ДУХОВНЫЙ

О добре и зле. О гневе 27

Иерей Сергей КРУГЛОВ. «Царство Божие – здесь».
Избранные записи в Фейсбуке последних лет 31

Евангельские страницы *протоиерея Сергея СТАЦЕНКО*
Почему блаженны «нищие духом»? 44

Михаил КАЛИНИН. Разрозненные мысли 49

ТУРКЕСТАНОВЕДЕНИЕ

Юрий ФЛЫГИН. Михаил Андреев: разведчик, этнограф,
организатор науки 62

Бахтиёр АЛИМДЖАНОВ. «Моя мюридка, достигшая последней
степени совершенства...»
Из переписки Александра Семенова и Анны Троицкой 103

ОЙКУМЕНА

Галина КЛИМОВА. Храм в стране пустынь 107

Содержание (окончание)

ОБЩЕСТВО. ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

Тема: Поэзия и Вера

«Пусть идеи возникают в головах читателей».

На вопросы ВС отвечает поэт, прозаик и драматург

Дмитрий ДАНИЛОВ 110

ПРОЗА

Александра СПИРИДОНОВА. Тыквы 122

Авторы номера 129

Информация для авторов 130

Владимир ЩАДРИН

Лесная заутреня

Птицеловы, не ждите ловитвы.
Птицы день начинают с молитвы;
коноплянки, лазоревки, пеночки;
по Триоди нотного пения
(дар Святого Афона);
на два клироса; антифонно;
на заветный слетевшись кусток;
на коленях; лицом на восток;
осеня себя крестным знамением;
за ны, люди, Богу не знаемые;
за отпавших Того благодати;
всяку тварь обрекших страдати;
«Не воздаждь, Господи, по делом им;
наипаче же – птицеловам».

Софья ВОЛКОВА

Туркестанский священник Александр Маллицкий

Памяти Людмилы Жуковой

Их было три брата – Гурий, Владимир и Николай. Все трое – дети православного священника отца Александра из села Дедово Оренбургской губернии. Младший, Гурий, вместе с женой Елизаветой (урожденной Молчановой) учительствовал в том же селе, а затем в Оренбурге; в дальнейшем – почтмейстер в Хабаровске. Александр и Владимир пошли по стопам отца и стали священниками. Была у них еще сестра Екатерина.

Речь пойдет о сыне Владимира Маллицкого – Александре, туркестанском священнике. Его биографию можно восстановить на основе Послужного списка, хранящегося в Российском государственном историческом архиве¹.

Родился Александр Маллицкий 3 февраля 1867 года в селе Ивановка Оренбургской губернии, где в то время служил священником его отец. Крестили его 5 февраля того же года в Троицкой церкви в Казани. Восприемниками были бакалавр Казанской Духовной Академии Евфимий Александров Малов и жена аудитора Казанского порохового завода Димитрия Вожарова – Серафима Александровна. Матерью Александра была дочь дьякона Порфирия Черкасова Ольга. Брат Ольги Владимир впоследствии стал протоиереем, служил в казанской Смоленско-Димитриевской церкви.

Александр Маллицкий окончил по 1-му разряду Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Вступил на службу юнкером во 2-е военное Константиновское училище, которое также закончил по 1-му разряду.

«По окончании курса наук», как тогда говорили, получил направление в Туркестан. 9 августа 1888 года произведен в подпоручики и направлен во 2-й Туркестанский линейный батальон; через три года, 21 августа 1891-го, произведен в поручики. В 1892 году участвовал в походах Памирского отряда. Женился на дочери отставного капитана Марии Федоровне Володиной. У них было шестеро детей: Ольга, Надежда, Вера, Гурий, Василий и Борис.

По информации, полученной от потомка отца Александра, Сергея Синицина, Ольга жила в Куйбышеве, Вера эмигрировала в Чили. Гурий стал белым офицером. Василий работал в Казахском научно-исследовательском технологическом институте овцеводства, в 1970 году был награжден, в числе некоторых других сотрудников института, Государственной премией СССР в области науки и техники за выведение новой породы овец. Младший, Борис, стал дьяконом. Надежда вышла замуж за чекиста Людвиг Лаврова и переехала жить в Латвию. Людвиг Викентьевич фактически и спас семью от гонений после ареста тестя: перевез в Латвию жену с детьми, тещу Марию Федоровну и младшего брата жены – Бориса; поменял им метрики, убрав из фамилии одну букву «л».

Но вернемся к биографии Александра Маллицкого.

17 мая 1893 года он подает прошение о зачислении в запас – то есть фактически уходит с военной службы. А 3 октября того же года обращается уже к Туркестанскому епархиальному начальству с прошением об определении в духовное звание. Прощение довольно быстро было удовлетворено: в Туркестанском крае не хватало священнослужителей. Резолюцией епископа Туркестанского и Ташкентского Григория (Полетаева) от 31 октября Александр Владимирович был принят в духовное звание с назначением на вакансию священника Николаевской военной церкви в укрепление Ура-Тюбе Самаркандской области.

Служил он и в Катта-Кургане, и в Маргилане, где, в том числе, работал законоучителем в училищах для детей обоего пола, а также являлся директором Катта-Курганского отделения Самаркандского попечительского о тюрьмах комитета.

4 июня 1902 года был поставлен вторым священником Свято-Георгиевской церкви Самарканда (настоятелем был протоиерей Дмитрий Вознесенский). Преподавал Закон Божий в Самаркандской мужской гимназии, а также в Самаркандском четырехклассном городском училище.

Через два года последовало еще одно повышение: 23 июня 1904 года отец Александр был переведен вторым священником в Ташкентский Спасо-Преображенский собор. Настоятелем собора в это время был протоиерей Константин Богородицкий, тоже родом из Казани.

С октября 1904 года, помимо основных обязанностей священника, служил законоучителем Жуковского приходского одноклассного училища (с 1911 года находилось на ул. Романовского²), а с января 1905 года – штатным законоучителем городского четырехклассного училища (с 1904 года находилось на ул. Константиновской³).

Отец Александр активно участвовал в деятельности братских собраний военного духовенства Ташкента, которые занимались просветительской и благотворительной деятельностью среди православного населения города⁴.

Видимо, он справлялся со всеми своими обязанностями хорошо, поскольку 21 июня 1913 года был возведен в сан протоиерея.

Вскоре последовало новое назначение: 14 апреля 1914 года отец Александр становится священником 5-го Туркестанского стрелкового полка, благочинным церковью 2-й Туркестанской стрелковой бригады и гарнизонным священником Самарканда. А уже с 15 ноября 1915 года протоиерей Александр Маллицкий стал

настоятелем Ташкентского Военного собора и одновременно занял должность благочинного Ташкентских военно-неподвижных церквей и гарнизонным священником Ташкента, так как Константин Богородицкий был назначен главным священником армии Северо-Западного фронта. По возвращении в Туркестанскую епархию в 1918 году Константин Николаевич вновь стал настоятелем Преображенского собора и оставался им до своей кончины в 1922 году, после чего его снова сменил протоиерей Александр Маллицкий.

В апреле 1919 года, когда, после подавления январского Осиповского мятежа, в Ташкенте сохранялось военное положение, отец Александр обратился в ЦК Туркестанской Советской Федеративной Республики с просьбой отменить комендантский час на три дня: два дня перед Пасхой и в саму Пасху, выпадавшую в тот год на 20 апреля. Вот это заявление:

В Центральный Комитет Туркестанской Советской федеративной республики от ключаря Ташкентского Спасо-Преображенского Кафедрального собора Протоиерея Александра Маллицкого.

Прошение

В городе Ташкенте введено военное положение; в силу такового положения граждане не могут ходить по городу после 9 ч. вечера. Наступает Страстная неделя и день Св. Пасхи. По церковному Уставу некоторые Церковные службы (утреня в Великую Субботу, Пасхальная Заутреня) совершаются в ночное время. Дабы предоставить молитвенное утешение православному населению г. Ташкента в Великий праздник, имею честь покорнейше просить разрешения Центрального комитета и распоряжения об отмене военного положения с 17 по 20 апреля сего года для свободного хождения православных граждан по улицам г. Ташкент после 9 ч. вечера в эти дни для посещающих богослужения в храмах г. Ташкента.

Ключарь, протоиерей Ал. Маллицкий.

9 апреля 1919 г., г. Ташкент

На прошение была наложена резолюция:

По распоряжению председателя Турцика, Турквоенкома и Главкома отдать приказ нач. охр. города и коменданту города о разрешении гражданам свободного хождения по улицам после 9 часов 17, 18 и 19 апр. включительно с оставлением усиленной охраны на постах. *Турквоенком.*

22–23 мая 1922 года отец Александр принимает участие в передаче ценностей Спасо-Преображенского собора для помощи голодающим Поволжья. Возможно, именно благодаря его усилиям этот процесс прошел достаточно мирно. Как сообщила «Красноармейская газета» (от 25 мая 1922 г.):

Комиссия <по изъятию ценностей> была встречена настоятелем протоиереем Маллицким и верующими. От духовенства и верующих Маллицкий приветствовал комиссию и выразил сожаление, что на страницах местной печати отношение их к изъятию отражено неверно. На самом деле они признают непререкаемым право Советской власти на изъятие и всячески пойдут к нему навстречу, раз это необходимо для спасения голодающих. В ответ

председатель комиссии г. Ломакин указал, что если отношение духовенства и верующих таково, как указал пр. Маллицкий, им следовало бы это отношение изложить в газете, это для обеих сторон было бы полезно. В заключении пр. Маллицкий просит разрешить верующим взамен тех предметов, которые особо почитаются ими, внести соответствующее количество серебра. Ходатайство было уважено. Во время изъятия ценностей никаких недоразумений или споров между членами комиссии не было. Все вопросы решали полюбовно, при общем согласии. Для церковных надобностей оставили 2 комплекта предметов. Подробности подсчета изъятых ценностей не производились пока, но их не менее 2 пуда серебра. Из золотых предметов изъят нагрудный крест⁵.

В 1935 году собор был взорван. Незадолго до этого отца Александра арестовали и отправили в Соловецкий лагерь особого назначения (по информации С. Синицына), где он и скончался. К сожалению, найти его имя в списках узников Соловков пока не удалось...

В завершение хотелось бы привести слова протоиерея Георгия Полякова, составителя сборника «Военное духовенство России»: «Сколько их, чьими кропотливыми трудами и стараниями незримо ковался дух русской армии и ее побед, осталось вне страниц истории – не ведомых нам, но предстоящих во славе пред престолом Всевышнего...»⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 14. Д. 13.

² В советские годы улица носила название Ленина, сейчас – Буюк Турон.

³ Ныне улица Тараса Шевченко.

⁴ См.: Жукова Л.В. Братские собрания военного духовенства и внутриведомственные благотворительные инициативы (в конце XIX – начале XX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 3. С. 172–190. (URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21887)

⁵ Цит. по: Жукова Л.И. Чтобы взлететь, птица должна быть гордой: Ташкентский период в тернистом пути архиепископа Луки – профессора хирургии В.Ф. Войно-Ясенецкого (март 1917 – март 1941). – Ташкент: Изд-во журнала «San'at», 2012. С. 174–175.

⁶ Поляков Г., прот. Военное духовенство России: [Сб. исторических материалов, воспоминаний участников событий, архивные материалы]. – М.: Твор. информ.-изд. центр, 2002. (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/voennoe-duhovenstvo-rossii-georgij-poljakov/2#source).

Чарльз УИЛЬЯМС

Схождение Голубя

*Краткая история Святого Духа в Церкви**

*Перевод с английского, предисловие и примечания
диакона Евгения АБДУЛЛАЕВА*

Глава III. Компенсация за успех

Христианство было призвано возродить мир. Теперь уже угасавший Римский мир был передан ему. На пути христианства больше не было серьезных препятствий, за исключением честной, но неудачной попытки императора Юлиана возродить древность. Прежние языческие обряды были окончательно запрещены Феодосием только в 392 году, и против христиан продолжало выдвигаться немало изощренных и искренних возражений. Но Империя, в которой прежде конкурировали разные религии, – и ее метрополия, и ее окраины, – стала формально христианской.

При этом искренних христиан стало меньше; ни Константин, ни Церковь не были виновны в этом. До этого проблемой для христианства было Время; чтобы справиться с ней, возникла Церковь¹. Теперь проблемами стали Пространство и Число. Христианский мир расширялся внутри Империи так стремительно, что христианская мораль не успевала все контролировать. Следствием стал возрас-тавший упадок нравов в Церкви.

Произошло это, к сожалению, как раз тогда, когда случился один из глубочайших расколов – не столько внутри Церкви как таковой, сколько внутри видимой Церкви (apparent Church). Разделение началось еще до Константина; оно, по сути, и было поводом для созыва собора в Никее. Подобные разделения даже у искренних прозелитов провоцировали проявление худших эмоций; что же говорить о прозелитах неискренних? В стремительно расширившемся Христианском мире разрушительные свойства человеческой природы проявили себя ярче, чем когда-либо прежде. Начался великий арианский спор.

То, что это произошло спустя целых три столетия после Рождества Христова,

* Продолжение. Начало в №№ 1-2 (LXII), 3-4 (LXIII), 2023.

показывает, насколько медленно Церковь продвигалась к точным догматическим определениям; она всегда была больше занята чем-то другим. Христос был Искупителем, это было несомненно; Он также был, что было очевидно, и Богом; и, по крайней мере, уже во времена монтанистов и Оригена было оформлено учение о божественной Троице. Вопрос заключался в том, в каком смысле Христос был Богом. В том же, что и Отец (как Лицо Троицы)? Или только по аналогии с Отцом? Был ли Он таким же вечным, как Отец, и равным ему?

По-своему ответил на это красноречивый, благочестивый и талантливый александрийский диакон Арий: «Было, когда Его не было». Если Отец действительно был Отцом и Причиной, а Сын действительно Сыном и Следствием, то должно было быть время, когда Сына не было. Он был не Богом, но «от Бога», со всеми вытекающими отсюда следствиями. Это выглядело простым и логичным.

Александрийский Синод посовещался и отлучил Ария. Арий покинул город. Епископ Никомидийский и другие приняли и его, и его учение. Вскоре конфликт охватил весь восток Империи. Обе стороны цитировали Оригена. От имени своего епископа против него выступил александрийский архидиакон, низкорослый египтянин по имени Афанасий.

Император, узнав о волнениях, написал письма обеим сторонам, указав, что христианам следует сосредоточиться не на спорах, а на добродетельной жизни: «не может ошибаться тот, кто живет правильно». Вряд ли Константина следует обвинять в том, что он сторонился догматических дискуссий. Он только что победил Лициния и восстановил покой и единство Римского мира; он не хотел, чтобы его новая христианская империя, со всем ее плебсом и магистратами, волновалась из-за каких-то абстрактных идей. Но создателю нового имперского порядка, основанного на богословии, приходилось принимать во внимание богословские трудности. В Риме и прежде бывали гражданские войны, и до тех пор ни одна не велась из-за споров о божественной природе императора. Но для войны поводом может быть всё что угодно. Мир был готов к переменам, и Константин изменил его. Три столетия развития богословского языка, созданного апостолом Павлом, не прошли бесследно. Протест Константина против догматических споров был естественным; беда в том, что вопрос о природе Христа оказался одним из немногих первостепенных, а не одним из многих второстепенных, как казалось императору. Для нас сегодня эта первостепенность очевидна; но тогда это было понятно далеко не всем.

Император созвал собор в Никее; Отцы приступили к работе. Результат ее хорошо известен. Вопрос, обсуждавшийся там, можно сформулировать в разных категориях, включая категорию духовного обмена. Есть ли в самом Сокровенном, в едином Поклоняемом (*in the only Adored*) то, что можно описать только такими приблизительными, мирскими словами, как равное отношение, равное благоволение, равная любовь? Соответствует ли это Их сущности? Совечен ли Сын Отцу? Если Сын не был сотворен, могла ли Любовь² любить? И имела ли Любовь адекватный объект любви?³

Никейский собор ответил на все эти вопросы утвердительно. Он подтвердил, за пределами всякого творения, в непостижимом Едином, восклицание Фелици-

таты: «Другой во Мне»⁴. Само Божество находится в Сопринадлежности⁵. Учение Ария отрицало возможность равноценного духовного обмена с Богом вне тварного бытия. Правда, Арий, как и Афанасий, еще придерживался учения о свободе воли и что в этом смысле каждая душа может, по выбору, вступать в обмен с Богом. Но Никейский собор пошел дальше.

Четырнадцать столетий спустя эта доктрина была сжато выражена (epigrammatized) англиканским богословом. Тогда доктор Гаварден в присутствии супруги короля Георга II спросил доктора Кларка: «Может ли Бог-Отец уничтожить Бога-Сына?»⁶. То, что вопрос был абсурден, и доказывало ортодоксальность Никейского Символа веры. Сын Божий – не только Сын «от Бога»; он «Бог от Бога».

Никейский собор, таким образом, стал двойной кульминацией. Он был не только зрелищем великолепия императорской власти, но и демонстрацией интеллектуального блеска догматов. «Великий и священный Собор» проявил себя как бы в двух мирах. Христос восседал на небесах и в Константинополе.

Однако порой, как драгоценности кажутся безделушками, так и слова кажутся всего лишь словами. «Отец», «Сын», «Святой Дух», «Личность», «сущность и природа», «подобное и неподобное» – какое отношение эти определения имеют к непостижимой божественной Сущности? Неудивительно, что человеческий разум начинает сомневаться – и в подлинности драгоценностей, и в подлинности слов.

Это, конечно, был бунт незрелой чувственности, бунт невежественный, юношеско-романтический, но он был естественен. Он восставал против постановлений «великого и священного Собора», казавшихся слишком сухими и абстрактными. Из таких бунтов возник столь же незрелый и романтический культ «простого» Иисуса, духовно одаренного, космополитичного и широко мыслящего иудейского плотника, образ Иисуса птиц небесных и травы полевой. Это был путь в никуда. Христиане с самого начала верили, что Природа Христа примирила землю и небо и что в Нем встретилось всё сущее, Бог и Человек. Вордсворт со своим конфуцианством здесь не поможет⁷. Пусть драгоценности и слова – всего лишь образы, но то же самое можно сказать и о травах и птицах. А драгоценности и слова не менее и не более необходимы, чем простые предметы и тишина.

Однако христианский мир еще до Никеи ощущал это восстание не только как восстание, но и как компенсационное движение. Антоний ушел в пустыню, многие последовали за ним, и он создал там для них монастыри. То же самое сделал на юге Египта другой отшельник, Пахомий. Великий и священный труд отцов Церкви в императорском дворце уравнивался священным и аскетическим трудом отшельников. Сон, еда, питье и одежда у пустынников были сведены к самому необходимому и даже менее того. Соперничество в отречении от мира распространялось по пустыне, а слухи о его суровых и святых приверженцах передавались на рынках и городских площадях. «Знамение одиноких подвижников, – писал Афанасий, епископ Александрии (центра гуманизма, светской власти и церкви), в "Житии Антония", – господствует от одного конца земли до другого»⁸.

Оно действительно господствовало повсюду над впечатлительными умами; говорили даже, что в одном городе было «более двух тысяч девственниц, ведущих аскетический образ жизни»⁹. Эта цифра, конечно, сомнительна. Многие больше

восхищались монашеской жизнью, чем осуществляли ее на деле. Но многие ее и осуществляли. Идея полного отречения от мира, доведения души и тела до состояния, близкого к небытию, какого только можно достичь на пути к Богу, поразительным образом претворялась в жизни. Хижины, пещеры и столпы подвижников влекли к себе тех, кто сосредоточился только на своем отношении к Богу, для кого весь внешний мир и весь внутренний, за исключением самой этой мысли, был наполнен искушениями.

Возникли и новые искушения, связанные с чрезмерным покаянием, – соперничество, гордыня, уныние. Но те удивительные истории, которые дошли до нас, показывают, что их признавали и осуждали.

«Бог простил тебе грехи твои, – сказал отшельник Виссарион блуднице Таисии, – не ради твоего покаяния, но ради помысла предать себя Христу»¹⁰.

А некий Илия сказал: «Все, что существует ради Бога, пребывает и останется вовек с теми, кто верен»¹¹.

Духовный обмен у них происходил в непрерывном движении к Богу, словно между спешащими к Нему путниками. Это был обмен смирением, чуткостью и, нередко, блистательным интеллектом. Опасность, более очевидная, скорее, для нас, чем для них, заключалась в том, как они воспринимали добродетель; иногда у них чувствуется то перенапряжение, которое многими столетиями позже осуждал автор «Облака неведения»¹². Неудивительно, что они так часто видели дьявола. Их рассуждения о смирении написаны слишком пылко, чтобы быть вполне убедительными.

Но величайшие из них обладали поразительной ясностью суждений. Макарий сказал Арсению: «Я знаю одного брата, у которого подле кельи росло несколько овощей, и, чтобы не испытывать никакого утешения, он выдернул их». Арсений ответил: «Хорошо, но человек должен делать то, что он может, и если он не достаточно силен, чтобы терпеть, возможно, ему следует посадить другие»¹³.

Они также знали и другой принцип. Некий брат сказал: «Правильно человеку взять на себя бремя ближнего своего, какое бы оно ни было, и, так сказать, положить свою душу на место души ближнего своего, и стать, насколько это возможно, двойным человеком. И страдать, и плакать, и скорбеть вместе с ним. Наконец, он должен полагать, словно он сам облачился в тело своего ближнего, приобрел его лик и душу, и готов был страдать за него, как если бы страдал за самого себя. Ибо так написано: *Все мы – одно тело*, и этот отрывок также сообщает нам о святом и таинственном поцелуе»¹⁴.

На них, несомненно, повлиял старый гностический взгляд на материю как зло, а также новый гностицизм, который в форме манихейства начал проникать с Востока. Манихейство было запрещено Диоклетианом как чуждое учение, заимствованное из Персии, а затем отвергнуто Христианским миром как нехристианское учение и дьявольская забава. Но манихейство, в отличие от многих других ересей, наиболее сильно и тонко подпитывалось человеческими эмоциями. Оно несло в себе заряд эмоционального обновления. Именно под влиянием манихейства в Христианском мире укрепилось – хотя история о грехопадении, описанная в Книге Бытия, не давала для этого никакого основания – смутное предположение,

что тело каким-то образом пало больше, чем душа. Внутри Церкви это убеждение разделяли отцы-пустынники, особенно в их искреннем отвержении половой сферы. Это, пожалуй, единственное, что широко известно о них, за исключением св. Симеона¹⁵, – и эти презрение и ненависть, с которыми они горячо отвергали ее, вызвало ответное отторжение в отношении них в более поздние века¹⁶.

Это отрицание было частью общего для них стремления к единству души, даже когда это единство (*singleness*) превращалось в односторонность (*singularity*). Половое влечение, полагали эти бедные и неученые (*ignorant*) создания¹⁷, является одной из величайших, самых коварных и самых устойчивых страстей, хотя сама Церковь, по крайней мере после осуждения практики *subintroductae*¹⁸, не склонна была признавать его таковым.

Но даже в Фиваиде отвержение плотского влечения рассматривалось как не более чем средство, а не цель. «Монах встретил служанок Божиих на горной дороге и при виде их свернул с дороги. И настоятельница сказала ему: “Если бы ты был совершенным монахом, ты бы не посмотрел так внимательно, чтобы понять, что мы женщины”»¹⁹. Ответ был бы вообще идеальным, если бы она сказала: «Ты бы даже не понял, что мы женщины». Возможно, так она и сказала.

Нет, без сомнения, более величественного состояния, чем благоговейное созерцание всех Божественных творений, включая женщин. Замечание настоятельницы было не просто милым; оно проявляло желание, которое является славой Христианского мира, неважно, в пустыне или в городе. «Смотри, – сказал основатель монашества, умирая, – Антоний заканчивает свое путешествие; теперь он идет туда, куда приведет его Божественная Благодать»²⁰.

Несмотря на восхищение аскетизмом пустынников, отношение Церкви к телу как к творению Божию оставалось доктринально неизменным. Два древних канона, второго-третьего века, освещают эту официально принятую точку зрения.

«Если какой-либо епископ, или священник, или диакон, или какой-либо клирик, будет воздерживаться от брака, и от мяса, и от вина, не ради воздержания, но с презрением, и забывая, что все весьма хорошо и что Бог сотворил человека мужчиной и женщиной, тот кощунственно поносит творение (*blasphemans accusaverit creationem*), пусть его либо исправят, либо низложат и извергнут из Церкви (*atque ex Ecclesia ejiciatur*). То же самое и с мирянином»²¹.

«Если какой-нибудь епископ, или священник, или диакон не вкушает мяса и вина в праздничные дни, да будет низложен, чтобы он не ожесточил свою совесть и не стал причиной соблазна для многих»²².

«Кощунственно поносит творение»... Даже если бы весь Христианский мир переселился в пустыню и жил там среди диких зверей, оставалось бы верным это мнение столпов Церкви, что брак, мясо и вино «хороши весьма». Отказ от них должен был быть отказом, но не отрицанием, равно как и их принятие должно было быть принятием, а не подчинением.

Оба пути, Утверждения и Отрицания телесной сферы, должны были сосуществовать. Можно сказать, они и сосуществовали, поскольку каждый из них был ключом к другому: как в разуме, так и в чувствах, как в поведении, так и в вероучении. «От ближнего зависит твоя жизнь и смерть»²³. Ни одно Утверждение не может

быть столь полным, чтобы не нуждаться в ограничении, дисциплине и аскезе; так же и нет Отвержения столь абсолютного, чтобы не нуждаться хотя бы в малом (в прямом и переносном смысле): в бобах, шкурах диких зверей и небольшом количестве воды.

Те, кто решительнее отвергал материальную сферу, более жестко придерживались запретов и ограничений; те, кто с подозрением относился ко всяким жестким запретам, могли легче всего постичь Божественный образ, запечатленный в материи. Евхаристия, одновременно и Образ, и Присутствие, была общей и необходимой для обоих. Один путь заключался в том, чтобы утверждать порядок во всем, пока Вселенная не запульсировала Божественной жизнью; другой – отвергать все, пока нигде не останется ничего, кроме Бога. Путь Утверждения заключался в прославлении любви и брака, в развитии искусства, философии и в установлении социальной справедливости; Путь Отвержения прорывался в глубоких мистических документах души, в записях великих христианских психологов. Оба были путями Христианского мира, и между ними как бы гудела от натяжения сеть церковной иерархии, трудившейся, упорядочивавшей, формулировавшей, подтверждающей, зачастую и что-то не понимавшей, но необходимой для всякой организации во времени и особенно необходимой в эпоху, когда пространство Христианского мира настолько расширилось.

Есть два документа, возникшие столетием или двумя позже, которые представляют разделение между этими Путиами в сфере логических определений. Разделение это касается познания Природы Бога. Это великая гуманистическая ода, обычно называемая «Афанасиевым Символом веры»²⁴, и «Мистическое богословие» Дионисия Ареопагита²⁵. «Афанасиев Символ» говорит о непостижимости Божества, а Дионисий расчерчивает Небеса, как схему (plans out the heavens). Ни в том, ни в другом тексте нет ничего от позиции Евномия Кизического, который «превратил теологию в технологию» и, как сообщалось, заявлял: «Я знаю Бога так же хорошо, как Он знает Себя»²⁶. Но эпитет «гуманистическая» может служить разделением в путях познания; подчеркивание того, что постижимо в Божестве, предполагает нечто непостижимое в Нем. И напротив, утверждение того, что остается в Нем непостижимым, допускает нечто постижимое. Соединение того и другого заключено во фразе Игнатия, цитируемой Дионисием и догматически заявленной в «Афанасиевом символе»: «Моя Любовь распята»²⁷.

«Символ» является определением того, что есть спасение, и установлением главного условия для него: человек должен верить в возможность спасения и в его особую природу. «Символ» не начинается с требования веры в собственное существование, что обычно кажется желательным в качестве некоего предварительного условия. Мы чувствуем, мы думаем, что мы существуем, но факт нашего существования едва ли становится для нас серьезным актом веры, в то время как Христианский мир состоит из людей, которые верят, что благодаря Богу они существуют, но далеко не всегда думают и чувствуют это.

Однако «Афанасиевский Символ», не отвлекаясь на эти вопросы, начинается сразу с Творца. Во взаимосвязанных и веских формулировках он суммирует все, что касается отношений в Божестве; Божество есть один Бог – единственное число

торжествует над раздробленным множественным: «не три Господа, но Один Господь». Затем Афанасий переходит к Воплощению: «для вечного блаженства необходимо твердо верить, что Господь наш Иисус Христос стал плотью». Именно в этой связи Афанасий произносит фразу, которая является квинтэссенцией пути Утверждения: «не Божественная природа изменилась на человеческую, но человеческая природа принята Богом». Это является максимой не только конкретного религиозного Пути, но и всего утвердительного пути гуманизма. Это та подлинная человеческая природа, которую следует развивать, а не высота Божественной природы, которую следует в ней снизить. Все образы человеческой природы должны быть развиты; не следует игнорировать ее материальное начало; весь опыт должен быть собран. Образы могут быть столь же важны для аскезы, как и их отсутствие; отказ от них сам по себе также может быть искушением. Благодаря Замещению и Жертве все «добрые дела» следует продолжать и накапливать, и те, кто участвует в них, обретут через них вечную жизнь²⁸.

Этот принцип следовало хранить «неизменным и неподдельным», что было вряд ли под силу обычному человеку; поэтому этот принцип сохранял, уточнял и освещал себя сам. Без этого великого союза – «совершенного Бога и совершенного Человека с душой разумной в теле человеческом»²⁹ – человек неизбежно соскальзывал бы из одной суеты в другую, из иллюзии в иллюзию, вечно погибая, вечно теряя себя. «Но наша общая христианская вера состоит в том...»

Второй текст был совершенно иного рода.

О трудах Дионисия Ареопагита упоминал в 533 году в Константинополе патриарх Антиохийский Севир, монофизит³⁰. Книги, на которые ссылались еретики, имели в то время, как и многие другие неортодоксальные сочинения, почти апостольский авторитет, который им приписывался ошибочно; сказать «ложно» означало бы сознательное моральное намерение, которого тогда ни у кого не было. Предполагалось, что их автором был Дионисий, афинянин и ученик самого апостола Павла, которого Павел поставил первым епископом Афин. Ему приписывались четыре книги: о небесной иерархии, о церковной иерархии, о Божественных Именах и о мистическом богословии. Сейчас считается, что подлинный автор этих сочинений был сирийским монахом конца V века и последователем псевдо-Иерофея, отождествляемого с другим сирийцем, Стефаном бар Судайли³¹.

С 533 года эти писания витали над Христианским миром, как некие безногие райские птицы. У одних они вызывали восхищение и благоговение, у других недоверие³². Они были признаны ортодоксальными папой Мартином I на Латеранском соборе в 649 году³³. В 757 году папа Павел отправил их Галльской Церкви, а византийский император Михаил II Травл – Людовику Благочестивому. Их перевел для Карла Лысого во Франции и для всей Западной церкви Иоанн Скот Эриугена. Их комментировал и много из них почерпнул Иоанн Дамаскин. В период расцвета схоластики на них, как на авторитетный богословский источник, ссылались Фома Аквинский и анонимный автор «Облака незнания». Последний приводил отрывок из Дионисия в подтверждение своей мысли о невозможности познания Единого через чувственные образы и крахе нашей духовной пытливости на этом пути.

Сочинения Дионисия были высшим проявлением великого мистического пути

размышлений и опыта; они с трудом вписывались в ортодоксальное христианство. Апофатические определения, содержащиеся в них, удовлетворяли определенному складу ума, стремящемуся к интеллектуальному созерцанию Божественной Первопричины. Выводы «Мистического богословия» парят в великой тьме, слабо освещенной теми самыми катафатическими принципами, которые они же и отвергают.

«Далее восходя, говорим, что Она не душа, не ум; ни воображения, или мнения, или слова, или разумения Она не имеет; и Она не есть ни слово, ни мысль; Она и словом не выразима и не уразумеваема. Она и не число, и не порядок, не величина и не малость, не равенство и не неравенство, не подобие и не отличие; и Она не стоит, не движется, не пребывает в покое; не имеет силы и не является ни силой, ни светом. Она не живет и не жизнь; Она не есть ни сущность, ни век, ни время. Ей не свойственно умственное восприятие; Она не знание, не истина, не царство, не премудрость; Она не единое и не единство, не божественность или благодать; Она не есть дух в известном нам смысле, не сыновство, не отцовство, ни что-либо другое из доступного нашему или чьему-нибудь из сущего восприятию; Она не что-то из не-сущего и не что-то из сущего; ни сущее не знает Ее такой, какова Она есть, ни Она не знает сущего таким, каково оно есть; Ей не свойственны ни слово, ни имя, ни знание; Она не тьма и не свет, не заблуждение и не истина; к Ней совершенно не применимы ни утверждение, ни отрицание; и когда мы прилагаем к Ней или отнимаем от Нее что-то из того, что за Ее пределами, мы и не прилагаем, и не отнимаем, поскольку выше всякого утверждения совершенная и единая Причина всего, и выше всякого отрицания превосходство Ее, как совершенно для всего запредельной»³⁴.

Итак, это не то Существо, которому человек может молиться; но без этого апофатического богословия не было бы Того, кому люди могли бы молиться, и горизонт Христианского мира был бы слишком ограничен.

Впрочем, Дионисий знал и Утверждающий Путь; к нему близка его книга «О Божественных Именах». Например, размышляя в ней о «распятой Любви», он следующим образом комментирует апостола Павла: «И великий Павел, будучи одержим Божественной Любовью, ... сказал божественными устами: *И уже не я живу, но живет во мне Христос*³⁵. Сказал он это как поистине любящий, исступив из себя, как он сам говорит, к Богу, и живя не своей жизнью, но жизнью Возлюбленного как весьма желанной»³⁶. Ибо Тот, что находится за пределами всех категорий и имеет только внутри себя необходимость существования, «будучи привлекаем ко всему сущему Промыслом, словно благодатью, влечением и любовью, и из состояния запредельно все превышающего низводится сверхсущественной неотделимой от Него выводящей вовне силой»³⁷.

И все же подлинной компенсацией за успех, достигнутый в Никее, и противовесом ему были не египетские отшельники и монахи, и ни сирийские мистики с их внутренней «вершиной созерцанья»³⁸. Не были ими и волнения, бунты, изгнания и отлучения, сразу же последовавшие за Никейским собором. Ариане раскололись на ариан и полуариан; заявления «великого и священного Синода» горячо оспаривались, и если Святой Дух управлял голосом Церкви, он не пытался заставить

замолчать другие голоса Христианского мира. Многие епископы были изгнаны и лишены сана; император опасно склонялся к более понятной арианской точке зрения; Афанасий стал епископом Александрийским, бежал, вернулся и снова был изгнан. Он укрылся у монахов-пустынников, самоотверженно хранивших чистоту веры. Арий вернулся в Александрию, упал с мула и умер, но с его смертью его учение не исчезло. Подобные несчастные случаи, происходившие с такими известными религиозными вождями, были в глазах их оппонентов божественной карой; в тот период в Христианском мире во всех внешних событиях пытались увидеть указание на внутреннюю и духовную истины. Это была ложная набожность; в более поздние времена под ее влиянием придумывались страшные муки, которые должны были испытывать на смертном одре атеисты, и мучительные болезни, которыми должны были страдать недостаточно благочестивые христиане. Это само по себе достаточно опасно; и это еще больше усугубляется фатальной склонностью людей брать на себя функции Господа Бога и обеспечивать от Его имени смерть и мучения, которые, по их мнению, Его непостижимое терпение опрометчиво отложило. Арианские споры, сопровождавшиеся пожарами и кровопролитиями, стали распространяться по мирной в остальном империи Константина.

Все это еще было результатом Никейского собора. Около середины века, примерно ко времени смерти Антония и третьего изгнания Афанасия, в Тагасте, в Нумидии, появилась на свет настоящая компенсация Никейскому богословию; имя ей было Августин.

Августин пришел, чтобы восстановить (или, как некоторые думают, навсегда нарушить) равновесие в Церкви. Благодаря Никейскому собору на Востоке духовное умозрение поднялось от подножия императорского трона до небесных высот, а идея духовного обмена охватила собой все дальние части земли и неба. С Августином теология вернулась к человеку и к его греховности.

Церковь всегда знала о грехе; некоторые из Ее учителей (например, Тертуллиан) знали о нем даже очень многое. Но в целом, особенно со времен александрийских богословов, Церковь больше говорила об Искуплении. Говорил о нем и Августин; достаточно прочесть его «Исповедь»³⁹. Однако в «Исповеди» нет ничего похожего на *anima naturaliter Christiana*⁴⁰. Августин решительно отделяет природное тело человека от его духовного тела; его последователи разделяли их с еще большей горячностью.

Когда Моника, мать Августина, увезла его восемнадцатилетнюю сожительницу и мать его сына из Милана обратно в Африку, следы той затерялись⁴¹. Однако этому событию, возможно, и сам Августин, и весь Христианский мир обязаны очень многим. Христианский мир тогда не получил ее; вместо этого он получил богословский стиль Августина. Этот стиль мысли, похоже, не допускал, что человек может гармонично и естественно вырасти – именно гармонично и естественно, несмотря на все необходимые стадии покаяния, – в нового человека из ветхого. Конечно, у того, кто слишком много думает об этом, меньше шансов это сделать. Но постепенное движение от ветхого человека к новому существует; великая августинианская энергия обращения, раскаяния и устремления лишь отчасти относится к нему.

Формально Августин не заблуждался; но по сути? Несмотря на всю свою образованность, он следовал Пути Отрицания чувственных образов⁴² и вдохновлял последующие столетия снова и снова возвращаться на этот Путь. Он всегда представлял опасность для своих последователей, поскольку без его гения они теряли его масштаб. Если отделить некоторые его высказывания от обаяния личности, то можно заметить, что в них больше говорится не об Искуплении, а о Проклятии. *Антропоса*, которым был Христос, у него начинал немного заслонять *антропос*⁴³, которым был Адам. У Августина это еще не происходило, ибо его взор был устремлен на Христа. Но ему почти удалось, хотя и ненамеренно, обратить взоры Христианского мира на Адама. И это обращение было небезопасным.

«Августин из своего небольшого морского порта на побережье Северной Африки управлял всей Западной Церковью, как ее интеллектуальный диктатор»⁴⁴. Он был обращен, как и апостол Павел; он ухватил суть христианства через Павла. Он поднялся в христианство из состояния, которое он переживал как катастрофу. И эта великая изначальная катастрофа, по Августину, была ситуацией, в которой рождается каждый человек; Новое Рождение должно стать освобождением от нее.

Два его известных высказывания кратко выражают это рождение. Первое – неохотный вздох: «Дай мне целомудрие и воздержание, только не сейчас!»⁴⁵. Второе – примиренная радость: «Повели мне быть целомудренным; дай, что повелишь, и повели, что хочешь!»⁴⁶. Оба высказывания взяты из «Исповеди», которую (как заметил Августин презрительно⁴⁷) люди читают больше из любопытства, или (как он мог бы добавить) из человеческого интереса к человеческому (*a human sense of the human*); совсем не такого чтения желал этот великий отвергатель образов. Ему должно было казаться глупым, что в его автобиографии восхищаются всем, кроме того, ради чего она была написана. Но Духу Святому, возможно, было угодно, чтобы одна фраза в ней – вторая из двух приведенных выше – стала поводом для еще одного большого спора и вызванных им важных решений в Христианском мире.

Началось все с того, что в Риме состоялось какое-то собрание: духовное собеседование или что-то в этом роде. На нем присутствовал и ирландский христианин Пелагий⁴⁸. Он не был священником; в Риме он находился, пытаясь возродить религиозную жизнь и пробудить к ней интерес; он был своего рода миссионером для римлян. Метод его заключался в том, чтобы побудить людей быть *людьми*. Он был вполне ортодоксален, полон любви к своим братьям и стремления к их благу. Он полагал, что для того, чтобы им исполнять волю Божью и быть целомудренными (добродетельными и так далее), достаточно того, чтобы они сами этого пожелали. Люди грешат, учил он, когда сами выбирают грех; если они не выбирают его, то и грех им не нужен. И это тоже пока еще не было ересью. Пелагий добился определенного успеха, его влияние росло.

На упомянутой встрече в Риме присутствовал, как писал Августин, и «некий брат, мой со-епископ». Этот епископ во время встречи процитировал из «Исповеди», уже имевшей широкое хождение, фразу: «*da quod iubes*», «дай, что повелишь». Этого, добавляет Августин, «*Pelagius ferre non potuit*» – «Пелагий не смог

вынести»⁴⁹. Человек, полагал Пелагий, вообще не мог оказаться в подобной ситуации; он, конечно, мог быть искушаем, но был способен противостоять искушению. «Возьми себя в руки, дорогой друг», – вот что, говоря современным языком, ответил Пелагий. Говорить о том, что добродетель тяжка или трудна, что она невозможна, или жаловаться на немощь плоти – значило для Пелагия прямо противоречить Богу. Это значило утверждать, что Бог сам не ведает, что дает, либо не понимает, что повелевает: «как будто... Он навязывал человеку заповеди, которые человек не мог вынести»⁵⁰.

Но то, что Пелагию показалось вводящим в соблазн, для Августина было истиной. Заповедь предписывала человеку сохранять целомудрие, но человек не мог его сохранять. Соблюдение заповеди становилось невозможным. В результате человек не просто оказывался в сложной ситуации: человек сам становился *сложной ситуацией*; сам становился противоречием, смертью-в-жизни и жизнью-в-смерти. И неспособен был сам это противоречие преодолеть. Августин остро это чувствовал и учил этому с момента своего обращения: человек является ситуацией, и только благодать Божия может это изменить. Августин, как и Пелагий, искренне желал, чтобы человек преодолел грех: вопрос был в том, что такое грех и как следовало его преодолеть.

Расширяющиеся круги этого спора вышли далеко за пределы Рима и Иппона⁵¹. Никогда прежде Христианский мир не был свидетелем столь полного и честного развития двух противоположных взглядов. Он и раньше признавал, что люди находятся в падшем состоянии, но не настаивал на каком-либо его определении. Если он и говорил о падшем состоянии, то лишь в отношении к Тому, Кто людей от этого состояния освободил. Именно так рассуждали величайшие умы и благороднейшие души Христианского мира. Столкновение Пелагия и Августина все изменило.

То, что человек в лице Адама пал, признавали все. По сути, Пелагий сказал, что Адам, во-первых, был сотворен изначально благим. Во-вторых, он каким-то образом согрешил и подал тем самым пример греха для своего потомства, у которого развилась своего рода социальная привычка грешить. Под ее власть подпадает каждый человек, когда он растет, но еще не обладает в полной мере разумом. В-третьих, любой человек в любой момент может избавиться от этой досадной привычки, проявив твердость по отношению к самому себе: «имей смелость, мой мальчик, сказать “нет”»⁵². В-четвертых, следовательно, для этого не требовалось никакой особой благодати Божией. Она признавалась лишь как желательная помощь, которую благонамеренный христианин всегда мог получить от Бога.

Сторонники Августина, и прежде всего сам Августин, утверждали, что, во-первых, первый человек был сотворен не просто благим, а сверхъестественно благим, поскольку обладал особым осознанием присутствия Бога. Во-вторых, Адам лишился этого посредством греха, и его грехом была «гордость», то есть «акт оставления истинного “принципа” души и установления собственного принципа»⁵³. Адам как бы утверждал тем самым потребность только в себе самом (of being in himself) и соответственно этому себя повел. Повел себя, в каком-то смысле, так, как если бы он сам был Богом. В-третьих, его потомки, таким образом, вовсе не имели простой

социальной привычки грешить; они не просто иногда грешили; они были грешниками, это совсем не одно и то же. Они все были вовлечены в это первое беззаконие и разделяли его вину. «*Omnes enim fuimus in illo uno quando omnes fuimus ille unus*». «Мы все были в этом одном человеке, когда мы все были им одним»⁵⁴. Будучи все виновными, мы все заслужили ад и пребываем на пути к нему просто в силу того факта, что родились, пусть даже рождаемся мы и не ради этого.

В этом был мучительный парадокс. Родиться было благом, но это благо означало и крайнее зло, жизнь-в-смерть и смерть-в-жизнь. Некоторые, кому случилось умереть до наступления разумного возраста, возможно, будут страдать меньше. Но в остальном люди *испорчены*. Они обречены существовать во мраке губительного невежества и в вихре извращенной любви. Они – вечные соучастники изначальной катастрофы, случившейся, когда Адам решил, что принцип и необходимость его существования находятся в нем самом.

Поэтому, в-четвертых, утверждать, как это делал Пелагий, что человек был просто исподволь, социально, приучен к греху, была кощунственной и еретической бессмыслицей. Человек был во грехе и не мог вырваться из него по своему собственному выбору. Он мог преодолеть его только по благодати, которой в нем самом уже не было. Для Августина Пелагий фактически призывал людей погружаться все глубже в последствия этой первородной катастрофы; ведь он фактически заявлял, что человек – сам себе принцип, что он сам по себе способен творить добрые дела. Но весь Христианский мир, и особенно Августин, знали, что только Христос может действовать как Христос.

Но если только Христос действует как Христос, кто тогда действует как Антихрист? Если все наши добрые дела – дела Божьи, то чьи же наши злые дела? Наши? Да. Бог, по Августину, как бы определяет Себя творить добро в жизни каких-то людей; в этом состоит Его милость.

А как быть с теми людьми, в жизни которых Он не предопределяет себя творить добро? Предположим, Он решает этого не делать. Эти жизни потеряны? Получается, что да. Бог спасает того, кого выберет, остальные же остаются проклятыми. «Его справедливость настолько тайна, что находится за пределами человеческого понимания»⁵⁵.

Важно осознавать, что здесь Августин совершенно искренне говорит именно о «справедливости» и о том, что она находится «за пределами человеческого понимания». В устах «первого современного человека»⁵⁶, как называют Августина, слово «благодать» зазвучало по-новому. Это было неожиданным возвращением Адама. «Благодать Господа нашего Иисуса Христа» должна была анализироваться и обсуждаться так же, как и Природа Господа нашего Иисуса Христа. Тайна возвращения человека становилась таким же вопросом для вдумчивого христианского интеллектуала, как и тайна искупления. За включением в Никее Спасителя в единство Божества последовало вытеснение Адама, в конечном итоге, к отверстому кладезю бездны⁵⁷ и всех тех из потомства, которых непостижимая Справедливость не выбрала, среди мириадов остальных, для искупления.

И все же Августин, возможно, рискуя убедительностью своих выводов и выводов, которые будут делать его последователи, стремился к тому же самому

принципу неизбежной связи людей, на котором, во многом, основывалось учение Церкви. «Fuimus ille unus...». «Мы все были в этом одном человеке, когда мы все были им одним». Какие бы эпохи ни отделяли нас от Адама, мы пребываем в нем и являемся им; мы согрешили в нем, и вина его на нас. Все человечество связано единой сетью существования (web of existence), и никакие эпохи не могут отделить его от Адама. Обмен, замена, сопринадлежность (co-inherence) – это всё и естественный факт, и сверхъестественная истина. «Другой во мне», – сказала Фелицитата; «Мы все в другом», – сказал Августин. Сопринадлежность возвращается к своему началу и продолжается до конца, и *антропос* присутствует повсюду. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут⁵⁸. Сопринадлежность началась не с христианством; но с христианством она была искуплена и раскрыта этим искуплением и как сверхъестественный, и как естественный принцип. Мы согрешили в Адаме, но Христос принял на себя этот грех, и в Нем мы были выведены из греха. Отказаться от наследия первородной вины значило отделить себя и от человечества, и от этого нового принципа. Необходимо принять первое так же свободно, как и второе.

Новый принцип был введен в сеть существования, и только он мог отделить одну душу от другой или любую душу от множества. Этот принцип находился не только в духе, но и во плоти человека. Пелагий заявлял, что человек обладает нравственной свободой; позже Несторий заявит, что во Христе были два существа, соединенные нравственным союзом, а не одна божественная Личность⁵⁹. «Несторианский Бог является подходящим Спасителем для пелагианского человека»⁶⁰. Именно это заставило Нестория отрицать, что Пресвятая Дева была *Theotokos*, Богородицей. Но это неизбежно приводило его к отрицанию того, что она была *anthropotokos*, матерью Человека. Противники Нестория утверждали, что Она была и тем, и другим, поскольку и Падение, и Искупление касались не только души, но и тела. Тайна их совершалась во плоти и крови. Именно эту глубину обмена и замещения, естественных и сверхъестественных, горячо провозгласил Августин. Христианский мир никогда полностью не подчинился Августину; многие века он стремился уйти от его интеллектуальной диктатуры. Но без Августина он перестал бы быть Христианским миром.

Августин сделал больше; он сделал еще больше. «По сравнению с христианской философией в целом, даже такие мыслители, как Климент и Ориген, выглядят лишь предшественниками Августина; они философствуют о Боге и человеческой природе, а не о божественной сфере, сфере общения с Богом, которая не существовала как проблема для философского сознания до *Civitas Dei*»⁶¹.

Дело не только в том, что этому была посвящена его книга, носящая это название, и что Августин описывал в ней некое небесное государство. Сотни апокалипсических апокрифов описывали *его* до Августина; Церковь никогда не отказывалась от *его* утверждения. Августин пошел дальше. Он вернул тему Искупления; ведь оно уже было в природе человека почти с той самой точки, с которой начались человеческие заблуждения. Сам грех, который человек совершил до своего рождения, в Адаме, стал началом действия той предопределенной благодати, которая только ожидала момента его рождения, чтобы начать свое непосредственное действие.

Город Божий снисходит на своих граждан, руководя ими, подобно богу Вагитану⁶², с первого их младенческого плача и навсегда отделяя их от преходящих земных городов и делая их в этом мире паломниками и странниками. Справедливость Искупления вступает в силу сразу же после рождения; она предопределяет жизнь того, кого выбирает, и не предопределяет того, на ком не останавливает свой выбор. Но хотя этот выбор находится за пределами человеческого понимания, он неразрывно связан с собственным выбором каждого человека. Человек желает того, чего желает, потому что ему дана свобода. Предопределение – просто обратная сторона этой свободы. Это непостижимое единство свободы и предопределения, могущее стать и их непостижимым разделением, невозможно описать; слова здесь бессильны.

Это небесное государство было сферой деятельности. Предопределенная справедливость должна была воплотиться в царстве любви (state of love)⁶³. Гениальность Августина заключалась не столько в описании, сколько в предположении возможности такой общности. Им вибрирует вся его пылкая «Исповедь»; более абстрактный язык «Града Божьего» вычерчивает связь царства любви с историей, то есть, со временем, известным человеку. Августин рассматривал историю в связи с действием Божественного Промысла; это делалось и до него и выглядело, в интеллектуальном отношении, довольно тривиальным. Подлинное значение заключалось в ощущении колоссальных возможностей, связанных с действием Промысла. Это ощущение буквально бьет ключом во всех трудах Августина. Его визионерский порыв (dash of vision) везде устремляется на то, что содержит в себе возможности осуществления Промысла в истории. Такой осуществленной возможностью (opportunity) был Христос; апостол Павел создал словарь для осмысления этого осуществления; Августин превратил этот словарь в язык, диалект, стиль. Речь Афанасия была более богословски-утонченной, речь Августина – более универсальной. Августин напомнил о том, что человек испорчен, но способен возродиться через любовь. Он обновил идею Града; он показал, что смирение возможно для всех. «Совершенство состоит не в том, что мы отдаем Богу, а в том, что мы получаем от Него»⁶⁴.

Все это писалось в период внешнего кризиса античного мира; расширение христианской проповеди совпало с его разрушением. 24 августа, в 1164 году от основания Рима и в 410-м от Рождества Христова, готы под предводительством Алариха взяли и разграбили Рим. «Мой голос застревает у меня в горле, – писал Иероним, – и рыдания душат меня, пока я диктую. Город, пленивший весь мир, сам взят»⁶⁵. Он выразил чувства всех, как христиан, так и язычников. Такого потрясения Европа с тех пор не испытывала. Беженцы хлынули в Сицилию, в Сирию, в Африку (в числе последних был Пелагий; Августин видел его в Карфагене).

Двадцать лет спустя, «28 августа 430 года, на семьдесят шестом году своей жизни и на тридцать пятом году своего епископства, Августин умер, устремив взоры на покаянные псалмы и слыша крики осаждавших город вандалов. ... Они принесли Святую Жертву при его погребении»⁶⁶. Это было итогом и завершением его жизни и учения; он спас Христианский мир в тот момент, когда Гонорий, император Западной империи, потерял мир Римский.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. главу II «Примирение со временем».

² *Бог есть Любовь* (Ин. 4, 8).

³ Уильямс, вероятно, имеет в виду то, что, если исходить из логики ариан, Бог-Отец мог любить Сына только как свое творение.

⁴ См. о мученице Фелицитате в гл. II «Примирение со временем».

⁵ Один из важнейших терминов у Уильямса – *co-inherence*, который можно перевести также и как «сопричастность», «взаимопричастность», «взаимопринадлежность», «взаимопроникновение». Уильямс заимствует его из святоотеческого богословия, где он используется для описания отношений между человеческой и божественной природой Иисуса Христа и отношений между лицами Пресвятой Троицы («соприсносущность»). Уильямс придает ему, однако более широкое понимание – как идеальное отношение между людьми, прежде всего – христианами.

⁶ В действительности Эдвард Гаварден (Hawarden, 1662–1735) был католическим богословом, а англиканским – Сэмюэль Кларк (Clarke, 1675–1729). Взгляды Кларка на учение о Троице были близки к арианским. Диспут, упомянутый Уильямсом, произошел в 1719 году, в присутствии королевы Каролины; после того, как Кларк изложил свою позицию, Гаварден задал ему только один вопрос: «Может ли Бог-Отец уничтожить Сына и Святого Духа; да или нет?». Кларк не смог ответить на него.

⁷ Имеется, вероятно, в виду восприятие христианства выдающимся английским поэтом Уильямом Вордсвортом (Wordsworth, 1770–1850), прежде всего, в духе исповедуемого им пантеизма; это перекликалось с интересом Вордсворта к китайским религиозным учениям, конфуцианству и даосизму.

⁸ «Монастыри, цветущие, как весенние благоуханные цветы, разбросаны по всей земле, и знамение одиноких подвижников господствует от одного конца ее до другого». Из предисловия к «Житию Антония» (из более пространной сирийской версии); в русских переводах «Жития» отсутствует.

⁹ Источник цитаты установить не удалось.

¹⁰ Преподобный Виссарион Египетский (2-я пол. IV в.) был учеником Антония Великого (ок. 251–356), затем ушел в монастырь другого египетского подвижника, Макария Великого (ок. 300–391). История св. Таисии Фиваидской сообщается в «Лавсаике» Палладия Еленопольского (360–420) в новелле, не вошедшей в основной корпус текстов; в русских переводах «Лавсаика» отсутствует (Уильямс приводит ее по: *Wallis Budge E.A. The Paradise of the Fathers. Vol. 1.* – London: Chatto & Windus, 1907. P. 142). В других источниках в качестве отшельника, обратившего египетскую блудницу Таисию на путь покаяния, названы Пафнутий Великий и Серапион Тмуитский.

¹¹ Также из Палладия (*Wallis Budge E.A. The Paradise of the Fathers. Vol. 2.* – London: Chatto & Windus, 1909. P. 232).

¹² «Облако неведения» (*The Cloud of Unknowing*, ок.

1375 г.) – анонимный мистический трактат на средне-английском языке.

¹³ Имеется в виду Арсений Великий (ок. 354–449), один из выдающихся деятелей египетского монашества. Указанный эпизод приводится в «Древнем патерике» (ок. V в.), содержащем изречения и поучения отцов-пустынников. В переводе свт. Феофана Затворника: «Авва Макарий спросил авву Арсения: хорошо ли не иметь в своей келье никакого утешения? ибо я видел одного брата, который имел у себя несколько овощей, и вырвал их. Хорошо, отвечал авва Арсений, но смотря по навыку человека; ибо если он не имеет силы для такого образа жизни, то опять насадит других овощей» (гл. 10. О рассудительности) (Древний патерик, или Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. – М.: Благовест, 2022. С. 114).

¹⁴ Источник этой цитаты установить не удалось. Уильямс приводит ее в несколько измененном виде в «Образе Града», указывая в сноске как источник «*The Paradise of the Fathers, Sir Wallis Budge*», без указания страницы. Однако в этом сочинении данная цитата отсутствует.

¹⁵ Симеон Столпник (ок. 390 – 459) – сирийский монах, основоположник столпничества.

¹⁶ В оценке монашества наиболее заметно проявляется влияние Фрейда (и фрейдизма) на мировоззрение Уильямса и его круга. Эта поверхностная оценка аскезы отчасти объясняется и тем, что сам Уильямс не имел непосредственного знакомства с опытом монашества.

¹⁷ Многие египетские монахи были достаточно учеными людьми и имели в келиях немало книг (см.: *Реньё Л. Повседневная жизнь Отцов-пустынников IV века / Пер. с фр., вступ. ст., послесл., коммент. А.А. Войтенко.* – М.: Молодая гвардия, 2008. С. 102–104).

¹⁸ *Сподвижницы* (лат.) – девственницы, которые жили с мужчинами, посвятившими себя безбрачию, чтобы заботиться об их домашних делах.

¹⁹ *Wallis Budge E.A. The Paradise of the Fathers. Vol. 2.* P. 162.

²⁰ Источник этой цитаты установить не удалось. В «Житии преподобного Антония Великого», где приводится его речь на смертном одре, эти слова отсутствуют.

²¹ *Hefele Ch.J. A History of the Councils of the Church: from the Original Documents to the close of the Council of Nicaea A.D. 325 / Transl. from German and ed. by W.R. Clark. Eugen, Oregon: Wipf and Stock Publishers, 2007. P. 479.* Ср. «Правила св. Апостол», 51: «Если кто, епископ или пресвитер, или диакон, или вообще из священного чина, удаляется от брака, мяса или вина, не ради подвига воздержания, но по причине гнушения, забыв, что все добро зело, и что Бог, создавая человека, мужа и жену сотворил вместе, и таким образом клеветает на создание: или да исправится, или да будет извержен от священного чина и отвержен от Церкви. Так же и мирянин».

²² *Hefele Ch.J. Ibidem. P. 480.* Ср. «Правила св. Апостол», 53: «Если кто, епископ, пресвитер или диакон, во дни

праздника не вкушает мяса или вина, не ради подвига воздержания, а гнушаясь ими: да будет извержен, как сожженный в собственной совести и бывающий виною соблазна многим».

²³ Изречение преп. Антония Великого (см. гл. II).

²⁴ «Афанасиевский Символ Веры» (известный также как «Symbolum Quicumque»), приписываемый св. Афанасию Александрийскому, возник в Западной Церкви; он составлен на латыни не ранее 2-й половины V в. Он содержит в себе учение об исхождении Св. Духа от Отца и Сына (ex Patre et Filio). До VII в. Символ не приписывался св. Афанасию. Впоследствии он был переведен на греческий язык, однако выражение «и Сына» при переводе было опущено. В таком виде «Символ св. Афанасия» получил распространение на Востоке, в частности, славянские издания Псалтири вплоть до начала XX столетия включали его в качестве предисловия. Афанасиевский Символ веры используется в богослужениях римско-католической, англиканской и лютеранской церквей. В православной церкви не используется. См.: <Псевдо-Афанасий.> Символ Quicumque / Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, архиепископа Александрийского / Изд. 2-е испр. и доп. <Сергиев Посад>: Свято-Троицкая Сергиева Лавра собственная тип., 1902–1904 / Ч. 4. – 1903. 477–479.

²⁵ Тракта́т «О мистическом богословии» (Περὶ μυστικῆς θεολογίας) приписывается ученику ап. Павла Дионисию Ареопагиту (I в. н.э.), первому епископу Афин; в настоящее время его авторство признано в библеистике спорным и автор этого и других сочинений так наз. «ареопагитского корпуса» обычно упоминается как псевдо-Дионисий. В трактате сформулирована концепция апофатического (отрицательного) богословия – познания Бога через последовательное отрицание всех возможных Его определений, как несоизмеримых Ему. См.: Дионисий Ареопагит; Толкования Максима Исповедника. [Пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова]. – СПб.: Алетейя, Изд. Олега Абышко, 2002.

²⁶ Kidd B.J. A History of The Church To A.D. 461. 3 vols. Vol. II. – Oxford: Clarendon Press, 1922. P. 153. *Евномий* (ум. ок. 394) – епископ Кизический, представитель крайнего арианства.

²⁷ Из Послания сщмч. Игнатия Богоносца к римлянам. См. об этом в гл. II. В «Мистическом богословии» псевдо-Дионисия эта цитата отсутствует.

²⁸ «...Кто добро творил, пойдут в жизнь вечную, кто зло творил, пойдут в огонь вечный» (<Псевдо-Афанасий> Символ Quicumque... С. 479).

²⁹ В оригинале это сказано о богочеловеческой природе Христа; Уильямс трактует это расширительно, применяя к человеческой природе вообще.

³⁰ Впервые патриарх Севир Антиохийский (ок. 465 – 538) упомянул сочинения псевдо-Дионисия на поместном соборе в Тире в 513 году. В 531–533 гг. последователи Севира ссылались на Псевдо-Дионисия в переговорах с православными в ходе Константинопольского собеседования. Севир представлял наиболее умеренное течение в монофизитстве, утверждавшим в Христе только одну, божественную природу.

³¹ *Стефан бар Судаили* (ок. 480 – ок. 543) – сирийский богослов, монах. Вероятный автор «Книги сокрытых тайн дома Божьего», приписывавшейся св. Иерофею Афинскому, ученику ап. Павла и наставнику Дионисия Ареопагита.

³² Райские птицы считались, по преданию, бескрылыми и безногими.

³³ У Уильямса ошибочно указан папа Виктор I, который скончался за четыре столетия до Первого Латеранского собора. Папа Мартин I опирался на сочинения Псевдо-Дионисия в полемике против монофелитов, утверждавших наличие у Христа только одной воли – божественной (а не божественной и человеческой).

³⁴ Псевдо-Дионисий. «О мистическом богословии», 5. Цит. по: Дионисий Ареопагит. Указ. соч. С. 367.

³⁵ Гал. 2, 20.

³⁶ Псевдо-Дионисий. «О Божественных Именах», 4. 13. Цит. по: Восточные отцы и учителя церкви V века: Антология / Сост., биогр. и библиогр. ст. иеромонаха Илариона (Алфеева). – М.: Изд-во МФТИ, 2000. (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Areopagit/obozhestvennykh-imenakh/)

³⁷ Там же.

³⁸ Выражение из «Потерянного рая» Дж. Мильтона: «Let us descend now therefore from this top / Of speculation» (Paradise Lost, XII); в переводе Арк. Штейнберга: «С вершины созерцанья нам пора / Спуститься» (*Мильтон Дж. Потерянный рай*. Стихотворения. Самсон-борец. – М.: Худ. лит-ра, 1976. (Библ. всемирной лит-ры. Сер. 1. Т. 45.)

³⁹ «Исповедь» (Confessiones) – общее название 13 автобиографических сочинений Августина Аврелия (354–430), написанных ок. 397–398 гг. и рассказывающих о его жизни и обращении в христианство. См.: *Августин Аврелий*. Исповедь / Пер. с лат. М.Е. Сергеенко. Вступит. статья А.А. Столярова. – М.: Ренессанс, СП ИВО – Сид, 1991.

⁴⁰ *Душа по <своей> природе – христианка* (лат.) – фраза из «Апологетика» (17.6) Тертуллиана.

⁴¹ Летом 386 года Моника, планировавшая супружество сына, добилась от него расставания с прежней его сожительницей, матерью его сына Адеодата. Как пишет об этом сам Августин: «Оторвана была от меня, как препятствие к супружеству, та, с которой я уже давно жил. Сердце мое, приросшее к ней, разрезали, и оно кровоточило. Она вернулась в Африку, дав Тебе обет не знать другого мужа и оставив со мной моего незаконного сына, прижитого с ней» («Исповедь», VI, 15). (*Августин Аврелий*. Исповедь... С. 164).

⁴² Августин противопоставлял чувственному познанию «через образы, доставляемые органами чувств», познание подлинное – «без образов, через внутреннее созерцание, представляющее нам созерцаемое в подлинном виде» («Исповедь», X, 11). (*Августин Аврелий*. Исповедь... С. 247).

⁴³ *Антропос* (ἄνθρωπος) – человек. Уильямс имеет в виду человеческую (наряду с Божественной) природу Христа, а также выражение «Сын человеческий» (υἱὸς ἀνθρώπου), в книге пророка Даниила означавшее

грядущего Мессию и в этом значении использовалась в Евангелиях.

⁴⁴ *Williams N.P.* The Ideas of the Fall and of Original Sin: A Historical and Critical Study. – Longmans, Green and Company, Limited, 1927. P. 317.

⁴⁵ «Исповедь», VIII, 7. (*Августин Аврелий*. Исповедь... С. 202).

⁴⁶ «Исповедь», X, 29. (*Августин Аврелий*. Исповедь... С. 262). Первая часть, «Прикажи мне быть целомудренным», в «Исповеди» отсутствует.

⁴⁷ Найти подобное высказывание у Августина не удалось.

⁴⁸ Происхождение Пелагия (ок. 360 – после 410) не является установленным; он был кельтом, однако из какой страны, населенной тогда кельтами, происходил, неизвестно.

⁴⁹ О даре пребывания, 53: «Эти мои слова Пелагий не мог вытерпеть в Риме, когда в его присутствии они были упомянуты неким братом моим и сотрудником в епископстве» (*Августин Аврелий*. О даре пребывания // *Августин Аврелий*. Антипелагианские сочинения позднего периода / Пер. слат, примеч. Д.В. Смирнова. – М.: АС-ТРАСТ, 2008. С. 381–457. (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-dare-prebyvanija/#source).

⁵⁰ Источник цитаты определить не удалось.

⁵¹ Иппон (Гиппон), или Иппон Царский – античный город в Северной Африке, на берегу Средиземного моря (ныне Анаба в Алжире). Епископом Иппона был Августин.

⁵² «Имей смелость, мой мальчик, сказать “нет”» (*Have courage, my boy, to say No*) – известная песня, написанная в 1870 году американским композитором и хоровым дирижером, руководителем Нью-Йоркского церковного хора Горацио Ричмондом Палмером (Palmer, 1834–1907).

⁵³ *Abercrombie N.* Origins of Jansenism. – Oxford: Clarendon Press, 1936. P. 13.

⁵⁴ «Ибо все мы были в нем одним, когда все были им одним, который впал в грех через женщину, созданную из него до греха». О Граде Божиим, XIII, 14 (*Августин Аврелий*. О Граде Божиим // *Августин Аврелий*. Творения / Сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. С. 630; (URL: https://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/13).

⁵⁵ Установить источник этой цитаты в трудах Августина не удалось. Вероятно, она является конспективным изложением высказываний Августина о непостижи-

мости Божественной справедливости, содержащихся в его различных антипелагианских сочинениях: «О благодати и свободном решении» (XXIII, 45), «Письмо Сиксту» (VII, 33), «Об упреке и благодати» (VIII, 18) и др.

⁵⁶ Августин был назван «первым современным человеком» в книге немецкого богослова и историка церкви Карла Вильгельма Иоганна Селла (1845–1914) «Из истории христианства» (*Sell K.* Aus der Geschichte des Christentums: Sechs Vorlesungen. – Darmstadt: Johannes Waitz, 1888. S. 43). Это определение получило большую популярность.

⁵⁷ Аллюзия на Откр. 9, 2; «кладезь бездны» – обозначение Геенны.

⁵⁸ 1 Кор. 15, 22.

⁵⁹ *Несторий* (после 381 – ок. 451) – архиепископ Константинопольский (428–431), родоначальник несторианской ереси, осужденной Эфесским собором в 431 г.

⁶⁰ Высказывание англиканского епископа и богослова Чарльза Гора (Gore, 1853–1932); Уильямс приводит его по: *Williams N.P.* Op. cit. P. 350.

⁶¹ *Hoffmann E.* Platonism in Augustine's Philosophy of History // Klibansky R., Paton H.J. (eds.) Philosophy and History. Essays presented to Ernst Cassirer. – Oxford: Clarendon Press, 1936. P. 179. *Град Божий* (Civitas Dei) – ключевая богословская категория в философии истории Августина, которую он обосновал в своем труде «О Граде Божьем против язычников» (*De Civitate Dei contra paganos*, 413–427 гг.).

⁶² *Вагитан* (или Ватикан) – древнеримское божество, присутствовавшее при первых криках новорожденного; изображался в виде плачущего младенца.

⁶³ Это, учитывая двусмысленность существительного «state», можно перевести и как «состояние любви».

⁶⁴ У Уильямса в конце этой цитаты дается ссылка на главу «Christianity and the Soul of antiquity» (написанную P. Rousselot и J. Huby) в коллективной монографии «The Life of the Church» (L.: Sheed & Ward, 1932); страница, как всегда, Уильямсом не указывается. Данное издание осталось для нас недоступным, и уточнить цитату не удалось.

⁶⁵ Иероним. Письмо к Принципии, 127. Русский перевод письма отсутствует.

⁶⁶ *Kidd Th.S.* A History of the Church to A.D. 461. 3 vols. Vol. III: A.D. 468–461. – Oxford: Clarendon Press, 1922. P. 150–151.

О добре и зле. О гневе

О добре и зле

Живые отличаются от мертвых не только тем, что смотрят на солнце и дышат воздухом, но тем, что совершают что-нибудь доброе. Если они этого не исполняют, то ничем не лучше мертвых.

Свт. Григорий Богослов (ок. 325 – 389)

...Добрый себя прилаживает к целому, а злой прилаживает целое к себе. Последний делает себя центром всех вещей; первый соразмеряет свой радиус и держится на окружности. Тогда он занимает должное место по отношению к общему центру, которым является Бог...

Жан-Жак Руссо (1712–1778)

Не только пагубен для нас грех, но пагубно и самое добро, когда делаем его не вовремя и не в должной мере.

Свт. Игнатий Брянчанинов (1807–1867)

Добро вообще не творится людьми, а только возвращается ими, когда они уготовляют в себе почву для него и заботятся об его росте; растет и творится оно силою Божией. Ибо добро и есть Бог. А единственный способ реально уничтожить зло есть вытеснение его сущностным добром; ибо зло, будучи пустотой, уничтожается только заполнением и, будучи тьмой, рассеивается только светом. Подобно пустоте и тьме, зло нельзя никаким непосредственным, на него обращенным способом раздавить, уничтожить, истребить – ибо при всякой такой попытке оно ускользает от нас; оно может лишь исчезнуть, *как тает воск от лица огня**, как тьма рассеивается светом и пустота исчезает при заполнении. В этом подлинном, сущностном смысле добро и зло живут только в глубине человеческой души, в человеческой воле и помыслах, и только в этой глубине совершается борьба между ними и возможно вытеснение зла добром.

Семен Франк (1877–1950)

* Пс. 67, 3.

Главное в жизни – всегда делать людям добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое

Свт. Лука Крымский (1877–1961)

Добро и зло познаются по плодам их – по делам, из них проистекающим, и Церковь злых плодов приносить не может.

Лев Карсавин (1882–1952)

О «добродетельности» я не сумею написать, так как это очень ответственный вопрос, но думаю... так: цель, смысл и радость и блаженство человека в том заключаются, чтобы в нем всегда по возможности горел и сиял божественный дух, веселя и согревая его сердце. Для этого горения нужен «дом», форма, чтобы огонь не потух на ветру. Вот этой формой, домом, деревянными, ничего в себе самих не представляющими предметами, грубыми и дешевыми бревнами, досками и железными листами и являются те качества человека, которые называются «добродетелями». Сами по себе они ровно ничего не значат, сами в себе они пустота. Представь себе построенный дом, но без жизни в нем человека, пустой, заколоченный. <...>

Слово «добродетель» потому и опорочено у нас, потому и сделалось действительно подозрительным словом, что люди позабыли о цели построения дома, о цели добродетелей, т.е. стали ценить их самих по себе слишком высоко. Слово «добродетель» вообще не должно было бы быть существительным. Надо было бы изменить его грамматику. Это не существительное, а глагол: добро-делать... т.е. засучить рукава, взять топор и рубить и тесать свой «дом», свое жилище Духу.

Сергей Фудель (1900–1977)

Всё, что мы называем злом, это лишь механизм. Бог сделал так, что Его благодать, проникая в самое сердце человека и оттуда просвещая всё его существо, позволяет ему без нарушения законов природы ходить по водам. Но когда человек отводит взгляд от Бога, он становится подвластным силе тяжести. Он еще думает, что может хотеть и выбирать, однако на самом деле он становится просто вещью, – не более чем обычный камень, который падает. Приглядевшись поистине внимательно к человеческим душам, к человеческим сообществам, мы увидим, что везде, где отсутствует действие сверхъестественного света, все подчиняется механическим законам, столь же слепым и столь же точным, как законы падения тел. <...> Те, кого мы называем злодеями, – это лишь куски черепицы, сорванные с крыши сильным ветром и падающие куда попало. Их единственная вина заключается в том первоначальном выборе, сделав который они обратились в черепицу.

Симона Вейль (1909–1943)

Только изнутри приобщенности к Богу можно понимать, что такое добро и что такое зло. И Адам сделал ошибку: он решил тварным образом узнать, что такое добро и что такое зло. Он решил вне Бога погрузиться в материальный мир и посмотреть: можно жить в нем или нет?

Митр. Антоний Сурожский (1914–2003)

...Раскаяние невозможно в нашем мире потому, что ушел из него нравственный закон, различение добра и зла. Или, лучше сказать, добро и зло из категорий нравственных перенесены теперь в категории прагматические. Добро – это то, что так или иначе соответствует нашей идеологии и способствует ее успеху, зло – то, что этой идеологии не соответствует и успеху ее мешает. <...>

Идеологизация добра и зла – это смерть совести. А смерть совести есть смерть раскаяния, ибо именно совесть является тем таинственным органом, что различает добро и зло.

Прот. Александр Шмеман (1921–1983)

Всюду, не только в человеке, но и в структуре материи, в структуре жизни, в структуре духовных таинственных измерений заложено добро, вернее, то, что мы называем добром. Творение в принципе гармонично, а зло – это не есть какое-то самостоятельное начало, а это порча, карикатура, извращение. <...>

В каких формах в мире существует зло? <...> Первая, элементарная форма – это хаос, это всякое разложение, умерщвление, дезинтеграция. <...> Так – на уровне природы.

Второе зло – на уровне человека. Это зло нравственное.

И, наконец, – на уровне чисто духовном: то, что мы называем демоническим злом. Здесь человек соприкасается с теми таинственными измерениями бытия, в которых тоже происходит какой-то сбой, какой-то дефект. Человек в эти измерения окунается и становится носителем их, инфицируется ими. Отсюда демоническая одержимость людей – носителей зла, людей, для которых зло становится их второй природой, людей, отравленных злом.

Прот. Александр Мень (1935–1990)

О гневе

Гневающийся... убивает душу свою.

Если где увидишь лежащую змею – бежишь прочь, боясь, чтобы не ужалила тебя, а гневу, который полон смертоносного яда, позволяешь оставаться в сердце твоём.

Преп. Ефрем Сирий (ок. 306 – 373)

Пришедшего в ярость старайся победить шутками. Смех – самое сильное оружие к сокращению гнева.

Свт. Григорий Богослов (ок. 325 – 389)

Кто точно опишет движения страсти гнева? Как изобразить словами неприличие такой болезни? У одержимых гневом – те же признаки, что и в бесноватых... Налитые кровью и выпученные глаза, невнятная и сбивчивая речь, пронзительный и прерывистый голос – вот общие признаки и раздражения, и беснования;

дрожание головы, иступленные движения рук, содрогание всего тела, не стоящие на месте ноги, – вот в одних чертах описание двух болезней.

Свт. Григорий Нисский (ок. 335 – 394)

Что для огня – вода, то для гнева – кротость и ласковость.

Воздерживайся всегда от крика, и ты никогда не придешь в гнев. <...> Как невозможно, не поднимая рук, вступить в кулачный бой, так невозможно, не поднимая крика, предаться гневу.

Не видите ли, как в домах огонь содержится в определенном месте, а не разбрасывается всюду, ни на сено, ни на одежды и куда случится, чтобы он не воспламенился от дуновения ветра? Точно так же будем поступать и с гневом: пусть он не сопровождает все наши помыслы, но хранится в глубине души, чтобы не возбуждал его ветер от слов противника...

Ты гневлив? Будь гневлив по отношению к своим грехам, бей свою душу, бичуй свою совесть, будь строгим судьей и грозным карателем своих собственных грехов. Вот польза гнева; для этого Бог и вложил его в нас.

Свт. Иоанн Златоуст (347–407)

Сластолюбивый повреждает только себя самого, и может быть и еще одного, своего сотаинника; гневливый же, подобно волку, часто возмущает всё стадо, и многие души огорчает и утесняет.

Прп. Иоанн Лествичник (525–595 или 579–649)

Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанной молитвой и самоукорением не утишится твое сердце.

Прп. Иларион Оптинский (1805–1873)

Все мы бываем раздражительны, все склонны к гневу, и потому все должны в покаянии просить у Господа духа кротости, смирения и терпения.

Прав. Иоанн Кронштадтский (1829–1909)

В тех местах Священного Писания, Евангелия, где Бог как будто с гневом обращается к окружающим, этот гнев выражает предельную боль, он – горячность, ожог боли, а не ненависть.

Грех – уродство. Я помню, как один человек рассказывал мне о своем ужасе и отвращении, когда он вдруг себя увидел в зеркале в припадке ярости, увидел искаженное, уродливое свое лицо и тогда понял, что из человека делает грех.

Митр. Антоний Сурожский

Иерей Сергей КРУГЛОВ

«Царство Божие – здесь»

*Избранные записи последних лет**

Сегодня после литургии в доме инвалидов (пишу «дом инвалидов» по старой памяти – там уже несколько лет как психоневрологический диспансер) подошла одна из насельниц, возраста неопределенного, от сорока до семидесяти примерно, привлекла мое внимание, вытащила из кармана маленькое яблочко и стала что-то увлеченно про него говорить, обмерять яблочко пальцами, подчеркивать его форму, размер и цвет, а потом подала яблочко мне и сказала: «Передайте его Богу».

Не то чтобы нынче многие из нас (имею в виду христиан, тех, о ком сказано Христом: *не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои***) перестали верить, нет, конечно; просто как-то перестали чувствовать Церковь, что ли... Пусть даже не перестали вовсе, но это чувство изрядно ослабело во многих из нас. Особенно ввиду тех внешних событий, которые все подкидывает и подкидывает *наружу*. И я вроде понимаю, что все дело не столько в этой пресловутой *наруже*, сколько в том, что у меня внутри. Но понимаю это с большим трудом и очень неясно, как сквозь неестественный свинцовый морок (я цепенею, сидя в серебряном кресле, а ведьма в зеленом все говорит и говорит...)

Проверочное предложение: *В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир****. «Скорби таки да, много, – а вот победа... Какая там победа, где и в чем вы ее видите?! Расползтись по индивидуальным норам, налаживать свои каналы связи с Богом, только это и остается!»

Особенно остро и горько и с отчаянием чувствую это в себе, когда прикасаюсь, например, к словам, свидетельствам и откровениям, сказанным св. отцами – как они становятся для меня просто цитатами, потому что сам я не в том же Духе, что те, кто сказал эти слова. Или как во мне подымается волна некоего протеста, когда я слышу о «символической стороне природы Церкви». Да и кто из знаемых мной не вскинется противоречить, скажи ему что-нибудь давно известное, например, что

* Продолжение. Начало в №№ 2–4 (XLIII–XLV), 2017; 1–4 (XLVI–XLVIII), 2018; 1–4 (XLIX–LI), 2019; 1–4 (LII–LIV), 2020; 1–4 (LV–LVIII), 2021; 1–4 (LIX–LXI), 2022; 1–4 (LXII–LXIII), 2023. (Примечания ВС.)

** Ин. 17, 9.

*** Ин. 16, 33.

«епископ есть символ Христа в евхаристическом собрании», или про «соборность» и «иерархичность», или еще что-нибудь подобное о Церкви. А если и не вскинет-ся, то посмотрит осоловело и уныло. Или когда звучат великие слова «смирение», «терпение», «милосердие», «любовь», «благодать» и им подобные, золотые слова, ставшие затертыми до состояния даже не медяков, не металла, а использованных автобусных билетов. Или когда кто-то заикнется, назвав в связи с Церковью имя Христово, а на него сморщатся и зашикают: отвяжись, без тебя знаем про Христа, потому что у нас у каждого уже есть – свой. Или... да тошно перечислять, конца и краю не видно всякому такому.

Господи! похоже, из всех Твоих заповедей, к которым я многократно пробовал примериться и которые нашел более-менее себе по силам и размеру, остается одна, это слова одного из Твоих святых: «Накрой голову мантией своей и спи»*. Я так и сделал, давно уже; и вот я ворочаюсь под этой мантией с боку на бок, руки и ноги, мозги и сердце и совесть – все затекло, и не могу даже попросить: «Господи, спаси меня, пока я сплю!», потому что и уснуть не могу, – нет покоя, мира внутри, не засыпается, лежу как на битом стекле... Я знаю, очень хорошо знаю, что, хотя я лщу себе мыслью, что я ведь никто и ничто, не фигура, равная Черчиллю, и без меня большевики обойдутся, но брань-то идет – именно во мне, из-за меня и за меня. Идет прямо сейчас и будет идти, как бы крепко я ни смежал веки; и что там не дает прийти сну от семи сёл, к чему я напряженно прислушиваюсь: капает ли то – донн, донн, донн – вода из крана на кухне, капает ли с Твоего креста, никак не унимается, не сворачивается, не перестает?

Заповеди, сказал я, «которые нашел более-менее себе по силам и размеру», – но, может быть, здесь и таится скрытая заноза? Может, не надо было мерить, чего мне там «по силам», чего – нет, а почаще напоминать, что это – вышеестественно, что это – *от Тебя?* Да я и напоминаю, но где, где взять терпения потерпеть Тебя и Твое, как опять же – не от Тебя?!

Ох, Господи, опять скатываюсь в намозоливший, воспаленный, обрыдлый индивидуализм; что же мне делать... Вот есть еще в обычном нашем молитвослове молитовка: *Господи! аще хочу, аще не хочу, спаси мя***, – вот, это про меня. Еще точнее: Господи, я и хочу, и не хочу; да Ты и Сам все знаешь.

Зинаида Миркина – из письма Вениамину Блаженному, 1991 год***:

Вот Вы собираете всех кошек и собак и идете с ними к Богу, и просите Бога воскресить кошку. А я в 18 лет уже не знала, как совместить кошку с птицей, съеденной ею, и даже с мышью. (А мышам за что?) Почему моя любимая кошка – злодейка моей любимой ласточки, свившей гнездо у меня под крышей? А я сама, которая ем мясо? (В войну не так-то просто было стать вегетарианцем, да я и не знала, выход ли это). Да только ли поедание мяса? Мы не только страдаем, мы еще доставляем страдания. И самое страшное – кажется, не можем их не доставлять. Вот это приводило меня в ужас, парализовало душу.

* «Если не имеешь ты силы совладать с собой и пасть на лицо свое в молитве, накрой голову мантией своей и спи, пока не пройдет для тебя этот час омрачения; только не выходи из келлии своей» (Прп. Исаак Сирий).

** Молитва прп. Иоанна Дамаскина.

*** Зинаида Миркина (1926–2018) – поэтесса, переводчица, эссеистка. Вениамин Блаженный (1921–1999) – поэт.

Думаю – как бы тут же отвечая ей за адресата, хотя, разумеется, вовсе в этом, в никаких там моих репликах, нет никакой надобности, ведь у Блаженного и Миркиной и без того разговор сложился, они были – близкие души; просто... не могу не сказать. Блаженный потому такие стихи и писал, что знал всем своим существом: те ничтожные мира сего, за кого он предстоит перед Богом и кем полны его строки и его сердце, – не только ведь безвинно страдающие, но и винно. Они и сами – грешники не только в смысле «немощи», но и в смысле зла, сами были чьи-то мучители... Тут словами не объяснишь. Нутром почуять можно; вербализовать, свести к раце – невозможно. За кого Христос на крест пошел, за одних только невинных? А есть они вообще, невинные-то?

Пресловутый «атеизм» Виталия Олеговича Кальпиди – довольно известен в литературной среде, но не о нем, собственно, речь. Вот одно место из эссе В.К. «Чертеж ангела. Парщикова»*, которое меня зацепило и понудило думать о прочитанном:

Мне ясно, что А.П. понимал поэзию как движение – как движение идей. С другой стороны, для этого движения нужно было обязательно создать лингвистическую среду. Сочинить и воспроизвести ее. Очевидно, что идеи могут двигаться (да и вообще существовать) только в отсутствие истины. Потому что при ее наличии любые идеи – это нонсенс. Движение текста А.П. – это движение, когда истина неубедительна, потому что спит. Зато может быть убедительным то, кого или что она видит во сне. Некачественный контрафакт истины в виде «правды» А.П. не интересовал в принципе.

Что я думаю по этому поводу?

Первое.

В самом деле, возможна ли поэзия в присутствии Христа, нужна ли поэзия как некий инструмент поиска истины (простите такое примитивное определение) в присутствии самой Истины, к чему фонарик, про шаривающий тьму, выхватывающий из нее забытое/неведомое/скрытое и сочетающий в глазах смотрящего детали выхваченного в потрясающее прозрение (фонарик, светящий прежде всего во тьму самого поэта, в этом я с В.К. полностью согласен), если в подвале и без того уже включен полный и ясный свет? Что остается: или упорно зажмуриться и отрицать свет, продолжая попытки кунштюков с фонариком (примеров достаточно); или смириться, принять наличие света как данность, «последнюю инстанцию», и вообще выбросить фонарик (примеров тоже достаточно)?

И второе.

В присутствии Христа поэзия как раз и возможна. И истина нужна, и поэзия – нужна. И были, и будут. Если есть жизнь вечная. В которой есть и смерть, но есть и преображение, и воскресение. Чем будет преображенная поэзия в жизни вечной, в свете истины, – пока точно неизвестно, но чем-то будет, и чем-то очень важным.

Собственно, приверженцев либо первого, либо второго взгляда/умо-веро-настроения я в основном и встречаю среди христиан.

* Алексей Парщиков (1954–2009) – поэт.

К слову, об «атеизме» В.К. – не удержусь и приведу еще его слова из книги «Философия поэзии», немало, на мой взгляд, говорящие об авторе:

Как плодотворен атеизм, как прекрасна эта детская и юношеская свобода от религии, эта опасная полнота радости жизни и в конце концов наступление материнской эры страха и вынужденного разговора с несуществующим Богом. Как важен этот разговор напрямую, разговор наглый, ошеломляюще сыновний!

Христос словно бы говорит: ты пытаешься спасти то, что, по твоему разумению, «доброе», «ценное» в тебе и в твоей жизни, и тратишь на это так много сил, времени, всего; но Я хочу от тебя совсем другого – ты должен стать тем, кем никогда еще не был.

Рассказывают, что, когда у нас тут в окрестностях много лет назад был большой пожар и погорел дачный поселок, один человек погиб, потому что, вместо того чтоб все бросить и бежать, он пытался спасти из горящего дома телевизор. *Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше**... Думаю, этот человек был вполне добродетелен и искренен в своих напряженных потугах, отчаянно таща телевизор, может, и Бога изо всей своей веры призывал, чтобы Бог помог ему дотащить телевизор, и достоин этот человек и жалости, и всего такого, и ни у кого язык не повернется его осудить...

Мало кто любит благоразумных дев из притчи**, мало кто, по-человечески, не жалеет юродивых; но я иногда остро ощущаю всю истину этой притчи, чувствуя себя всеми пятью юродивыми девами сразу, и ощущение это очень не из комфортных. Словно я стою в ночи перед закрытыми дверями – я жив, ничего такого мучительного со мной не проделывают, и я вроде бы даже молодец, потому что таки напрягся и достал этого треклятого масла, вот оно, течет через край; только оно теперь уже не нужно, и это масло, и впустую потраченное мое молодечество, потому что все самое-то главное происходит сейчас – там, там, куда мне ходу уже нет, и кроме самого себя, винить в этом некого.

*Блюдите убо, како опасно ходите**** и какие слова по привычке употребляете.

Например, в один пост прислали мне комментарий – фото симпатичного котика с подписью «Тем временем в Хохловском переулке (г. Москва)...». Котик мне понравился, и я написал приятственный отзыв: «вылитый хохловец!» (то есть обитатель переулка, названный производным от названия переулка словом), на что цензура мгновенно удалила отзыв, сообщив, что он «нарушает нормы сообщества».

Припоминается где-то выведенный образ человека, умело проскальзывающего меж дождевых струй и остающегося сухим; увы, дожди все гуще и гуще.

Облетают последние маки,
Журавли улетают, трубя,
И природа в болезненном мраке
Не похожа сама на себя.

* Мт. 6, 21.

** Мт. 25, 1-13.

*** Ефес. 5, 15.

По пустынной и голой аллее
Шелестя облетевшей листвой,
Отчего ты, себя не жалея,
С непокрытой бредешь головой?

Жизнь растений теперь затаилась
В этих странных обрубках ветвей,
Ну, а что же с тобой приключилось,
Что с душой приключилось твоей?

Как посмел ты красавицу эту,
Драгоценную душу твою,
Отпустить, чтоб скиталась по свету,
Чтоб погибла в далеком краю?

Пусть непрочны домашние стены,
Пусть дорога уводит во тьму, –
Нет на свете печальней измены,
Чем измена себе самому.

В отрочестве, глядя «Служебный роман», я, конечно, понятия не имел, что это стихотворение написал в 1952 году человек, побывавший в лагерях и покалеченный жизнью и временем*, но все равно чувствовал, что оно – из страшных и трагических. И чувствовал нечто почти хтоническое, мороз по коже, даже когда его исполняли в виде лирической песенки (а еще и приставили вторую голову из другого стиха, как я выяснил гораздо позже), на фоне уютной городской осени, в аранжировке из какой-то легкой булькающей советской музыки; чувствую и теперь.

С днем рождения Пресвятой Богородицы!

Во всей этой истории с Ее рождением меня более всего – и всегда – потрясает и впечатляет вот что: Ее родители, Иоаким и Анна.

Нет, не бродячий сюжет о том, что вот де, «во старости родили чудесное дитя», и пр. И даже не рассказы о их суперблагочестии и гипервере.

А то, что Бог – просто жил среди них двоих, потому что они этого хотели и Бога в свой дом, в свою семью, пустили. Жил с ними, изо дня в день.

Представляете?

Великий Бог, творец неба и земли, сотрясающий континенты и простирающий руку Свою над империями и народами, – настолько ревнив и пристрастен сердцем, и настолько поступает *как хочет*, что обращает внимание и на отдельных людей, и вовсе не с тем, чтобы, как там Зевс и прочие такие же, их поиметь, или за их счет развлечься и не давать потом никому в том отчета, или еще чего-то с них получить, типа там славы Себе какой-нибудь...

Бог, который внимательно следит за вдовой и сиротой. Потому что неравнодушен к ним. Потому что близок к ним, лично *знает* их.

* Николай Заболоцкий (1903–1958), поэт.

Бог, который со всем Своим величием втиснулся в небольшой дом и живет как равный вместе с двумя старичками.

«Ты еси Бог, творяй чудеса!»* – так и хочется воскликнуть.

Сегодня – память преподобного Силуана Афонского. Люблю его (любит ли он меня – вот вопрос!.. Ну, об этом предпочитаю не думать).

Вот это его устройство – коли я христианин, могу ли я не стремиться к любви в Духе Святом, могу ли в раю быть и спать там спокойно, пока грешники мучаются в аду – мне очень понятно и близко, и – мучительно очень... Особенно нынче, когда не то что «любовь» – обычная эмпатия непопулярна в обществе...

Ничего, мои хорошие. Церковь Христова и не то видала, переживет и это.

Преподобне отче Силуане, моли Бога о нас.

Осень.

В небе жгут корабли, а в гаражах недалече – один гараж распахнул врата, во вратах – старенькая шестерка (или семерка?.. я не автомобилист, не очень разбираюсь), под капотом семерки (или шестерки) – какой-то мужик, издали видно – предается любимейшему занятию. Ковыряется в двигателе, рядом – большая пластиковая бутылка с пивом (судя по отсутствию этикетки, разливным).

Свет осени прозрачный, слегка янтарный, пиво даже издали прозрачное, слегка янтарное.

Мужик выныривает из-под капота, отпивает из бутылки, удовлетворенно кричит, громко поет: «И будешь ты царицей мммира!..» – всего одну строчку, и снова ныряет под капот; процесс в той же последовательности повторяется раза три (дальше я прошел дальше, не видел).

После пива голос мужика хотя и громкий, но несколько слипшийся, невнятный, так что «мммира» явственно звучит как «мммыра».

Давным-давно замечено, что во многих народных сказках везет тунеядцам. Емеле попадается щука, Ивану-царевичу – волк, и проч.

А может, это и не про тунеядство.

А про подарок.

Дар, который дается ни за что, по благодати, вопреки всем обывательским законам падшего мира сего.

Так что и поднесь младший сын, нимало не тяготясь злобами дня сего, которые довлеют, примеряет своему коту сапоги, и оба поют:

«Мой маленький коот,
Свитый из песен и слов,
Всем моим бедам назло,
Вовсе не так уж плох!»

С утра +5, весь день дождь, яркие палые листья вплавлены в мокрый асфальт, – такая прям осень-осень, конфетно-классическая.

* Пс. 76, 15.

Под полысевшим кустом ходит голубь, роется в поисках пропитания. Увидел меня – вдруг перепадет чем поживиться.

Но у меня никакой еды не было («серебра и золота нет у меня»), потому я спел ему песенку, старую советско-детскую:

«Это правда!

Ну чего же тут скрывать!

Этот голубь!

Хочет чо-то поклевать!»

Голубь поглядел на меня и ушел.

Выражение лица его, когда он глядел, не поддается описанию.

Еще для «Правмир Дзен».

Вопрос:

«Мне на исповеди священник сказал, что больной ребенок (у сына ДЦП) мне дан за грехи, так как я жила с мужем до брака. Правда ли это?»

Ответ:

– Нет, неправда. Во-первых, Господь – наш Спаситель, Он Сам отдал за нас жизнь на Кресте и готов делать это снова и снова из любви к нам, Он никому не мстит, напротив, именно Ему мы молимся и о прощении грехов (нет грехов непрощаемых, если человек в них кается), и об исцелении болезней.

Во-вторых, болезни, в том числе и наследственные, имеют свою причину: мы живем в падшем, испорченном мире, и, даже если совершенно ни в чем не виноваты, все равно рискуем заболеть. Почитайте жизнеописания святых: ведь многие из них болели тяжелейшими болезнями, но переносили их с терпением, смирением и молитвой, даже оборачивали их в некое духовное благо, в несение креста своего, да и заканчивали свою жизнь нередко как мученики за веру.

И вам желаю терпения, смирения, умножения любви к ребенку и друг к другу, желаю как огня избегать уныния, ропота и маловерия, и – помощи Божией во всем.

Алексей Парщиков – про американскую поэзию (из интервью «Независимой газете» 1991 года): «В текстах почти отсутствует риторика; эта поэзия как бы указательна. Предмет окружен чистым, пустым пространством». И еще: «В американском обществе царствует не метафора, а метонимия: часть представляет целое».

Я бы еще сказал: американская поэзия – секулярна (в лучшем смысле слова: секулярна как часть христианского; *лаическа**, так сказать).

Поле; осень; дощатые дома у дороги; первый серый снег в стерне; автомобили и путь; облака над океанским побережьем; собака, старик; да, особенно – осень... в такой поэзии отдыхает душа, наоравшаяся до сипоты с эшафотов, трибун и амвонов.

* *Лаический* (фр. *laïc*) – светский, мирской; не принадлежащий к церкви.

Евгений Баратынский, «Молитва» (1841–1842):

Царь Небес! Успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенье пошли,
И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.

В последних строках – вижу особенную точность. Рай «строгий» даже не в расхожем смысле того, как трудно он достижим, как надо быть праведным, вырасти над собой и отсечь от себя все слабое, соблазнительное и греховное, чтоб туда попасть, – нет. А и в том примерно смысле, в котором Парщиков говорил о «драме рая»: той драме невозможности и невыразимости, которая понуждала Данте то и дело мычать в последней, райской части своей «Комедии», а апостолу Павлу, бывшему там «в теле или вне тела», просто заградила уста. Чтобы там быть – действительно нужны такие силы, о которых мы и не подозреваем по эту сторону, и взять их нам неоткуда, их может дать только Сам Бог.

Сегодня – память преп. Амвросия Оптинского. У него много разных высказываний, которые в православной среде любят цитировать; одно из них, краткое, но полезное, я с удовольствием процитировал сегодня вместо проповеди, по окончании литургии в доме инвалидов: «В обращении друг с другом старайтесь друг друга ободрять, а не тоску наводить глупыми суждениями своими».

– Вот говорят: буква убивает...

– И верно говорят. Между *повышением* и *повешением*, например, какая разница? – одна буква.

Не могу не поделиться прекрасной картинкой, которую рассказал мне сейчас друг по телефону (передаю своими словами): «У моих друзей живет маленький песик и большой кот, они выросли вместе. А у меня особая симпатия к этому песику, притом взаимная. И, когда я прихожу в гости и восклицаю: «А кто тут такой холесий!», песик буквально не помнит себя от приязни и радости, что его любимое божество пришло в гости, и, в готовности совершить ради меня любой подвиг, бросается гонять проходящего мимо кота».

Скажем сакраментальное: «Не так ли и человек; когда преисполняется он умиленных чувств к Богу за преподаваемые Им в неизреченной Его милости дары благодати, то сколь часто тут же бросается гонять ближнего своего».

«Мы всходим на корабль, и происходит встреча / Безмерности мечты с предельностью морей»*.

Каким огромным казался мир в юности.

* Из стихотворения Шарля Бодлера «Плавание» (Le Voyage, 1861) в переводе Марины Цветаевой.

Помните книги о великих путешествиях? Мне даже запах старых книг, изданных Географгизом, с вклеенными картами, в ледериновых и коленкорových, а то и тканевых, обложках, казался запахом безмерности мечты...

А сейчас, мнится, людям в этом мире даже спрятаться негде. Даже – не навсегда спрятаться, а просто чтоб отдышаться от бега... Сплошная предельность морей.

Может, мнится так – попросту от возраста.

Случайно вчера увидел в телевизоре передачу про животных.

Замечательная передача! Про питерских котов, в частности, о пяти кошках, которые обитают при некрополе Александро-Невской лавры (там еще есть кошка Василиса, которая живет при духовно-просветительском центре лавры, и исследователи пытаются выяснить, она же ли и кошка Мотя, одна из тех пятерых, показывающихся на кладбище, или же таинственная Мотя – отдельная сама по себе).

А в конце передачи показали выставочный зал, где проходят специальные выставки для животных. То есть приходят посетители с кошками, собаками, хорьками и проч., и животным показывают скульптуры и картины и приобщают их к прекрасному.

По-моему, хорошее дело! Представил себе человека, пришедшего на такую выставку с домашним аквариумом рыбок; вот уж кто – идеальный посетитель музея: не нагадит на экспонат, ничего не погрызет и шуметь не будет.

Еще Он рассказал им такую притчу:

– Был один богач, его земля принесла ему отличный урожай.

И стал он рассуждать: что же теперь делать, ведь все это зерно негде хранить? И тогда он решил так: «Снесу-ка я свои житницы и построю на их месте новые, побольше, чтобы поместить туда свое зерно и прочее добро. А потом скажу сам себе: «Душа моя, много всего припасено у тебя на много лет вперед, так что отдыхай, ешь, пей и радуйся!» Но Бог сказал ему: «Безумец! Этой же ночью заберут у тебя твою душу! Кому достанется все, что ты накопил?». Вот как бывает, когда человек копит для себя самого, когда богатство его – не в Боге.*

Притча, которую читали сегодня на литургии, казалось бы, совсем простая. Обличение жадности, жади́на-говя́дина, соленый огурец, на полу валяется, никто его не ест, потому что душа ушла за грань земной жизни к Богу, а по эту сторону – есть некому...

Я вот и подумал, тоже так по-простому, по-житейски: что бы я ответил Богу на месте этого богача? Например, такое: «Господи! я все понимаю, Ты прав; но я во все не для себя самого – а чтоб детям оставить, чтоб было у них на что жить после меня». А Бог бы на это: «О детях ты позаботился (да и о них ли, на самом деле? Не о проекциях ли своего земного я?) – а о тебе-то самом, *настоящем* тебе самом, в твоём загробии кто позаботится?» А я ему: «Ну как кто, вот же дети и позаботятся, молиться обо мне будут». А Он мне: «Кому молиться?!» А я: «Как кому, да Тебе же и будут молиться, неужели не преклонишь слух к молению сирот?!» А Он...

Ну и так далее; в принципе, этот спор можно вести до бесконечности.

Но, помимо этого простого смысла, я подумал вот еще что. Эта притча, как и

* Лк. 12, 16-21. (Пер. Андрея Десницкого).

все, что говорил людям Спаситель во дни земной своей жизни, еще и о том, что мы, люди – обитатели двух сред, граждане двух царств – земного и Божьего. И они оба наши – человеческие, и в обоих важны и наши цели, и наши смыслы, и наша свобода, и наша ответственность. И насколько бывают непредсказуемо сложны сопряжения того – и Другого, насколько нам, людям, надо это понимать (хотя бы понимать), чтобы не сойти с ума от безмерности Иного, от неготовности к этому Иному, когда вдруг, нечаянно, закончится одно – и начнется это Иное...

Как там у Битова, помните, в повести «Птицы, или новые сведения о человеке»: «Мы живем на границе двух сред. Это принципиально. Мы не то и не другое. Только птицы и рыбы знают, что такое одна среда. Они об этом, конечно, не знают, а – принадлежат. Вряд ли и человек стал бы задумываться, если бы летал или плавал. Чтобы задуматься, необходимо противоречие, которого нет в однородной среде, – напряжение границы. На этой границе постоянный конфликт и инцидент».

Перечитывая Льва Лосева, «Бродский. Опыт литературной биографии».

Бродский, как и вся подсоветская интеллигенция, хорошо знал механизм создания стилистически мерцающего текста – под одним углом соответствует требованиям официальной идеологии, а под другим превращается в социальную сатиру.

Очень нравится это: «стилистически мерцающий текст». В детстве я, как, наверное, многие, собирал значки – бессистемно и недолго, но пылко; для фалеристов тогда выпускались даже альбомы со страницами из поролон, но у меня такого не было, а был просто лист поролон, прибитый гвоздями к стене. Красный угол там занимали значки «переливные»: так повернешь – волк, а так – заяц, например.

Нередко слышу в речи восклицания: «Это же такой грех, гореть мне за это в аду!» Или (несколько чаще): «Это же такой грех, гореть ему/ей/им за это в аду!». (Даже не беру случаи праздного бла-бла, но случаи искреннего слезного раскаяния или омерзения перед каким-то грехом.)

И думаю: как легко мы отправляем в ад, то себя, то других людей... К счастью, мы не имеем настоящего понятия, что это такое, иначе прикусили бы язык на эту тему навсегда. И еще к счастью – Господь все понимает и дураков не слушает.

– Господи, я не могу этого сделать/принять/вынести (нужное подчеркнуть/вставить)!

– А что так?..

– Нету у меня ни терпения, ни смирения!

– Есть-есть. Просто ты плохо искал, Мой золотой. Как там в ваших Мною спасаемых интернетах шутят: мужик в холодильнике ну ничего найти не может, ибо, дабы обрестись, искомое должно располагаться на уровне глаз ищущего и активно перебегать туда-сюда по полке, привлекая к себе внимание.

Как было сказано про Евангелие и христианство (кем?.. ищу источник через гугл, никак не могу найти; кажется, это Анри де Любак в «Парадоксе и тайне

Церкви»*, но не уверен, надо пролистать заново), примерно такое: «Евангелие – это ряд парадоксов, в которых несоединимое соединено благодатью».

Один из таких парадоксов – спасение от зла суть только во Христе и Христом; но мою жизнь *вместо* меня Христос проживать не станет, я должен бороться со злом в своей жизни – сам. Парадокс – если о нем не просто отвлеченно размышлять, а жить его, как, в общем, мы все, так или иначе, и живем его – невыносимый; и тот факт, что как-то он все же выносим, отношу – все к той же благодати...

Анри де Любак, «Парадокс и тайна Церкви»:

*«На постоянный вопрос: “Существует ли Церковь для мира, или мир существует для Церкви?” возможен, по-видимому, только один ответ: Церковь – для мира. Однако уточним: два антагонистических ответа противоречивы лишь внешне, дело заключается лишь в перспективе, ибо ни слово «Церковь», ни слово «мир» не наделены каким-то одним смыслом. Как здешней и видимой Церкви, так и всякому образу мира сего, суждено прейти. Она есть знамение и таинство, однако знамения и таинства будут поглощены реальностью, которую они возвещают. Она есть средство, средство божественное, но и временное, как и всякое средство, что и подсказало однажды Пию XI его слова: «Не люди созданы для Церкви, но Церковь создана для людей» – *propter nos homines et propter nostram salutem***».*

В этих словах (как и в словах Самого Христа о том, что суббота для человека, а не человек для субботы) многие – и это давно не новость – видят некие апостасийные веяния, тенденции обмирщения, этакое попустительства, расслабленности, умаления Духа и подвига; однако опыт бытования Церкви в мире показывает: здесь Дух и подвиг, наоборот, усиливаются и порой – до трагических проявлений.

Думаю, многое встает на свои места в этом головоломном вопросе, когда понимаешь: Церковь создана да, для людей, но *для них самих* (тут – ветка размышлений в сторону того, что это такое: человек-сам-самой), а вовсе не для удовлетворения и обслуживания того, что сами эти люди считают своими смыслами: политическими, этническими, культурными, внутриутробными, любыми пирамидомаслоунами, короче говоря.

Человек и его «человеческое» – не одно и то же.

Я бы сказал, ох как далеко не одно и то же.

Сегодня на Литургии читалось зачало из Евангелия от Луки, про верблюда, игольное ушко, трудности жизни богатеев и проч. Мои любимые там слова (да и не только мои, конечно):

И сказали услышавшие: кто же может быть спасен?

*Он же сказал: невозможное людям возможно Богу***.*

Действительно, чего я не могу – Бог все может!

Это чистая правда.

* Анри-Мари Жозеф Соньер де Любак (de Lubac; 1896–1991) – французский кардинал, богослов.

** Нас ради, человеков, и нашего ради спасения (лат.) – из «Символа Веры».

*** Лк. 18, 26-27 (пер. еп. Кассиана (Безобразова)).

Не только спасение (как мы его понимаем), но и любое, самое заветное, желание сердца моего, исполнение которого для меня по всем земным законам невысказано, – Он может для меня исполнить.

Есть только нюанс, очень важный: если захочет.

А вполне может и не захотеть.

Он вполне себе свободен.

И попробуй Его заставь, да?

То есть прежде чем просить и начинать терпеливо ждать чуда, прежде чем вообще думать обо всей этой «возможности/невозможности», надо с Богом установить личные отношения.

И вот как бывает: если удастся эти самые отношения установить, может случиться, что все это, чего «тебе невозможно, а Богу возможно», ради чего вроде бы и начинал ты огород городить, становится уже неважно.

На фоне дискурса об «отмене культуры»/«культуре отмены» (прошу простить, не всегда с ходу соображу, кто на ком стоял) – упорно лезет на ум цитата из «Поэмы о смерти» Карсавина*: «Ну, не будет меня. Но того-то, что был я, Ты не уничтожишь».

(Или, как намедни напомнила в разговоре Елена Михайлик**, «никто пути пройденного у нас не отберет»).

Сегодня, в конце своего обращения к народу, какие обычно говорят после отпуста литургии батюшки, стоя на солее с крестом, поздравив всех со Сретением Господним, я прибавил: «Ну, еще вот сегодня – День православной молодежи, я мог бы вас поздравить и с ним...»; закончить мысль мне не дал дружный пожилой смех собравшихся прихожан.

У рек вавилонских сидели мы и плакали, когда о Сионе вспоминали. Там на ивах плачущих мы повесили арфы свои***.

При мысли о музыкальных инструментах, которые колонна гонимых пленных во время привала оставляла на ветвях деревьев, почему-то вижу рваные ржавые цепи от бензопилы «Дружба», висящие на кладбищенских оградках; встречал иногда такое на сибирских кладбищах – то ли шик, то ли суеверие, показывать, сколько цепей порвали, пока выпиливали могилу зимой в промерзшей насквозь глине, на морозе под сорок.

Вот говорят: «Чужая душа – потемки».

Ага. А своя так прямо светлый день...

В евангельском зачале, которое мы читаем на погребении усопших****, чаще всего – пять раз – звучит слово «жизнь».

* Лев Карсавин (1882–1952) – русский и литовский религиозный философ.

** Елена Михайлик (р. 1970) – поэтесса, переводчица, литературовед.

*** Пс. 136, 1-2.

**** Ин. 5, 24-30.

Когда читаешь это по-русски, причем так, чтоб было понятно стоящим возле гроба слушающим, многие эти слушающие видимым образом призадумываются.

Из разговоров.

– Вот бы читать нам уже канон Андрея Критского на повечерии по-русски. На то есть и благословение священноначалия.

– Нет... у нас не поймут. Народ восстанет.

– О!.. Что, не любят, когда понятно?

– Не любят, когда непривычно.

– Вообще-то, Христос и пришел, чтобы выдернуть человека из привычного, из рутины, и повести за собой в Царство. Вот же и Евангелие...

– Э, батюшка! Какое Евангелие?! На первой седмице Евангелие не чтем!

– Не чтем?

– А чтем Псалтырь полностью, и Ефрема Сирина молитву, и канон!

– Великий?..

– Великий! И поклоны, поклоны! Забываем про поклоны, ленимся – а ведь только в них и спасение!

Вчера – теракт в Москве, в «Крокус-Сити-Холле». Народ собрался на концерт «Пикника». 60 погибших, более 100 раненых...

В лентах соцсетей сейчас – переключка: «Друзья, отзовитесь, как вы?». Человеческий порыв: услышать отзыв, голос, потрогать руками, хотя бы увидеть буковки на экране смартфона. Это действительно важно. Пусть всем вам, кто посылает зов, – отзовутся, пусть связь не прервется.

Вот и молитва – такой же вид связи, через Бога. Будем молиться друг о друге. Не «вместо» чего-то другого – но непременно «вместе» со всем тем, чего требует от каждого его вера, его совесть, его ответственность. Господи, укрепи всех страждущих, не дай отчаяться перед лицом зла, бессмысленно пляшущего на развалинах, по всему миру, по нашему человеческому теплу.

Почему блаженны «нищие духом»?

Наверное, каждый христианин знает, что в первой из Своих заповедей Спаситель говорит о блаженстве, то есть о пребывании в особой радости тех, кто является «нищим духом». Контекст Нагорной проповеди не позволяет усомниться, что под «нищетою духа» подразумевается именно *смирение*, как о противопоставлении страсти гордыни.

Более дотошный может задать вопрос, а как словосочетание «нищета духовная» согласуется с понятием «смирение». Речь идет именно о русском языке. Возможно, в других языках, и особенно в грекоязычной аудитории корреляция этих терминов вполне понятна. Но даже среди признанных Церковью толкователей Евангелия автор этого небольшого исследования не нашел семантического разбора, связывающего духовную нищету со смирением. Даются только определения и нравственно-назидательные выводы.

Евангельский контекст

Давайте посмотрим заповеди блаженств в контексте других мыслей, которые Господь вложил в Свою проповедь о блаженствах.

Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие.

Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь. Блаженны плачущие ныне, ибо воссмеетесь.

Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого.

Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь, ибо велика вам награда на небесах. Так поступали с пророками отцы их.

Напротив, горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение.

Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете.

Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их.

Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас.

Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку.

Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад.

И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.

И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым.

Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд.

(Лк. 6, 20-36)

Первое, что бросается в глаза, – это «принцип компенсации». Если ты чего-то «недобрал» в этой жизни ради Христа, то Всемогущий Бог воздаст тебе блаженством в жизни будущего века. Если ты чего-то перебрал в этой жизни, удовлетворяя запросы своих страстей и похотей, то Господь отсечет тебя от потока блаженства в Его благодати. Прямо, без двусмысленностей, Спаситель предлагал Своим слушателям отдать *нуждающимся* ближним всё, в чем можно отказать себе, без чего можно прожить. Все атрибуты житейского комфорта, все безгрешные и не очень удовольствия – все это можно оставить и этим пренебречь ради Господа и Его Царства.

Смирение, смиренномудрие, ничтожность

Русская Церковь в сокровищнице своего духовного наследия имеет источник, по сути, обладающий статусом канонической книги. Это «Пространный христианский Катехизис Православной Кафолической Восточной Церкви» святителя Филарета Московского (Дроздова). По поводу духовной нищеты в ней сказано следующее:

436. Что означает быть нищим духом?

Быть нищим духом означает иметь духовное убеждение, что мы ничего своего не имеем, а имеем только то, что дарует Бог, и что ничего доброго мы не можем сделать без Божией помощи и благодати; и таким образом, должны считать, что мы – ничто, и во всем прибегать

к милосердию Божию. Кратко, по объяснению святого Иоанна Златоуста, нищета духовная есть смиренномудрие.

(Толкование на Евангелие от Матфея, беседа 15)

В этом рассуждении святителя Филарета выделяется одна важная особенность добродетели смирения – *смиренномудрие*, когда мы мыслим о себе в категориях своего недостойнства.

Кстати, когда заглядываешь в подстрочный перевод Нового Завета, там, где в русском переводе стоит слово «смирение» и производные от него, в оригинале чаще всего стоит слово *смиренномыслие* (Деян. 20, 19; Еф. 4, 2; Флп. 2, 3; Кол. 2, 23; Кол. 3, 12; 1 Пет. 3, 8; 5, 5).

В одном случае, когда Божия Матерь в Духе Святом воспела гимн «*Величит душа...*», в русском переводе смирение обозначено словом *ничтожность*: «*И сказала Мариама, Возвеличивает душа Моя Господа, и возликовал Дух Мой о Боге Спасителе Моём, потому что Он обратил взгляд на ничтожность рабы Его. Вот ведь отныне будут прославлять как блаженную Меня все поколения...*» (Лк 1, 46-48) [подстрочный перевод с древнегреческого Российского Библейского общества].

Но ощущение своей ничтожности перед Богом или перед людьми не является единственным смыслом этой добродетели. Для нас смирением, если не считать многообразия всех смысловых оттенков этого понятия, является способность трезво глядеть на себя и стойко переносить унижения и неприятности жизни, понимая, что это нужно пройти ради того, чтобы стать совершенней.

Гордыня и «надутость»

Если пытаемся найти суть словосочетания «нищета духовная», то не лишним было бы разобрать и противоположное понятие, означающее самую губительную страсть в человеке – *гордыню*. Это та самая *гордость житейская* (1 Ин. 2, 16), которая вызвала в Еве, а потом в Адаме вожелание стать *как боги* (Быт. 3, 5), а привела в человечество и во Вселенную – смерть.

Гордыня имеет огромное множество проявлений в жизни человека. Начиная от грубого превозношения над другим человеком, заканчивая тонким самообольщением в ощущении собственной святости. А еще: превозношение, эгоизм, честолюбие, осуждение, злоба, зависть, нетерпение, неудовлетворенные амбиции, обиды и многое другое – всё это тоже порождено гордыней. Вспомним известные рекламные слоганы: «Бери от жизни всё! Ты этого достоин!».

По большому счету, гордыня – это такое состояние, когда человек уверен, что он – центр Вселенной, и оттого преисполнен ощущением собственной важности и незаменимости во всем и для всех. Иногда это отражается во внешности, и тогда о таком человеке говорят: «надутый, как индюк»... На этой «надутости» хотел бы остановиться особо.

Обращаясь к оригинальным текстам Нового Завета, открываешь, что в них имеется достаточно большое число синонимов понятию *гордыня*.

Во Втором послании к Тимофею (3, 2) в Синодальном переводе слова апостола Павла звучат так: *...Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны...* В буквальном переводе с древнегреческого языка: *...Будут ведь люди себялюбивые, сребролюбивые, хвастуны, надменные, богохульные, родителям непокорные, неблагодарные, нечестивые...* Здесь мы видим использование нескольких близких по смыслу понятий: ὑπερήφανος – «надменность» и ἀλαζόνες – «гордость, хвастовство».

Теперь посмотрим обличение апостола Павла в гордыне в другом месте – в Первом послании к Коринфянам (4, 18). В Синодальном переводе: *...Как я не иду к вам, то некоторые у вас возгордились...* В буквальном переводе с древнегреческого: *...Как не приходящего же меня к вам были **надуты** некоторые...* (здесь и далее выделено мной – С.С.). Здесь уже гордыня обозначена словом ἐφυσίωθησαν – «надутые», в значении надменности.

Еще один пример из Второго послания к Коринфянам (12, 20), сначала в Синодальном переводе: *Ибо я опасаясь, чтобы я, по моём пришествии, не нашёл вас такими, какими не желаю, также чтобы и вы не нашли меня таким, каким не желаете: чтобы не найти у вас раздоров, зависти, гнева, ссор, клеветы, ябед, гордости, беспорядков...* В буквальном переводе: *Боюсь ведь не как пришедший не каких хочу [чтобы] я нашёл вас, и я был найден вами каковым не желаете, не как-либо ссора, ревность, ярость, соперничество, оговоры, нашёптывания, **надутости**, беспорядки...* И опять «надутость», в смысле напыщенности и эгоизма, звучит в слове φυσίωσεις.

Есть еще одно слово в древнегреческом, также имеющее в основе понятие «надутость» в значении гордости: τυφωθείς. Первое послание к Тимофею (3, 6) звучит в Синодальном переводе как: *...Не должен быть из новообращённых, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с дьяволом...* В буквальном переводе так: *...Не новообращённым, чтобы не **надутый** в осуждение он подпал [от] дьявола...*

И знаменитый Гимн любви апостола Павла в Первом послании к Коринфянам содержит понятие гордыни, обозначаемой как «надутость» (13, 4): *Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится... – Любовь долго терпит, проявляет добро, любовь не ревнует, любовь не хорохорится, не **надувается**...*

Дух и дыхание

Некотрые слова и понятия настолько въелись в наше сознание, что мы просто не пытаемся понять их происхождение, их подлинное значение. К таким понятиям относится слово «дух» и другие слова с этим корнем. «Дух» переводится со старославянских диалектов как «дыхание». Да, имеется в виду главный признак жизни, который ярче всего выражается процессом потребления кислорода через легкие – то самое дыхание.

Могут возразить, что духом в Священном Писании означает нематериаль-

ная часть нашей человеческой природы. А еще Духом Святым названо третье Лицо Святой Троицы. Но и здесь, если задуматься, нет никаких противоречий. Дух человеческий дает телу человека то самое *дыхание жизни* (Быт. 2, 7). А Дух Святой – это Господь животворящий, то есть творящий жизнь, дающий всему дыхание; отражающий в Своей Личности жизнь Божественной Троицы.

Собирая все приведенные выше соображения воедино, можно понять, почему добродетель смирения обозначена как нищета духовная. Если перевести со славянского привычное нам словосочетание, то выходит «обедненность дыхания», или дыхание в малой степени.

Противопоставляя «надутость» малым объемам вдоха, мы и получаем соответствие: «гордыня» – «смирение». То есть в Священном Писании Всевышний говорит, если перефразировать: оставь свои потуги быть напыщенным – всё это ведет к пустоте; не переполняйся собственной значимостью – потому что есть в мире более значимые вещи, значимые люди, есть Господь Бог; сумеешь отбросить ненужную и опасную надутость гордыни, Отец Небесный обязательно вознаградит тебя!

Неизвестно, по каким соображениям переводчики Библии оставили без смыслового перевода словосочетание, означающее добродетель смирения. Но Церковь, обладая Откровением Божиим и огромным духовным опытом, сумела соборным разумом понять, что же хотел сказать Спаситель, обещая за следование заповеди быть нищим духом блаженство в вечности...

Михаил КАЛИНИН

Разрозненные мысли

* * *

Генри Киссинджер: «Они склонны рассматривать переговоры с миссионерской, а не с психологической точки зрения, стремясь обратить или осудить своих собеседников, а не проникнуть в их мысли».

Это высказывание о политиках своей страны. Но я подумал, сколько раз в моей жизни это было обо мне. Да и сейчас – всегда ли можно сказать уверенно, что это – точно не обо мне?

Выйдя из своей кельи, оглядываюсь по сторонам, прислушиваюсь – и понимаю, что почти отовсюду, со всех сторон звучит монолог. Одноименно или разноименно заряженный, равно убедительный, глубоко аргументированный монолог. Признай, что я прав – или прекрати свое бытие. Потому что несогласие с моей правотой помещает тебя в онтологический бан.

Реальность болеет и задыхается без диалога.

Всё, что нужно для диалога – это принятие инакового. Для этого нужно убрать себя из центра мира.

Необходимо покаяние, иными словами.

* * *

Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода (2 Кор. 3, 17). Где смирение глубочайшее, и там разрешаются узы – так комментирует Иоанн Лествичник этот апостольский стих.

И в самом деле, может ли быть Дух Господень там, где нет смирения? Но если нет Духа Господня, то о какой свободе может идти речь? Без него каждый – покорный раб своих страстей. Кем бы он сам себя при этом ни считал.

Лествичник делает неожиданное, но верное по сути толкование: подлинная свобода лишь там, где достигнуто смирение (смирение глубочайшее, как он пишет). Именно смирение – реальное доказательство присутствия Духа Господня в человеке. Доказательство того, что он внутренне свободен.

* * *

Когда-то однокурсница подарила мне открытку. Из серии о Пастернаке. Там на каждой лицевой стороне было его фото, а на обороте – фрагмент из какого-то его стихотворения.

На той, что досталась мне, был фрагмент из «Смерти сапера».

Сейчас я думаю, что внутренняя аскетика – это во многом работа сапера. Обращенному предстоит вернуться к себе настоящему – но вернуться через бесконечное «минное поле» себя ветхого, еще не преображенного. Ежедневно торя тропу, тщательно, с осторожностью ощупывая каждый проходимый метр.

В отличие от сапера, много раз ошибаясь. И каждый день умирая.

И еще – с тех пор я написал тысячи страниц. Много раз я цитировал его – явно и неявно. Хочу надеяться, что среди текстов с цитатами из него есть те, за которые мне не будет перед ним стыдно.

* * *

– Идол информационного мира – ненужная информация. Ты тоже приносишь ему жертвы?

– Горе мне! Еще как! Хромаю на обе ноги.

– Хочешь ли быть здоров?

– Да. Но не имею человека, который бы отключал мне сеть всякий раз, когда я зависаю в ней, как послушная муха в липкой паутине.

– Ты лукав. Нет, чтоб сказать – мне нравится залипать в паутине. Знаешь, что такое ад?

– Это когда мне навсегда отключат интернет?

– Заблуждаешься. Ад – это круглосуточный высокоскоростной интернет, где в твоём распоряжении все прежде недоступные сайты. Но не будет тебе ни соцсетей, ни мессенджеров, ни чатов. Не будет никого. Даже троллей. Даже ботов. Только ты один – и сеть.

* * *

– Я – та самая бесплодная смоковница. Сруби меня. Всё равно ничего не изменится.

– погоди. С чего ты решил, что ты – смоковница?

– Я не вижу плодов в своей жизни. Я не соответствую стандартам.

– А ты уверен, что точно знаешь, какие плоды от тебя ожидают? И что это за стандарты? Ты – член Его тела. Члены в теле разные. Можно ли сказать, что у них есть какой-то единый стандарт?

– Наверное, плоды – это некие реальные свидетельства влияния моей жизни на этот мир.

– Значит, если ты при жизни не увидишь таких свидетельств – твоя жизнь оказалась бесплодной?

– Получается так.

– А какие плоды принес Лазарь из притчи, умерший, лежа в струпьях? И какому стандарту он соответствовал?

– Неужели его сокровенная жизнь?

– Да. И лоно Авраамово для него – свидетельство, что праотца меньше всего волновало соответствие или несоответствие Лазаря неким стандартам.

* * *

– Что ты хочешь?

– Собирать своих друзей – и приводить их к Тебе.

– И в какое место ты их будешь приводить?

– В то, где я когда-то Тебя нашел.

– Но Меня там давно уже нет. Сам знаешь, Я на одном месте не засиживаюсь.

– Куда же мне их приводить?

– К себе. Сам молитвенно найдя Меня прежде. И накрывай для них трапезу в виду врагов своих.

* * *

Если посмотреть на Путешественника во времени у Герберта Уэллса, да и на Невидимку, когда он в хорошем настроении и не дерется, то увидим – когда они с удовольствием что-то объясняют простакам-слушателям, то напоминают симпатичных ученых-всезнаек Жюль Верна.

Уэллс словно говорит – да, всё верно, прогресс и знания это просто замечательно, но падшую человеческую натуру никто не отменял.

А потому – добро пожаловать, скальпель Моро и невидимые пальцы на горле.

БРАТЬЯ ГРИММ, БРАТЬЯ СТРУГАЦКИЕ И КЛАЙВ ЛЬЮИС

Немецкие братья – признанные коллекционеры сказочных страшилок. Но порой в их наследии попадаются подлинные духовные жемчужины.

«Мастер Пфрим» – это развернутый ответ на вопрос, почему вполне, казалось бы, нормальные люди, пусть и со своими тараканами в голове, оказываются в аду. Причина одна – они категорически не приемлют то, как всё устроено в Царстве Божьем. Их видение себя и мира несовместимо с тем, что открывается им. А менять что-то в своей картине мироздания они не готовы. И что же делать?

Альтернатива Небесам одна – иллюзорное существование в некоем пространстве, которое соответствует твоим представлениям. Рабочей моделью такого пространства вполне является «Град обреченный», созданный другими братьями, Аркадием и Борисом Стругацкими. Это – мир, представляющий из себя своеобразный «общий знаменатель» из жизненных представлений всех, кто в нем оказался. Его главное достоинство в том, что никому из его обитателей не нужно ломать до основания конструкцию своих убеждений, с которыми он сюда пришел, из какой бы эпохи и социума его ни выдернули. Град населен Пфримами, кем бы они ни были в каждом конкретном случае – немец-нацист, русский сталинист, еврейский диссидент-шестидесятник. И потому он обречен. В нем нет движения вверх. А движение по горизонтали имеет свой предел, как выясняется в конце романа.

Главный герой «Града» – это Пфрим, который дошел до «последних столбов» своего мира и прозрел, осознав, что это – черная дыра, замкнутая сама на себя. Концовка остается открытой – как жить дальше с этим знанием? Будет ли покаяние? Возможно ли преображение, принятие нового языка, видения, мышления? Возможно ли Пфриму прийти на Небеса как в желанный для него мир?

Эти вопросы остались без ответа. Здесь тайна окончательного выбора. Мрак, где человек и Бог.

...Лампа под зеленым стеклянным абажуром была включена, и на столе в круге света лежала свежая «Ленинградская правда» с большой передовой под названием: «Любовь ленинградцев к товарищу Сталину безгранична». Гудел и бормотал приемник на этажерке за спиной. Мама на кухне побрякивала посудой и разговаривала с соседкой. Пахло жареной рыбой. Во дворе-колодце за окном вопили и галдели ребяташки, шла игра в прятки. Через раскрытую форточку тянуло влажным оттепельным воздухом. Еще минуту назад всё это было совсем не таким, как сейчас, – гораздо более обыденным и привычным. Оно было без будущего. Вернее – отдельно от будущего... Андрей, стараясь не смотреть в ту сторону, откуда доносился голос, поднялся и прислонился плечом к шкафу у окна. Черный колодец двора, слабо освещенный желтыми прямоугольниками окон, был под ним и над ним, а где-то далеко наверху, в совсем уже потемневшем небе горела Вега. Совершенно невозможно было покинуть всё это снова, и совершенно – еще более! – невозможно было остаться среди всего этого. Теперь. После всего.

Любопытно сопоставить «Град» с сумрачным городом Льюиса из «Расторжения брака». Разница очевидна. В сумрачном городе есть возможность выезда на Небеса – там постоянно курсирует туристический автобус. Но не все хотят туда съездить, а из тех, кто решается на поездку, никто не остается, все возвращаются обратно. В Граде потолок непробиваем.

Всё-таки сумрачный город с его безотказно работающей вертикальной логистикой – это слишком хорошо устроено, слишком «по-европейски». Град более реалистичен, как ни странно. Никаких тебе экскурсионных автобусов. Нужен тот, кто спустится сюда, имея в себе иное видение мира – и останется здесь не как турист. Приехав с билетом в один конец, Пфриму может помочь только такой собеседник.

* * *

На почве непонимания того, что царство небесное силой берется (Мф.11, 12), возникает теория «настроений», которых надо якобы ждать для молитвы. В христианстве настроение одно – труд, и вся духовная жизнь основана на духовном труде, более реальном, чем физический. В молитве не «настроение» предшествует, а благодать Божия может, по своему произволению, или предшествовать молитве, или последовать за ней, или совсем не обнаружить себя, в зависимости от состояния молящегося или для испытания чистоты и смирения его молитвенного подвига («Пути отцов»).

Сергей Фудель* в своем толковании соединил «царство Божье внутри вас есть» и «царство небесное силой берется» – т.е. «берется силой» означает внутреннее,

* Сергей Фудель (1901–1977) – православный богослов, философ и писатель.

молитвенное усилие. Те, кто в протестантском предании, знают только молитву своими словами. А что делать, если нет духовных сил, чтоб молиться своими словами? Тут и приходит на помощь Иисусова молитва. Она не исключает молитву своими словами, но является почвой для нее. Как сказал мне один брат, попробовавший практиковать Иисусову молитву некоторое время: «Весь мой прежний бэкграунд сопротивляется этой практике. Но при этом внутри есть ощущение, что это правильно и нужно». Всё что требуется – преодолеть этот диссонанс. Признав, что не вливают новое вино в ветхие мехи.

* * *

Друг рассказывал: когда он вел своего малолетнего сына для неотвратимого «атата» за очередной проступок, тот начинал кричать «папа, я больше не буду!», а, видя, что это не срабатывает, кричал «ой, папа, писать хочу! ой, какать хочу!».

Вспомнил и подумал: а я, что ли, по-другому реагирую, видя, что непременно придется пить чашу?

То же самое начинается в молитве. Один в один.

* * *

Если ты не привит к живой церковной традиции, если существуешь автономно от нее – хочешь того или нет, обречен быть «духовным Хлестаковым».

«Ну, что, брат Пушкин?»

Ну, что, брат Авраам? (Моисей, Илия, Давид, Исая, Петр, Иоанн, Лука и пр.)

Да так, отвечают, так как-то всё...

Большие оригиналы.

* * *

– Бедноватая у тебя душевная жизнь.

– Ну и что? Главное-то – духовная, разве нет?

– Сказано – не духовное прежде, а душевное, потом духовное*. Душевная жизнь – почва, в которую сеешь семя. Из семени, если приложишь труд и терпение, вырастут духовные плоды.

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!**

* * *

И не совершил там многих чудес по неверию их (Мт. 13, 58).

И не совершил там многих чудес, видя нежелание сделать над собой хоть небольшое внутреннее усилие в пустыне бесчувствия и неверия. Видя неготовность встать и пройти хотя бы небольшой молитвенный путь по земле пустой, иссохшей и безводной, чтоб увидеть силу Его и славу Его.

* 1 Кор. 15, 46.

** Николай Заболоцкий, «Не позволяй душе лениться» (1958).

* * *

Преображение – не другой образ вместо прежнего. *Преодоление* прежнего.

* * *

Любая данность – и внешняя, и внутренняя – это еще не факт. Это не что-то окончательное. Завершенное. Это – лишь условие задачи, позыв к действию. И самое важное – что ты сам для себя решаешь, в чем эта задача заключается и какое это будет действие. Данность сама по себе не содержит ни того, ни другого. Не подсказывает ответ. Иными словами, факт – это то, как ты отреагировал на данность. Потому что твой выбор – это и есть твоя реальность.

* * *

«Ирония судьбы» – наш новогодний фильм.

А «Джентльмены удачи» – наш рождественский. Неявно – но при этом убедительно – комедийно-криминальная лента оказалась наполнена христианским посланием.

Герои фильма – отбросы общества. Они как люди никому не нужны. Их главарь, пенитенциарная система, те, кто занимаются розыском украденного шлема – все смотрят на них как на ресурс, рабочую силу для достижения своих целей. И только один человек стремится разглядеть в них личностей. Потому что он по-другому не может.

* * *

В телесериале «17 мгновений весны» есть эпизод, где разведчику устраивают встречу со своей женой в кафе. Они не могут подойти и обнять друг друга. Они не могут разговаривать, делая вид, словно только что познакомились. Они сидят в разных углах кафе каждый за своим столиком и смотрят друг на друга. Им нельзя даже переговариваться мимикой, выражать явно эмоции, – только смотреть.

Эта сцена, придуманная режиссером, стала одним из самых сильных моментов в фильме. Много раз звучали высказывания, мол, западные актеры так бы не смогли. Мне думается, дело не в способностях актеров. Поставим вопрос иначе – можно представить в любом западном фильме или сериале подобную сцену? Ни у одного режиссера она не возникнет в голове даже как идея.

Другое мышление. Вот в чем дело. Советский режиссер снимал для советского зрителя – но восточная культура проявилась здесь с такой наглядностью, что не заметить невозможно. Красноречие взгляда, которое не нуждается в иных средствах – ведь это мышление иконописи.

Икона не знает психологии состояний или проявления эмоций. У нее есть только выражение. Лики бесстрастны (не эмоциональны) – но нельзя о них сказать, что они невыразительны... Немногие мастера портрета достигали той же силы выражения, которой достигали иконописцы.

Удивительно, что этот же прием (сила выражения взгляда) в данном случае удержал сцену на протяжении всего экранного времени. Именно он, потому что без этого даже талантливая музыка Таривердиева не вытянула бы ее, превратив всё в сентиментальную мелодраму.

* * *

На вопрос – «чем раскаяние отличается от покаяния?» – можно напомнить слова, сказанные сквайром Трелони капитану Смоллету:

– Капитан, вы были правы, а я неправ. Признаю себя ослом и жду ваших распоряжений*.

Эта фраза замечательна тем, что в ней есть и то и другое. «Вы были правы, а я неправ. Признаю себя ослом» – это раскаяние. А «жду ваших распоряжений» – это покаяние. Если человек не может показать кротость, значит никакого раскаяния нет. А если он не готов принимать наставление, значит, нет никакого покаяния.

* * *

– Мне на плечи набросят милоть?

– Не набросят.

– Значит, я увижу несгорающую купину?

– Не увидишь.

– Как же я узнаю, что меня призывают?

– А тебе нужны шаблоны сценариев? Пока держись за что-нибудь, и покрепче, – «на Канзас надвигается ураган».

* * *

Поэт – это звание, которым тебя награждают. Или ты сам себя награждаешь, не дождавшись от других. И с гордостью носишь его.

Или же поэт – это диагноз неизлечимой болезни. С которым ты после долгой и упорной борьбы наконец смиряешься. И живешь с ним.

* * *

В тайник души проникла плесень.
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути**.

На ясный и трезвый реализм первой строки наматывается пестрый романтический тюрбан. И так у него всегда.

В юности этого не замечаешь. В юности ты сам – ворона в павлиньих перьях.

Потом у него было свое хождение по мытарствам и отчет о нем – поэма «Двенадцать»: «Вот мои апостолы. Они стреляют не только в прежний мир. Они стреляют в Христа».

И был последний текст, по сути – простая и горячая молитва: «Пушкинскому дому».

Видимо, путь от гамлетовской позы до безыскусного молитвенного прошения проходит каждый настоящий русский поэт.

Эта заимствованная поза – как дерево познания добра и зла, ее не обойти. А потом ползешь к дереву жизни, по капле выдавливая Гамлета из себя.

* Из романа «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона.

** Из стихотворения Александра Блока «Балаган» (1905).

* * *

Зона у Тарковского – это Эдем. Тот, что был когда-то. Это внешний мир, который человек сам создает, формирует его своим внутренним состоянием.

Прекрасный для безгрешного человека, он страшен и загадочен для падшего. И охрана вокруг Зоны, как и ангел с мечом, охраняющий библейский Эдем от людей, – для их же безопасности.

Теперь туда нельзя. Без надежного проводника там пропадешь.

* * *

Читать многих современных пишущих не хочется, потому что это всё – дневники обывателей. Обыватель безответственен, как бы ярко и интересно он ни писал. Подлинная жизнь там, где есть внутренняя ответственность за бытие, в самом себе и вокруг себя. Она очищает звук и смысл. А на какой дискурс она накладывается, это уже не так важно. У каждого свой талант и своя прибыль.

ИСКУССТВО В ПЛОСКОМ ЛАНДШАФТЕ

...Талантов много, духу нет.

Б. Пастернак

Искусство – жемчуг, который возникает в теле ракушки, в ее мантии. Мантия – мировоззрение, которым дышит художник. В нем он обустроивается, обживает и начинает отфильтровывать из реальности тот самый смысловой «сор», который обволакивает перламутром своей внутренней жизни, ее творческих движений и интуиций.

Для того чтоб этот процесс был плодотворным, мировоззрение должно формировать полноценный этический, эстетический и духовный ландшафт. В нем должны быть высоты и низины, горнее и профанное. Задаваемый ими контраст необходимо ощущать на уровне языка, лексики, фразеологии. На уровне повседневных, общепотребительных смыслов.

Но сегодня главенствует тенденция на «выравнивание» ландшафта. Идет война с вертикалью. Сегодняшнее мировоззрение предлагает язык, в котором невозможно силовое напряжение между высоким и низким. И как следствие – невозможны электрические разряды между полюсами.

Сегодня тот, кто пишет о войне, выдает в итоге или политический плакат, или сентиментальный «ужастик», или нечто в жанре постсоветского «критического реализма», или – в лучшем случае – яростно-экспрессивный романтизм в постмодернистской одежде.

Но это не дотягивает до заявленной планки – в созданном пейзаже нет «гор» и нет «пропастей». А подлинная тема – это тема падения и подъема. Это личное свидетельство о вертикали. А не натурализм описаний.

Сегодня пишущий, если он честен, вынужден признать, что он пытается говорить на языке, в котором нет нужных слов. И что ему необходим проводник туда, где эти слова есть. Что он не может обойтись без того, у кого есть найденные слова

для обозначения верха и низа. И это не абстракции, а его личный опыт. Свидетельство того, кто побывал и внизу, и наверху. Как ни странно, всякое истинное творчество сегодня начинается с покаяния.

* * *

Лицо времени изменилось, я это ощущаю (не только я – многие). Но сложность в том, как об этом изменении говорить.

То, что для этого нужно измениться самому – вроде простая мысль, но понять и принять ее – нелегкая задача...

Прошлый год у меня был обозначен заметным спадом в литературной работе – из-за осознания, что нужен не новый язык, а новый пишущий.

Но зерно, пока не умрет – не впадет, как в ересь, в неслыханную простоту. Искренне желать этой простоты и стремиться к ней – похвально. Но этого мало.

* * *

– Чтоб адекватно реагировать на происходящий сегодня апокалипсис, нужно иметь необходимый язык, – сказал Стрельников Юрию Живаго, – потому что прежний язык стал ветхим, истлевающим, близким к уничтожению.

– Нет, для этого нужно найти себя настоящего и не бояться им быть. Необходимый язык родится сам, – ответил Стрельникову Живаго.

* * *

В заключении Робинзона на острове можно усмотреть некий образ чистилища. Сам он, конечно, не способен свое отшельничество рассматривать под этим углом. Ведь он – вполне доброкачественный язычник, хотя и «Библии начитавшись», и через это «имеет себе понятия». Он абсолютно нецерковен. Бог для него – Lord, а не Отец. Двадцативосьмилетний затвор – какие духовные богатства, какие откровения можно было бы вынести из него, будь затворник «в теме»! Но он вынес оттуда сундук с золотом, условно говоря. И, как сейчас говорят, – инсайты о своих бизнес-проектах.

Но зато он честен. Он откровенно и обстоятельно свидетельствует о своей внутренней жизни. Как сказал Мандельштам: для еврея честность – это почти святость.

* * *

Извозчик, подвозивший Пришвина, сказал ему: мы страдаем сейчас для потомков, которые будут жить хорошо. Будут жить хорошо, не помня о наших страданиях, – какие счастливые свиньи! – развил его мысль Пришвин. Извозчик согласился и сказал: значит, страдаем для счастливых свиней.

Лет через десять-пятнадцать после этого разговора молодой Виктор Франкл* в лагере осознает, что можно перенести любые страдания – если они осмыслены и искуплены.

* Виктор Франкл (Frankl, 1905–1997) – австрийский психиатр и мыслитель; в 1942–1945 гг. был узником нацистских концлагерей Терезиенштадт, Аушвиц и Тюркхайм.

И еще спустя десятилетия один западный поэт пишет стихи о том, что «...у войны родился мир». «У него ужасное, как у матери, лицо. Первый мировой мир. Второй мировой мир. Третий мировой мир»*.

Неосмысленное и неискупленное прошлое запускает день сурка. Идеология не может дать смысл и искупление – любая идеология. Не только табуированная советская или постсоветская, но и либеральная европейская. Ни модернизм, ни постмодернизм, ни фундаментализм.

Каждый выросший во время «мира с ужасным, как у матери, лицом» сталкивается однажды со своим днем сурка – и сам для себя решает, что делать дальше. Никто тебя из него не выведет. Никакой учитель, философ, политик, пропагандист, пророк. Нужно найти свой смысл и свое искупление. Тогда бег по кругу может закончиться. Закончиться на тебе.

* * *

Фундаментализм (любой – религиозный, идеологический) и личностное творчество несовместимы. Потому что он – всегда копипаст. Его цель – подарить уверенность и защищенность ценой отказа от эксперимента и связанного с ним риска и опасности (то, без чего творчество невысказимо).

Конфликт пророков и поэтов с фундаменталистами заключен в столкновении идеи открытой концовки с идеей согласованного и утвержденного сценария.

* * *

Будем ли мы тем, кто мы есть, когда пройдет боль?

Б. Гребенщиков

Сегодня это воспринимается не так, как прежде.

На фоне внутреннего самоопределения христиан, разделенных огненной чертой, заключительный вопрос неожиданно звучит как пророческий.

Не риторически, не как вопрос того, у кого есть ответ. Ответа никто не знает, даже спросивший.

Пророческий дар – в том, чтобы суметь сформулировать вопрос.

ПОЛУЧУ? НЕТ, ПОЛУЧИЛ!

Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам (Мар. 11, 24) – это привычный синодальный перевод.

Но вот у Аверинцева прочел: *Поэтому Я говорю вам: чего бы вы ни просили в молитве, веруйте, что получили просимое, и так и будет для вас*.

Не «получите», а *получили!*

Удивился. Посмотрел греческий оригинал с подстрочником. Там тоже стоит – *получили*.

Посмотрел новые переводы.

Поэтому говорю вам: о чем бы вы ни молились и чего бы ни просили, верьте, что вы уже получили это, – и будет вам (Новый русский перевод).

* Пауль-Ээрик Руммо (1942) – эстонский писатель, поэт, драматург и политик.

Потому говорю вам, о чем бы вы ни просили в молитве, верьте, что вы это уже получили, и дано будет вам (под редакцией Кулаковых).

Перевод еп. Кассиана, наиболее бережно сохраняющий все достоинства синодального: *Потому говорю вам: всё, о чем вы молитесь и просите, верьте, что вы получили, – и будет вам.*

Задумался. И принял это. Ведь в этом и есть то, о чем говорится в Послании к Евреям: *Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (11, 1).* Попросил – и живешь с верой, что ответ уже получен. Осталось суметь его увидеть.

* * *

Возможно, для друзей Иова самым лучшим было посидеть рядом с ним молча, сколько есть возможности – а потом уехать. И это действительно было бы вменено им в мудрость.

Но тогда не было бы книги Иова.

Как не было бы ее и в том случае, если бы они, жалея друга, просто соглашались со всем, что он говорит.

Потому что она – о том, как трудно и драматично всякое подлинное общение.

* * *

– Почему на мои вопросы мне не дали ответов?

– Все ответы были даны. Но ты их не услышал. И не мог услышать. Они сказаны на языке, которого ты не знаешь.

– Почему мне не ответили на моем языке?

– Потому что в твоём языке для этого нет нужных слов.

– И что, мне учить язык, на котором мне ответили?

– Его невозможно выучить по книжке. То, что стоит за каждым его словом, в тебе и твоей жизни нет. Чтоб овладеть им, нужно суметь выйти из себя – и не возвращаться.

– Это возможно?

– А ты очень хочешь услышать ответы?

* * *

Столько лет читать «Маленького принца» – и не понимать, что это отчет о длительном уединении и о полученных в нем откровениях. Не видеть, что это монашеский текст. Написан как сказка? Да! А как еще можно было избежать профанации? Летчику в пустыне удалось то, что не удалось Робинзону на острове – он научился видеть вещи в истинном свете. Его откровение о духовной жизни – рассказ о том, что такое близость. «Приходи каждый день в одно и то же время и каждый раз садись немного ближе».

* * *

– Новая тварь живет молитвой, ветхая – страстями. Даже если при этом читает Библию и старается по ней жить. Внутри – или молитва, или страсти, других вариантов нет. Если бы эту истину новообращенному сказали в самом начале...

- Он бы испугался.
- Если бы сказали те, кто ее усвоил по жизни, а не прочел о ней в книжке – он бы испугался, но сказал бы себе: всё равно хочу стать таким, как они.
- Не слишком поздно переучиваться?
- Лучше быть старым учеником, чем старым дураком. Разве тебе не надоело приобретать каждый раз семь бесов вместо одного?*

* * *

В новелле Рэя Брэдбери «О скитаньях вечных и о Земле» миллиардер вытаскивает из прошлого давно умершего писателя, чтоб тот написал роман о космической эпохе. Он прочел его романы и воспоминания современников и по ним составил себе представление об облике автора. И вот происходит встреча. «Едва Филд увидел Тома Вулфа, образ, созданный его воображением, лопнул по всем швам, как слишком тесная одежда на большом не по возрасту ребенке». Думаю, точно так же лопнет многое из наших сегодняшних представлений в грядущем веке.

* * *

– Если совесть не осуждает тебя, то ты имеешь дерзновение писать чистыми красками, не смешивая их, и уверенно проводить смелые линии, рисуя свою картину происходящего. Что отличало от остальных сидящего в ковчеге? И что отличало от остальных выводимого ночью из Содома? Знание? У других оно тоже было. Чистая совесть. Говоришь, спотыкались? И страшно падали? Да. Но вставали. И нарисованное ими оставалось нетронутым.

– Значит, Писание – о художниках?

– Да. Каждый писал картину своей жизни. Как ты сегодня пишешь свою. Чистая совесть – твоя кисть. Не бойся ошибок – тебе укажут на них, и ты всё исправишь. Не загрязняй яркости красок компромиссами и не делай рисунок вялым, проявляя малодушие.

* * *

«Иванов всех всегда выслушивал – и никого никогда не слушался»**.

Он с благодарностью выслушивал советы, наставления и пожелания – но в итоге всё делал так, как считал нужным.

Что им руководило? Внутреннее чувство нужного направления.

Если совет совпадает с этим чувством – он будет с благодарностью принят. Самое суровое учение, самое резкое и обидное замечание будут приняты безропотно – если они совпадут с тем, что говорит внутренний таинственный голос.

Но если они указывают иное направление – низкий поклон каждому, кто искренне хочет помочь. Слушаю – и следую своим путем.

* Мф. 12, 43-45.

** Александр Иванов (1806–1858) – художник, автор картины «Явление Христа народу». Приведенная фраза высказана В.В. Стасовым в статье «О значении Иванова в русском искусстве».

* * *

Из любимых писателей вырастаешь. Как из одежды, долго бывшей удобной и незаменимой, но теперь ставшей для тебя тесной. Ведь это внешний человек перестает расти, а внутренний не перестает никогда – если только не заставляешь его уснуть в себе.

Исключение составляют те писатели и поэты, кого ты для себя опознал как пророков. Пророк продолжает говорить с внутренним человеком, и его речь не теряет актуальности. На каждой новой ступени он сообщает новые откровения, прежде до времени скрытые.

По степени значения и оказанного влияния у каждого есть свои «большие» и «малые» пророки.

И есть учителя. Эти писатели приходят каждый на определенном этапе роста. Прежде их тексты даже не то что скучны – они непонятны, как речь иностранца. Но тут вдруг они внезапно заговаривают с тобой на твоём языке. И оказываются самым насущным из всего, что ты читал.

Учителя тоже меняются, но каждый последующий появляется в твоей жизни благодаря труду, выполненному предыдущим. Они как бы передают тебя с рук на руки.

* * *

«Никакое пророчество нельзя истолковать частным образом» – но то же самое относится и к поэтам. Не случайно поэтический и пророческий дары – это размытые множества, говоря языком математики.

И поэтов, и пророков выявляет соборное обсуждение. Люди, обладающие безошибочным слухом, выслушивают (прочитывают) тексты, которые другим кажутся бессмысленными и бессодержательными – и чувствуют, что за ними есть что-то серьезное и глубокое, даже если сразу не удастся это содержание отрефлексировать. Они показывают это своим единомышленникам, получают от тех «обратную связь». Так формируется некий общий взгляд на предложенное послание.

* * *

Отныне мы никого не знаем по плоти (2 Кор. 5, 16).

Прежние отпечатки других личностей в тебе были важны и дороги для тебя. Но это были их отпечатки в тебе ветхом.

По мере очищения ума и сердца эти же самые личности начинают формировать в тебе уже новый отпечаток. По сути, они совершают преображение в твоих глазах, ты начинаешь видеть их такими, какими прежде не видел. Да, тогда ты был уверен, что твой взгляд на другую личность истинен. Но стоило хотя бы частично прозреть — и понимаешь, что имел уверенность слепого. А для начавшего, пусть плохо, но видеть, всё воспринимается совсем иначе.

Юрий ФЛЫГИН

Михаил Андреев: разведчик, этнограф, организатор науки*

...В лице М.С. Андреева мы обладаем востоковедом, какие встречаются не часто.

*Из рекомендации Михаила Андреева
в члены-корреспонденты Академии наук СССР*

Детство и юность. Ташкентская учительская семинария (1889–1893)

Михаил Степанович Андреев был коренным туркестанцем. Родился он 11 (24) сентября 1873 года в Ташкенте, в семье мелкого служащего¹. Еще в начале 1960-х годов сохранялся дом на улице Двенадцати тополей, где прошло его детство. Сначала строительство ташкентского Центрального универмага, а потом землетрясение 1966 года прекратило существование этой улицы, находившейся некогда в самом центре Ташкента.

Отец М.С. Андреева, Степан Митрофанович, происходил из Оренбургского края. Рано, в четырнадцать лет, осиротел и поступил на службу к одному купцу, который вел торговлю со среднеазиатскими землями. Этот купец посылал юного Степана в составе своих караванов в Туркестан еще до присоединения края к России. «Однажды в связи с военными действиями ему пришлось, оставив товар на хранение, в течение трех лет кочевать по степи вместе с казаками, за это время он хорошо овладел их языком»². Купец доверял и уважал его, выдал за него свою дочь.

Степан Митрофанович ценил образованность и желал по возможности обеспечить достойную будущность своему единственному сыну. Он определил его на учебу в Ташкентскую мужскую гимназию. Михаил окончил четыре класса основного курса гимназии из восьми (и два года обучался в подготовительных классах). Учился юный Андреев весьма усердно, за учебные успехи в 4-м классе получил похвальный лист.

В 1889 году он покинул гимназию и продолжил обучение в Ташкентской Учительской семинарии. Сам Андреев так объяснял свое решение:

* Журнальная версия.

Я почувствовал некоторый интерес к местным языкам... и начал стремиться к их изучению. Это тогда было для не имеющего руководства и пособий мальчишки очень трудно, вернее даже невозможно. Я оставил поэтому гимназию и перешел в местную учительскую семинарию, где не только тогда преподавались местные языки (персидский и узбекский; отчасти, одно время, арабский), но где был такой прекрасный преподаватель, как известный знаток языков и быта Средней Азии покойный В.П. Наливкин³.

Директором Учительской семинарии в годы учебы Андреева был выпускник Казанской Духовной академии Михаил Миропиев (1852–1919), получивший неплохую подготовку в области исламоведения и известный рядом интересных педагогических идей.

Ташкентская Учительская семинария была детищем первого генерал-губернатора Туркестана Константина Петровича Кауфмана. В реализации замысла «устроителя Туркестанского края» также велика роль замечательного педагога, туркестановеда Николая Петровича Остроумова, который многие годы был первым директором этого учебного заведения⁴.

В значительной мере благодаря фундаменту, заложенному Остроумовым, семинария давала серьезную востоковедческую подготовку. Некоторые ее питомцы впоследствии стали известными востоковедами – Василий Вяткин, Павел Иванов, Константин Юдахин... В их числе был и Михаил Андреев.

Вполне возможно, что на переход Андреева в семинарию оказал влияние и материальный фактор. За обучение в гимназии надо было платить, а в Учительской семинарии учащиеся полностью содержались за казенный счет: жили в общежитии, питались при семинарии, получали форму. Кроме того, семинария давала конкретную профессию и гарантированное место работы. Казенные стипендиаты были обязаны прослужить шесть лет в Туркестанском крае в русско-туземных школах⁵.

Во времена своей семинарской юности Андреев не отличался особо крепким здоровьем. Болезни, бронхит и плеврит, вынудили его родителей отправить сына «на кумыс» в казахский аул. По протекции Чимкентского уездного начальника Андреев попал в общину кочевых казахов. Кочуя вместе с их аулом, Андреев внимательно наблюдал за жизнью и бытом его обитателей. Впоследствии он вспоминал о них с теплотой:

И какие хорошие люди были там, как сердечно относились, когда встречались потом, иногда бывали такие случаи. Чувствовалось, что нас в обычной жизни... отделяет друг от друга только стена взаимного незнания языка и предрассудки обеих сторон⁶.

Свое пребывание в ауле Андреев использовал и для овладения казахским языком. Казахи полюбили его, оценив стремление к новым знаниям и трудолюбие. Глава общины даже уговаривал его остаться совсем в их ауле.

Он обещал, что сделает меня «юз-боши» и что мои обязанности будут заключаться в осуществлении всех связей с внешним миром, с администрацией⁷.

С той поры Андреев полюбил самостоятельные одиночные поездки по краю верхом на лошади.

Круг моих географических, этнографических и языковых интересов все более расширялся, и желание узнать, как течет жизнь в других местах, где я еще не побывал, влекло меня в моих поездках все дальше и дальше⁸.

Начало учебы Андреева в Учительской семинарии пришлось на последний год работы в ней Владимира Наливкина, яркого педагога, знатока местных языков и традиций. Наливкин обратил внимание на любознательного ученика и его склонность к изучению восточных языков и после своего ухода из семинарии согласился продолжать занятия с ним. Эти занятия способствовали формированию у Андреева интереса к этнографии.

Обучаясь в Учительской семинарии, Андреев «часто посещал старогородскую часть Ташкента и с течением времени сблизился с некоторыми учащимися медресе, а при их посредстве – с семьей казия Шариф-ходжи и с Убайдулла-Максумом – мударрисом (преподавателем) медресе Ишанкули додхо»⁹. Последний согласился вести с учащимся семинарии занятия по персидской и арабской литературе. Андреев вспоминал:

...И мударрис, и его окружающие были несколько заинтересованы, что какой-то русский юнец пришел к ним и выразил желание учиться. Мударрис не настаивал, чтобы я читал все положенные по курсу книги в их последовательности, но охотно читал со мной персидскую литературу, отрывки из арабских текстов и даже турецкие произведения. Ученые в медресе были очень интересно. Оно дало мне возможность знакомиться не только с языками (в бухарском и ташкентском произношении моих учителей), но открывало мне реальную жизнь, строй мышления, верования, обычаи, а в области языка дало мне возможность быстро и свободно говорить и приучало меня к хорошему ташкентскому произношению. В общем это как-то хорошо открыло мое сердце, приучило уважать и хорошо относиться к людям, видеть в них доброе и хорошее там, где язык и уклад жизни не походил на те, в окружении которых я вырос в детстве¹⁰.

Ташкентская Учительская семинария осуществляла подготовку учителей в начальные школы, в том числе в «русско-туземные». Последние представляли собой тип русских учебных заведений, предназначенных, в первую очередь, для представителей коренного населения. В них, кроме основных учебных дисциплин, традиционных для русской начальной школы (русский язык, арифметика, основы истории и географии), изучались также родной язык учеников и исламское вероучение. Учителем такой школы и представлял Андреев себя в будущем.

Преподавательская работа (1893–1897)

В 1893 году Андреев окончил семинарию. Однако соответствующей вакансии для него в русско-туземных школах не нашлось. В качестве временной меры ему предложили должность заведующего вечерними курсами русского языка при Ходжентском приходском училище¹¹.

В апреле 1893 года главный инспектор учебных заведений Туркестанского края Федор Керенский (отец будущего председателя Временного правительства) при посещении Ходжентского училища отметил, что занятия по русскому языку идут «неисправно и безуспешно»¹². Основная причина была в том, что прежний преподаватель русского не знал местного языка¹³. Так что Андреев был идеальной кандидатурой для этой должности.

Михаил Степанович позже так описывал свою жизнь в начале педагогической деятельности:

Получал жалование 20 рублей в месяц. На эти деньги жил сам, содержал лошадь, нанимал прислугу. Положение мое улучшилось, когда как-то приехал в Ходжент Наливкин (занимавший тогда должность заместителя губернатора Ферганской области). Он увидел, что заработок мой скудный, положение плохое. А уездным начальником в Ходженте тогда был его друг Глушановский. Наливкин поговорил с ним, и он помог мне (дрова и пр.), а кроме этого пригласил меня к своему сыну учителем и кормил меня¹⁴.

Здесь Андреев допускает неточность. Заместителем Ферганского областного губернатора Наливкин служил позже, с 1901 по 1904 годы. А в 1893–1894 годах он исполнял обязанности инспектора мусульманских учебных заведений и в этом качестве вполне мог посетить Ходжент. Уездного начальника он мог знать по предыдущей военной службе (уездная, областная, краевая администрация в Туркестанском крае формировалась, в основном, из офицеров)¹⁵. А Андреева, конечно, помнил по Учительской семинарии.

Хотя жизнь в Ходженте у Андреева и была непростой, он любил город и его жителей. Продолжал он и поездки по краю с исследовательскими целями. В 1893 году побывал в долине реки Ангрен, в отрогах Кураминского хребта. В ходе этой поездки Андреев обратил внимание на многочисленные курганы. К сожалению, писал он, местные жители самовольно

раскапывают курганы, в особенности по ночам, и добытые монеты и старинные золотые и серебряные вещи тотчас же, не донося русской администрации, переплавляют у местных ювелиров на кольца, браслеты и т.п.¹⁶

По результатам этой поездки появилась статья «Местности в долине Ангрена, интересные в археологическом отношении», которая была опубликована в 1893 году в «Туркестанских ведомостях» и стала первой научной публикацией молодого историка.

В Ходженте Андреев проработал совсем недолго. Впоследствии ему доведется сюда вернуться на более значительный срок. А пока, в 1894 году, его пригласили на работу в *альма матер*, Ташкентскую учительскую семинарию.

В семинарии Андреев вел занятия по узбекскому и персидскому языкам; в 1896–1897 годах он также преподавал узбекский язык в Ташкентском реальном училище¹⁷. По заданию администрации он составил и издал «Руководство для первоначального обучения сартовскому (узбекскому – Ю.Ф.) языку в Ташкентском реальном училище»¹⁸. Оно удостоилось лестного отзыва такого авторитетного знатока среднеазиатских языков, как Николай Остроумов.

С 30 июня 1897 года Андреев, согласно его прошению, был освобожден от своих должностей и в семинарии, и в реальном училище, официально – по состоянию здоровья. О действительной причине ниже будет сказано. Непосредственную педагогическую работу в 1896-1897 учебном году он, вероятно, уже не выполнял, поскольку у него появились новые обязанности. В его педагогической деятельности наступила длительная пауза. К этому времени у Андреева ярко обозначился глубокий интерес к изучению истории и культуры края. Он совершает поездки в разные местности для сбора археологического и этнографического материала; предпринимает первые попытки переводов восточных рукописных текстов. В его архивном фонде сохранилась рукопись перевода некоего трактата «Приличия, соблюдаемые человеком, который ложится спать, обывателя, который идет по дороге, садится на лошадь»¹⁹.

В 1895 году Андреев совершил верховую поездку в Бухару. Вернулся в Ташкент по горным дорогам через Шахрисабз и Самарканд. В этом же 1895 году вышла статья «Остатки языческих обычаев среди туземцев»²⁰, которая положила начало научным работам Андреева на этнографическую тематику.

Много позже, летом 1942 года, в «Автобиографической записке» Андреев писал о начале своей научной деятельности:

Я вступал в жизнь, скорее, как скромный лингвист – увлекался персидской литературой, классиками, читал и произведения на местном тюркском (узбекском) языке, записывал образцы народной литературы; скоро я заинтересовался немного археологией, а потом начал все больше и больше интересоваться бытом, в особенности старыми его формами, сквозившими в реликтах, воспоминаниях стариков и, отчасти, в языке. Моя предшествовавшая подготовка как нельзя более соответствовала этим занятиям. Я ясно видел, как в нашей научной литературе (за исключением очень немногих работ) крайне мало были освещены внутренние стороны быта Средней Азии, и как быстро и бесследно исчезали старые обычаи, верования и технические навыки, часто совершенно не описанные и даже не упомянутые²¹.

Он весьма высоко оценивал роль в мировой истории Среднеазиатского региона как «огромного важного пространства для прохода народов и для обмена достижениями и открытиями между Востоком и Западом»²².

В 1895 году в Ташкенте по инициативе Николая Остроумова и при поддержке начинающего ориенталиста, будущего академика Василия Бартольда был создан Туркестанский кружок любителей археологии (ТКЛА). Это было наиболее авторитетное краеведческое общество в Средней Азии и, пожалуй, самое деятельное из всех научных общественных объединений дореволюционного Туркестана. Андреев стал одним из его членов.

Росту авторитета Андреева как исследователя способствовала его поездка по поручению ТКЛА для обследования пещеры Кон-и гут в Кокандском уезде, которая имела некую мистическую известность.

В этой пещере он уже бывал. Первый раз он посещал ее самостоятельно, когда служил в Ходженте. На этот раз он ехал вместе с еще одним членом ТКЛА, подающим надежды туркестановедом, педагогом Николаем Маллицким, годом ранее прие-

хавшим в Ташкент после окончания Петербургского историко-филологического института.

Как позже писал об этой поездке Михаил Массон:

По существу это было первым научным обследованием одной из интереснейших туркестанских пещер, причем было установлено, что она, несомненно, принадлежит и к числу наиболее крупных... Одновременно исследователи обнаружили многочисленные следы от ударов острыми металлическими инструментами, наличие большого числа искусственно прорубленных проходов, галерей, а также лестниц, опорных балок, жердей и арчовых креплений, употребляемых в горном деле... Это навело на мысль, что люди <...> обнаружили здесь потребные им полезные ископаемые и стали вести их добычу²³.

Спустя пару недель после возвращения в Ташкент Андреев сделал на заседании ТКЛА доклад об этой поездке, вызвавший немалый интерес. Особенно заинтересовала членов Клуба надпись на камне у входа в пещеру. Позже камень был доставлен в Ташкент, надпись оказалась стихом из Корана.

Начало работы у Александра Половцова. Первая поездка в Петербург (1897–1898)

Судьбоносным для Андреева оказалось знакомство в 1896 году с Александром Половцовым (1867–1944), чиновником Министерства внутренних дел, человеком ярким, неординарным: дипломат, этнограф, ориенталист. Половцова командировали из Петербурга для изучения переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье. Происходил он из богатой аристократической семьи, был внучатым племянником императоров Александра I и Николая I, начинал военным, затем был переведен в Министерство внутренних дел²⁴.

Отец Половцова, тоже Александр Александрович (1832–1909), являлся Государственным секретарем, членом Государственного совета, был учредителем Императорского Русского исторического общества, почетным членом Петербургской академии и членом-корреспондентом Французской академии.

Полное совпадение имени и отчества у Половцова-младшего и у его отца вводило некоторых авторов в заблуждение. Так, историк Валерий Германов утверждал, что Андреев являлся ближайшим другом и сподвижником «основателя и председателя Российского Императорского исторического общества князя А.А. Половцова»²⁵. Однако Половцов-младший, родившись в 1867 году, никак не мог быть создателем Общества, организованного годом ранее, да и княжеского титула у Александра Половцова не было.

В Ташкенте Половцову понадобился помощник-секретарь, с обязательным знанием местных языков. Очевидно, кто-то из его ташкентских знакомых посоветовал обратиться к Владимиру Наливкину. Тот и порекомендовал Половцову Михаила Андреева, который был ему хорошо знаком еще по учебе в Учительской семинарии.

Андреев охотно принял предложение Половцова и оставил свою работу в Семинарии и реальном училище. В качестве секретаря и переводчика он сопроводил

ждал Половцова в его поездках по Средней Азии и Закавказью. Получил возможность познакомиться с состоянием переселенческого дела в этих регионах. Хотя это мало соотносилось с его собственными интересами, зато позволило увидеть много новых мест, познакомиться с образом жизни и культурой разных народов.

Завершив служебную командировку летом 1897 года, Половцов вернулся в Петербург. Андрееву он предложил сопровождать его в прежнем качестве секретаря и переводчика. Благодаря широким научным связям Половцова Андреев довольно скоро познакомился с известными петербургскими востоковедами – иранистом Карлом Залеманом, индологом Сергеем Ольденбургом, тюркологами Василием Радловым и Василием Бартольдом. Ученые оценили его эрудицию и глубокое знание языков, жизни и быта народов Средней Азии²⁶ и старались по возможности помочь ему в научном развитии. Сам Андреев признавал, что до встречи с этими востоковедами при каждой поездке он остро ощущал свою теоретическую неподготовленность²⁷.

Под руководством Залемана Андреев углубил свои лингвистические и этнографические познания. Впоследствии Залеман вспоминал:

Приехав <...> в Санкт-Петербург, Михаил Степанович неоднократно посещал меня и беседовал о своих исследованиях, блестящие результаты которых не могут не обрадовать сердце ираниста²⁸.

Также с Залеманом Андреев изучал его материалы «по еврейско-персидскому языку, то есть еврейскому диалекту таджикского языка»²⁹.

Залеман восхищался отличным знанием Андреевым «среднеазиатских языков и быта, точностью лингвистического слуха»³⁰. Также он помог молодому исследователю определиться с направлением научной работы, обратил его внимание на своеобразие быта и языков горных таджиков, проживавших в малодоступных регионах и почти неизвестных западной академической науке³¹.

С тюркологом Василием Радловым Андреев начал чтение «Кудатку билик» («Благодатное чтение») – одного из первых произведений исламской тюркской письменной литературы эпохи Караханидов, автором которого являлся Юсуф Баласагуни.

Андреев произвел самое благоприятное впечатление на Бартольда, который писал своему ташкентскому другу Николаю Остроумову:

Недавно у меня был туркестанец Андреев, очень заинтересовавший меня своими рассказами и всей своей личностью. Мне кажется, что, если он вернется в Туркестан, то будет там очень полезен, и со своей стороны мне всегда будет приятно чем-нибудь поспособствовать успеху его трудов³².

Бартольд стремился установить тесное сотрудничество с туркестанскими исследователями. Еще во время своей первой поездки в Среднюю Азию в 1893–1894 годах он писал, что «тесная связь между столичными и местными научными деятелями вообще кажется нам необходимой для тех и других ... [такая связь] дает более ценные результаты, чем что-нибудь другое»³³.

Свое пребывание в Петербурге Андреев активно использовал для самообразования. Им было прочитано множество книг по востоковедческой тематике, что помогло ему восполнить недостаток профессиональных знаний.

Турфанская экспедиция и другие поездки (1898–1906)

Осенью 1895 года экспедиция под руководством Всеволода Роборовского нашла в Турфанском оазисе в Восточном Туркестане развалины древних уйгурских городов, буддийских монастырей и пещерных святилищ. Собранные экспедицией образцы искусства, предметы быта и фрагменты рукописей вызвали сенсацию среди археологов и востоковедов.

В 1898 году в Восточный Туркестан была отправлена новая экспедиция. Возглавил ее известный исследователь Сибири и Монголии, сотрудник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) Дмитрий Клеменц (1847–1914). В маленький экспедиционный отряд вошли также его жена, командированная от Ботанического сада для ботанических исследований, и Андреев, выполнявший функции переводчика.

«Это путешествие через Сибирь и Монголию на Урумчи, Турфан и Лючкун дало мне многое»³⁴, писал впоследствии ученый. Во время Турфанской экспедиции Андреев составил небольшой словарь канджутского языка (языка народа хунза) – со слов оказавшегося в Урумчи после поражения в сражении с англичанами бывшего правителя Канджута, маленького княжества в Северной Индии (ныне на территории Пакистана), и его придворных³⁵. Также он записал отдельные образцы фольклора на узбекском языке.

Впоследствии Бартольд, Ольденбург и другие выдающиеся востоковеды – Игнатий Крачковский, Федор Щербатской – в коллективной записке отмечали, что участие в экспедиции Клеменца в Турфане

...поставило М.С. Андреева очень рано лицом к лицу с важными и сложными вопросами археологии Средней Азии, особенно трудными вследствие многообразных сплетений самых различных культур. Богатые материалы Западного Туркестана позволили ему проявить интерес к археологии и впоследствии, причем он старался увязать археологическую работу с этнографической, систематически наблюдая пережитки старины и современность³⁶.

Зиму 1898–1899 годов Андреев провел вместе с Половцовым в Париже, по-прежнему в качестве его секретаря. Очевидно, Половцов особо не обременял его делами, и у Андреева было достаточно времени для научных занятий в Национальной библиотеке. Он довольно быстро овладел французским языком, что оказалось очень полезным в его дальнейшей службе, весьма богатой на резкие перемены и превратности.

Несколько последующих лет Андреев продолжал выполнять обязанности секретаря и помощника Половцова, сопровождая его в поездках. Периодами жил то в Петербурге, то в Туркестане. Он продолжал сотрудничать с ТКЛА, членом которого являлся также и его патрон Половцов. Некоторые поездки Андреева осущест-

влялись по поручению Кружка. Он продолжал собирать многочисленные лингвистические и этнографические материалы, главным образом о горных таджиках³⁷.

В октябре 1899 года Андреев и Половцов предприняли раскопки в Самарканде в усадьбе Баба-Максума Фузаилова, где при хозяйственных работах были случайно обнаружены оссуарии – глиняные костехранилища, характерные для погребального обряда среднеазиатских зороастрийцев. В ходе раскопок удалось обнаружить еще несколько оссуариев. Эта находка имела значительный резонанс в научных кругах, в том числе и среди петербургских ученых.

В 1902 году Половцов, который в то время исполнял обязанности дипломатического чиновника при Туркестанском генерал-губернаторе, был направлен на Памир. Андреев сопровождал его в прежнем качестве секретаря и переводчика. Результатом этой поездки стала совместная с Половцовым публикация по этнографии памирских бекств Вахан и Ишкашим³⁸. Также в ходе поездки Андрееву удалось собрать материалы по почти неведомому тогда науке язгулемскому языку. В сборе материалов Андрееву существенную помощь оказал начальник Памирского отряда Андрей Снесарев (1865–1937), один из основоположников русского военного востоковедения³⁹, сочетавший научные исследования с разведывательной работой. Последняя вскоре станет на несколько лет главным видом деятельности и Михаила Андреева.

В своем отчете от 15 июня 1904 года российский политический агент в Бухаре барон Анатолий Черкасов отмечал:

Посетивший Памирские бекства <...>, по поводу беспорядков в Вахане, дипломатический чиновник... коллежский советник Половцов и личный секретарь его М.С. Андреев, дважды совершившие путешествие на Памир, дали мне много ценных, основанных на опыте и личном знакомстве с положением дел в Припамирских бекствах, указаний⁴⁰.

В 1904 году Андреев вместе с Половцовым совершил поездку в Исфару Кокандского уезда, чтобы скопировать арабскую надпись в Варухском ущелье, открытую им еще в поездках по Исфаре во время службы в Ходженте. В декабре 1905 года, на торжественном собрании, посвященном десятилетию ТКЛА, Андреев сделал сообщение о результатах этой поездки.

В 1906 году вышла статья Андреева «Исторические заметки о Ходженте»⁴¹. В ней, наряду с описанием исторических памятников, содержатся сведения и о населении Ходжентского уезда; с любовью Андреев описывает и сам город, в котором он когда-то начинал свою научную деятельность.

...Город, утопающий в зелени, окруженный сверкающей полосой воды, извивающейся вдали серебряной струйкой; на дальнем плане величественно вырисовываются белоснежные горы; все это оправдывает эпитет «невесты мира», каким наделяют Ходжент восточные поэты и писатели⁴².

По поручению Половцова Андреев приобрел для него в Ташкенте дом, ранее принадлежавший крупному ташкентскому купцу и меценату Николаю Иванову. Под руководством военного инженера и архитектора Александра Бурмейстера

были проведены масштабные работы по перестройке здания и оформлению его интерьеров в восточном стиле, в соответствии с пожеланиями Половцова. Бурмейстер является автором проектов еще нескольких интересных ташкентских сооружений, в том числе храма Александра Невского*.

Возможно, с помощью Андреева были приглашены местные мастера из Ташкента, Хивы, Бухары, Риштана, выполнившие резьбу по ганчу, по дереву, художественную роспись. Андреев осуществлял наблюдение за отделочными работами. Как позже писал сам ученый:

Мне действительно пришлось очень близко участвовать в этом деле от начала до конца и во многих случаях организовывать работу местных мастеров, собранных специально для данной работы из разных концов. Были выписаны нарочно лучшие из оставшихся в то время старых мастеров, с тем, чтобы получить образцы их исчезавшего уже тогда искусства... Набраны были те, что и тогда назывались «последними могикианами» старого среднеазиатского искусства. В особенности был хорош старик столяр из Ходжента, руководивший деревянной работой и когда-то работавший у Худоярхана в кокандском дворце. Эмир тоже прислал лучших мастеров <...> и очень интересовался работой... Среди мастеров были и ташкентцы – то, что было тогда лучшего среди резчиков по ганчу. Керамист был один, еще не старый тогда, но очень талантливый, из Коканда, где он и приготавливал все изразцы, привозя в Ташкент. Ему пришлось восстановить для этого старую выделку и привозить из гор некоторые минералы, входившие в состав поливы. Все мастера были очень заинтересованы своей работой и между ними было даже некоторое соревнование. Так раз, например, ташкентцы, видя работу бухарцев, не вытерпели и просили, чтобы им была отведена ниша, где они могли бы показать свое искусство по-ташкентски, что и было сделано... Очень эффектно были решетки, выделявшиеся большей частью бухарцами, из гипса, вставлявшиеся в глухие места, для окон со стороны большого сада (теперь, кажется, несуществующего). Гипс был из Кармине, чинары для дверей, ввиду их большого размера, из Самарканда (из с. Дагбид, – в Ташкенте таких больших не оказалось). Так как привезенные доски были несколько сыроватые, то старик ходжентец распорядился, чтобы были сделаны громадные противни для них и эти доски варили, после чего они были подвергнуты просушке и действительно довольно быстро высохли и могли поступить в обработку. Весь потолок в зале (работа ходжентских мастеров) построен так, что колонны смело можно было бы и убрать и он мог бы продолжать висеть. Имеющиеся четыре колонны были поставлены по желанию А.А. Половцова, скорее как украшение. Мрамор на террасе – работа русского каменщика Назарова, ездившего за ним в местные горы (около Чимгана). Потолок в спальне – чисто бухарский, в маленькой гостиной – чисто ходжентских мастеров, по их плану выполнен ими. На стенах были вставлены в виде панно лучшие из вышивок (сюзана) и места были подготовлены по размеру выбранных вышивок. Драпри к дверям и окнам были сделаны из бархата, приготавливавшегося по специальному заказу в Бухаре. К сожалению, в этой же комнате на камине был допущен в верхней части орнамент, взятый с каирских мечетей (из куполов)⁴³.

Со временем у Половцова отпала необходимость в этом доме. Некоторое время он работал в Индии, а затем был направлен на Урал. Здесь по заданию правительства занимался делами по развитию металлургического производства, в чем весьма преуспел. В 1909 году свой ташкентский дом Половцов подарил городу.

* О часовой в Пенджикенте, выстроенной по проекту А. Бурмейстера, см. статью Александра Галака «В Пенджикенте, как месте ссылки духовенства...». Пенджикентская Свято-Никольская церковь» (ВС. 2023. Вып. LXIII). (Прим. ВС).

Пребывание в Индии (1906–1913)

Новый поворот в жизни Михаила Андреева произошел в 1906 году. Половцов получил назначение на должность Генерального консула в Бомбее и пожелал взять с собой Андреева в качестве переводчика. Проблема была только в том, что должности переводчика в штате Генконсульства не было предусмотрено; весь штат состоял лишь из консула и секретаря.

К этому времени стала очевидной необходимость иметь в составе консульства человека, который бы осуществлял сбор сведений для нужд военного министерства⁴⁴. Разумеется, такой человек должен был хорошо знать местные языки. Кроме того, к включению Андреева в состав сотрудников проявили интерес Российская Академия наук и Кунсткамера; они поручили ему сбор этнографического материала и коллекций⁴⁵.

Таким образом, в Индии Андреев выступил на совершенно новом для него поприще – дипломатическом и разведывательном. Он также использовал свое пребывание в Индии для изучения языков хинди и пушту. Хотя по индийской тематике он не написал ни одной крупной работы, однако очень много сделал для пополнения российских коллекций предметами индийского искусства и культуры.

Служебное положение Андреева в Бомбее было своеобразным. Консульство служило ему некоторым прикрытием, но он никогда не входил в его штат, поскольку, как уже сказано, должности переводчика не предусматривалось. Его официальная должность значилась так: «чиновник для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края», иными словами, он был гражданским чиновником в системе Военного министерства⁴⁶.

В первую свою индийскую командировку Андреев прожил в Бомбее немногим более года. Как писал секретарь генконсульства Сергей Чиркин о своем первом впечатлении от знакомства с Андреевым:

Среди недели показалась первая ласточка близкого приезда нового начальника в лице неожиданно прибывшего с очередным пароходом <...> частного секретаря А.А. Половцова – М.С. Андреева. Это был молодой человек лет тридцати, говоривший с легкой запинкой и немного косивший на один глаз. Очень живой и общительный, но... малосообщительный⁴⁷.

Первая командировка в Индию закончилась для Андреева ранее ожидавшегося срока. Прослужив в Бомбее около года, Половцов заболел малярией и был вынужден выехать в Россию для лечения. Он предполагал после лечения вернуться, но врачи это ему настоятельно не рекомендовали. Вслед за патроном должен был вернуться в Россию и Андреев. Выехал он в июне 1907 года, посетив по пути Дели, Агру и Лахор.

Свое возвращение Андреев хотел использовать с максимальной пользой для новой деятельности – разведки. Он планировал проехать через Гималаи, перевал Каракорум, Западный Тибет, Яркенд, Вахан, Шугнан, Восточный Памир и выйти в Ферганскую долину.

В столице Кашмира, Сринагаре, он встретился с капитаном Петром Половцо-

вым (1874–1964), братом Александра Половцова; с ним он должен был проделать оставшийся путь в Туркестан. Петр Половцев, по официальной версии, приезжал в Индию на охоту, в действительности же он был командирован Военным министерством. На дальнейшее следование через северные границы Индии им требовалось разрешение английской администрации. Англичане крайне неохотно разрешали иностранцам посещение северных пограничных рубежей своих индийских владений. Петр Половцов получил разрешение довольно легко, а вот с Андреевым получилась заминка. Потребовалось вмешательство консула.

Очевидно, англичане настороженно воспринимали «личного секретаря» консула и подозревали, что его деятельность не ограничивается секретарскими обязанностями. Когда он прибыл в Сринагар, местная газета писала:

...в Сринагаре среди заслуживающих внимания иностранных путешественников пребывает один русский – Андреев, ташкентец, возвращающийся из Индии на родину каракорумским путем. Господин Андреев не только большой ориенталист, но и опытный фотограф, который, разумеется, не упустит случая заняться стратегическими проходами, ведущими в русскую территорию⁴⁸.

В дневнике Андреев писал:

На Памире я надеялся пополнить филологические записи по наречиям горных племен верховьев Пянджа. Правда, маршрут через Восточный Туркестан являлся несоразмерно длинным, но для меня это было единственно возможным, так как англо-индийское правительство очень ревностно относится ко всяким попыткам неанглийских путешественников переехать индийскую сухопутную границу, и для меня, русского, выхлопотать разрешение на проезд в кратчайшем направлении представлялось больше чем затруднительным⁴⁹.

До Яркенда россиян сопровождал майор Филдинг, адъютант вице-короля Индии. 17 августа 1907 года Андреев прибыл в пределы Российской империи, на Таш-Курганский пост.

Возвращаясь в Туркестан, он по пути смог ненадолго посетить долину Хуф на Памире. Изучение языка и образа жизни населения этой долины впоследствии станет одним из главных результатов его научной деятельности. Впервые Андреев проявил интерес к долине Хуф и ее жителям в 1902 году, когда познакомился в Ташкенте с хуфцами, пришедшими в город в поисках работы.

При посещении этой долины в 1907 году были собраны сведения рекогносцировочного характера, поведшие потом к отправке в 1929 году специальной экспедиции в эту долину от Академии наук... Ввиду изолированности долины и сохранившихся там удивительных реликтов быта, изучение последнего представляет особый научный интерес, в силу чего на изучение его мною было обращено в дальнейшем особое внимание⁵⁰.

Андреев также попробовал оценить шансы на расширение русской торговли в Восточном Туркестане. Отмечая присутствие русских купцов в регионе, он писал:

Очень отрадным явлением можно отметить замечаемое усиление торговли русскими товарами в Восточном Туркестане, преимущественно ситцами. Причиной этого служит, глав-

ным образом, доброкачественность наших тканей, прочность их красок и умелый подбор рисунков, являющихся или воспроизведением узоров туземных материй, или подмеченных нами рисунков, соответствующих вкусу туземцев⁵¹.

Андреев обратил внимание на слова местных купцов, что благодаря существовавшим в то время путям сообщения торговать им с Русским Туркестаном было удобнее. Он также отмечал, что немало жителей Китайского Туркестана, в особенности выходцы из Средней Азии, желали бы поступить в российское подданство.

Вернувшись в Ташкент, Андреев подготовил обстоятельный отчет «Об английской разведочной организации в Индии и сопредельных странах». Оригинал остался в Ташкенте и сохранился в архиве⁵², а копия была отправлена в Петербург.

Отчет состоял из трех частей. В первой давалась общая характеристика общественно-политической ситуации в Индии и подъема национально-освободительного движения, с более подробным его описанием в северо-западной Индии, и реакции на это Афганистана. Во второй приводится описание дорог, по которым проезжал Андреев. В третьей описаны его впечатления от мест, через которые он проезжал⁵³.

Отчет Андреева, очевидно, был оценен в столичных ведомствах положительно. Во всяком случае, уже 24 ноября начальник Главного управления Генерального штаба генерал от инфантерии Федор Палицын поставил вопрос о его следующей командировке в Индию⁵⁴. Отмечая важность ведения разведывательной работы в сопредельных с Россией азиатских странах, Палицын писал:

М.С. Андреев изъявил желание посвятить себя разведке. Он принял на себя выполнение некоторых задач по разведке и благодаря обширному знакомству с местными языками и присущей ему энергии в короткое время достиг весьма положительных результатов. При этом начатое им дело в высокой степени заинтересовало его⁵⁵.

Палицын предлагал причислить Андреева к министерству иностранных дел и назначить его нештатным секретарем генконсульства в Бомбее.

Вернувшийся из Индии Половцов также обращал внимание на необходимость противодействовать разведывательной работе Британии. Он, в частности, сообщал о действовавших специальных разведывательных школах в Бомбее, Мадрасе, Лахоре, Рангуне. В центральной школе в Бомбее слушатели-англичане «изучали русский, персидский, китайский языки по выбору»; в прочих «к шпионской работе готовили выходцев из азиатских народностей»⁵⁶.

Половцов предполагал, что имеется секретное соглашение между Британией и афганскими властями, в силу которого английские разведчики время от времени «пропускаются через афганские пределы для проникновения в российские владения»⁵⁷.

Учитывая, что незадолго до этого, в августе 1907 года, Российская империя и Британия подписали договор о разграничении сфер влияния в Азии, для русского МИДа вопрос об Андрееве был не самым легким. Дипломаты не хотели давать повод для английских претензий. Так или иначе, но летом 1908 года Андреев прибыл в Бомбей как частное лицо «для изучения языков».

Упомянувшийся уже секретарь генконсульства Сергей Чиркин в своих воспоминаниях писал:

Я не сомневаюсь, что его [Андреева. – Ю.Ф.] сообщения были очень интересны, но представляли лишь сводку из местной прессы, одобренную личными наблюдениями. Они не содержали и не могли содержать чего-либо сугубо секретного⁵⁸.

Но благодаря наблюдательности, умению завязывать контакты и знанию местных языков донесения Андреева содержали немало ценной информации. Во всяком случае, ряд документов свидетельствует, что Военное министерство ценило его и было заинтересовано в продолжении его деятельности.

Жалование Андреев по-прежнему получал от Военного министерства. Жил на частной квартире, работал обыкновенно в консульском помещении и пользовался дипломатической почтой для пересылки своих сообщений. Однако МИД настоятельно предлагал, чтобы Андреев не только не демонстрировал свою близость к российской миссии, но даже и не жил в Бомбее.

Эта ситуация вызывала беспокойство российского генерального консула барона Альфонса Гейкинга. Он писал:

Андреев здесь известное лицо, даже два месяца управлял Генеральным консульством. <...> Мы окружены тайными агентами, следящими за всякими нашими движениями, положение сего Генерального консульства по отношению к М.С. Андрееву, приехавшему «для изучения языков», настолько прозрачно, что, так сказать, само собой обрисовывается для каждого здравомыслящего, несмотря на официальную его непринадлежность к личному составу сего Генерального консульства⁵⁹.

Положение Андреева еще больше осложнилось в 1910 году, после переезда Генконсульства в Калькутту – столицу Британской Индии. Новый генконсул, Борис Арсеньев, писал, что пребывание Андреева в прежнем статусе осложнит работу «Генерального консульства, только что сюда перенесенного и делающего первые шаги к установлению добрых отношений с центральным правительством» Британской Индии⁶⁰.

Рассматривались разные варианты устройства Андреева в Индии, чтобы он мог продолжать свою деятельность. В частности, предлагалось организовать в Бомбее вице-консульство и его руководителем назначить Андреева. В связи с этим российский посол в Лондоне граф Александр Бенкендорф сообщал:

Работа <...> Андреева в Индии далеко не проходит незамеченной. Хотя и не имеется к тому каких-либо определенных доказательств <...> однако, уверен, что англичане несколько не заблуждаются насчет истинного характера деятельности г. Андреева и не поднимают об этом вопроса лишь потому, что считают эту деятельность для себя пока вполне безвредной. Это отношение может, однако, легко перемениться, если г. Андреев явится в Бомбей уже в роли официального представителя⁶¹.

Открытие вице-консульства в Бомбее не состоялось. В обмен на разрешение открыть консульство английские власти выдвинули свои требования, переговоры затянулись, потом началась Первая мировая война...⁶²

Выход, тем не менее, был найден. В 1910 году Михаил Андреев перебрался в Пондишери, столицу «Французской Индии», включавшей несколько небольших анклавов на индийском побережье. От Бомбея это было относительно недалеко.

Некоторые историки указывают, что Андреев находился в Пондишери в качестве российского консула⁶³. Однако, хотя планы открыть консульство в Пондишери и назначить его руководителем Андреева действительно имели место, консульство так и не было открыто. В Пондишери Андреев жил на положении частного лица. Финансировало его деятельность, как и прежде, Военное министерство. По личной договоренности между генеральными консулами России и Франции в Калькутте, передача сообщений от Андреева осуществлялась через капитана французского парохода, совершавшего раз в месяц рейс между Пондишери и Калькуттой.

И в Бомбее, и в Пондишери Андреев не забывал о поручениях Академии наук и Кунсткамеры о собирании произведений индийского искусства и предметов быта. Он не останавливался ни перед затратами времени на поиск, ни перед расходом, в некоторых случаях, собственных средств на их приобретение. Андреев собрал две внушительные коллекции: изделия из бронзы, резьба по дереву, керамика, игрушки, посуда, музыкальные инструменты, оружие. Обе коллекции он передал Кунсткамере. А Академии наук подарил купленные им шестнадцать старинных индийских рукописей.

Отдельного упоминания заслуживают фрагменты так называемого «Насикского дома», образец замечательной резьбы по тиковому дереву. Посетив город Насик, примерно в 170-180 км от Бомбея, Андреев обратил внимание на один дом. Он писал в Кунсткамеру:

Дом был так красив и является таким хорошим образчиком лучшего старинного искусства, уже редко попадающегося теперь в Индии, что я не мог устоять и при всех своих скромных средствах купил часть внутренней террасы – по видимости, одну из лучших частей дома, решив сохранить это произведение старинного искусства для одного из русских музеев⁶⁴.

Андреев лично руководил разборкой дома и сам организовал упаковку и транспортировку ящиков с фрагментами дома морским путем. Они благополучно прибыли в Петербург и до сих пор украшают экспозицию Кунсткамеры.

Пребывание в Индии вызвало повышенный интерес Андреева к ее истории, культуре и искусству. И в последующие годы, несмотря на то что напрямую с изучением Индии он уже не был связан, Михаил Степанович старался следить за новыми публикациями по индийской тематике.

Во время пребывания в Индии Андреев принимал посильное участие в местной научной жизни. В 1910 году в индийской газете была опубликована его статья о глиняных оссуариях, найденных им ранее совместно с Половцовым в Самарканде и в Зангиате близ Ташкента. В 1911 году он был избран членом-корреспондентом Географического общества Бенгалии.

При всем этом Андреев с трудом переносил местный климат и со временем все больше мечтал о возвращении домой. Он был в курсе ташкентских событий благодаря дружеской переписке с ташкентским чиновником и туркестановедом Александром Семёновым. Семёнов, исполняя должность помощника управляю-

щего канцелярией Туркестанского генерал-губернатора, был осведомлен обо всех перемещениях в чиновничьем корпусе края. Иногда он сообщал о тех или иных вакансиях в Ташкенте, которые, по его мнению, могли быть интересны Андрееву.

Летом 1912 года Семёнов писал Андрееву:

Бедный вы, тысячи сожалений достойный, что живете в таком адском климате! Верю, что жизнь под тропиками страшно похищает энергию и трудоспособность. Питаю надежду, что авось вам удастся переселиться навсегда в Ташкент к большому удовольствию для меня⁶⁵.

А в конце того же года Семёнов спрашивал Андреева в другом письме:

Согласились бы вы быть редактором Туркестанских ведомостей? <...> Положение довольно независимое⁶⁶.

Очевидно, это предложение не заинтересовало Андреева.

В 1913 году в Туркестанском генерал-губернаторстве, в связи с расширением количества учебных заведений, было решено учредить еще четыре должности инспекторов краевого учебного ведомства. Вероятно, через Семёнова это стало известно Андрееву, и он подал прошение на имя Главного инспектора училищ Туркестанского края с просьбой о назначении его на одну из них⁶⁷. Несмотря на большую конкуренцию (на 4 вакансии было подано 26 заявок), прошение Андреева, благодаря поддержке Семёнова, было удовлетворено.

Работа в Ходженте (1914–1918)

13 января 1914 года Андреев был переведен на должность инспектора народных училищ 2-го района Самаркандской области⁶⁸. Он должен был инспектировать школы в Ходжентском и Джизакском уездах. Немного позже, приказом от 25 января 1914 года, местожительством Андреева был определен хорошо уже ему знакомый Ходжент⁶⁹.

К началу 1914 года в ведении Андреева находилось 18 русских и 5 русско-туземных школ⁷⁰. Обучалось в них 757 мальчиков и 392 девочки, в том числе из них представителей коренного мусульманского населения – 223 мальчика и 2 девочки⁷¹.

Приехав на место службы, Андреев с присущей ему энергией взялся за совершенствование школьного дела. Тем более что, как он вспоминал, огромное количество детей оставались не охваченными образованием.

...Когда я отдал себе отчет в размерах школьного голода, то пришел в ужас. Я решил, что было бы подло <...> для меня оставлять дело в таком положении, раз я принял это назначение. И я принялся за работу, за пробуждение, организацию и упорядочение совершенно заброшенного школьного дела⁷².

Ситуация осложнялась тем, что вскоре после назначения Андреева началась Первая мировая война. В русские поселки в Голодной степи стали прибывать бе-

женцы. Андреев обращается к областным властям с просьбами о содействии в открытии новых школ. Благодаря энергичности и настойчивости Андрееву удалось максимально эффективно использовать даже те незначительные средства, которые ему выделялись, и увеличивать число школ. Он сам открывал мастерские для выделки парт, столов, школьных досок, выписывал учебные пособия, организовывал библиотеки...⁷³

Много сил новый инспектор тратил на повышение дисциплины педагогов. «...Учителя, – вспоминал он, – не стеснялись закрывать школу, когда им было удобно, и уезжать по своим делам; само преподавание шло также не особо гладко»⁷⁴. Андреев привлекал хороших профессиональных педагогов, заботился об улучшении условий их жизни.

Эта энергичная деятельность приносила плоды. Только за два первых года инспекторской работы Андреева общее число русских школьных заведений в подведомственных уездах увеличилось с 23 до 38, а включая вечерние курсы при русско-туземных школах – до 46; количество учащихся (без вечерников при русско-туземных школах) выросло с 1149 до 1941 человека⁷⁵. Росло и число педагогов. В 1914 году в русских и русско-туземных школах на подведомственной Андрееву территории работали 38 учителей, а в 1916-м – 70⁷⁶. В 1916 году в селе Спасское Ходжентского уезда* было открыто высшее начальное училище с шестилетним курсом обучения, имевшее более расширенную программу. В 1917-м общее число русских и русско-туземных школ в Ходжентском и Джизакском уездах достигло 81, плюс 8 вечерних курсов⁷⁷.

Отдельная страница в инспекторской деятельности Андреева – это мусульманские учебные заведения. В двух уездах было 666 школ (мактабов) и 61 училище (медресе)⁷⁸. Исходя из принципа невмешательства во внутреннюю жизнь мусульманской конфессии, краевое учебное ведомство осуществляло лишь самый поверхностный надзор за мусульманскими школами. Этот надзор, в частности, был направлен на контроль за использованием вакуфов – пожертвований на содержание мусульманских учебных заведений. Дело в том, что мутаваллии (экономы медресе) зачастую тратили их на свои личные нужды⁷⁹. Еще Кауфман писал, что в условиях невмешательства русской власти во внутреннюю жизнь мусульманских учреждений мутаваллии стали распоряжаться вакуфами «гораздо более произвольно, чем при самых слабых азиатских правительствах»⁸⁰.

Андреев предлагал, чтобы старшие мударрисы медресе не избирались на внутренних выборах, а назначались русской учебной администрацией из числа мусульман, имеющих знания и пользующихся уважением в своей среде. Это, полагал он, в некоторой степени сможет

...ослабить эту атмосферу подкупов, интриг, доносов и происков, которые сплетаются всякий раз в настоящее время с выборами мударриса в медресе, где имеются сколько-нибудь соблазнительные вакуфные доходы. Можно сказать уверенно, что достойное назначение с нашей стороны... будет с большим чувством удовлетворения приниматься туземным населением⁸¹.

* Ныне г. Душлик Джизакской области Узбекистана. (Прим. ВС.)

Пытался Андреев бороться и с небрежностью, недисциплинированностью мударрисов, ведь бывали случаи, что отдельные «педагоги» медресе месяцами не появлялись в своих учебных заведениях.

Несмотря на огромную занятость, Андреев не оставлял и своих научных изысканий, прежде всего – сбора этнографического материала. Во время поездки в Матчу* он обнаружил в селении Обурдон деревянную колонну, уникальный образец среднеазиатской резьбы по дереву⁸². Позже, в 1920-е годы, Андрееву доведется заниматься судьбой этой колонны ради ее сохранения.

В июне 1916 года руководство Туркестанского отдела Императорского Русского Географического общества обратилось с письмом к военному губернатору Самаркандской области Нилу Лыкошину. В нем сообщалось, что Андрееву поручено изучение этнографического состава населения Туркестана, и выражалась просьба оказывать ему в этом содействие⁸³.

Будучи командирован в Кызылкумы для выяснения возможности открытия русско-туземной школы⁸⁴, Андреев одновременно принял там участие в работах по составлению этнографической карты Туркестана. В Кызылкумах проживали относительно небольшие общины разных среднеазиатских народов – найманы, кунграты, кипчаки, мангыты⁸⁵.

К работе над этнографической картой Андреев возвращался и позже, уже в советское время. В 1921 году была образована Комиссия по изучению племенного состава России (после 1922 года – СССР). Туркестанский отдел Комиссии, который возглавлял Василий Бартольд, тогда уже академик, проделал важную работу по подготовке национально-государственного размежевания, а также учета национальных особенностей в планировании культурного строительства. По поручению Комиссии Андреев в 1921 году руководил экспедицией по Самаркандской области.

События 1917 года застали Андреева в Ходженте, где он продолжал исполнять инспекторскую службу. В целом он лояльно воспринял новую власть. В Голодной степи вскоре образовался учительский союз, объединивший учителей Ходжентского и Джизакского уездов; председателем его был избран Андреев⁸⁶.

Во время столкновения в Ходженте между большевиками и левыми эсерами Андреев был избран третейским судьей. Он навещал большевиков в заключении, при временном захвате власти эсерами.

Новая власть назначила его комиссаром народного образования 2-го района Самаркандской области. Территориально это совпадало с теми районами, которые Андреев курировал прежде. Но вскоре перед ним открылось новое поле деятельности.

Им стал Туркестанский восточный институт, одним из организаторов и первым руководителем которого был Андреев.

* Матча (или Мастча) – горный район на территории современных Таджикистана, Киргизии и Узбекистана. (Прим. ВС.)

Туркестанский Восточный институт

Идея создания в Ташкенте Восточного института, по типу аналогичного учебного заведения во Владивостоке, открытого в 1899 году, высказывалась давно.

Еще в 1902 году Сергей Ольденбург писал:

Ташкент мог бы явиться прекрасным центром для деятельности ученой школы, из которой можно было бы изучать не только русские среднеазиатские владения, но и Персию, Афганистан, Кашгарию, Тибет и даже Китай и Монголию⁸⁷.

Правда, в данном случае речь идет не об учебном заведении, а о некоей исследовательской структуре. Со временем выросла потребность в учреждении, которое бы сочетало и учебные, и научные функции⁸⁸.

Новая власть благоволила к востоковедению⁸⁹, что было связано, как писал Василий Бартольд, прежде всего с ее «проектами освобождения Востока от западных империалистов»⁹⁰.

В Ташкенте еще была острая потребность в кадрах, владеющих местными языками. В развернувшихся преобразованиях хозяйства и культуры резко выросла потребность в специалистах, которых пока невозможно было получить из среды коренного населения, из-за отсутствия необходимого образования.

Идея о создании Восточного института в Ташкенте принадлежала группе русских туркестановедов, среди которых были Александр Семёнов, Николай Маллицкий, Александр Гаррицкий, Петр Кузнецов, Александр Панков. Но наиболее активную и эффективную организаторскую роль в их кругу играли двое – Михаил Андреев и Владимир Кучербаев⁹¹.

16 октября 1918 года приказом наркома просвещения Туркестанской АССР Константина Успенского и последующим приказом ректора Туркестанского народного университета Александра Попова была образована инициативная группа во главе с Кучербаевым. Группа должна была заняться организацией восточного факультета Туркестанского университета. Для работы в этой группе был вызван из Ходжента М.С. Андреев⁹². В ходе работы группы идея организации факультета трансформировалась в проект создания самостоятельного института.

Восточный институт в Ташкенте стал первым высшим учебным заведением востоковедческого профиля, созданным после 1917 года на территории бывшей Российской империи. Он был узаконен как вуз с четырехлетним курсом обучения, с программой, примерно соответствовавшей курсу факультета восточных языков Петроградского университета.

25 ноября началось чтение лекций. Восточный институт первоначально размещался в здании, в котором прежде находилось Ташкентское отделение Торгово-промышленной фирмы «Проводник»⁹³ (ныне в районе ресторана «Зеравшан»). На первый курс института в 1918 году было зачислено 234 человека, в том числе 148 – на полное четырехгодичное обучение и 86 – на неполный курс наук⁹⁴.

Андреев был назначен руководителем (директором) вновь созданного вуза. Кроме исполнения административных обязанностей, он также преподавал пер-

сидский язык, этнографию таджиков, историко-географические курсы по Афганистану и Индии.

Андреев, как писал Николай Маллицкий, «проявил себя как выдающийся организатор высшего востоковедного образования»⁹⁵. Именно его энергии «молодой институт был обязан, в частности, хорошим помещением, скорейшим обзаведением учебным оборудованием, библиотекой, археологическими и нумизматическими коллекциями»⁹⁶. Базой для библиотеки Восточного института послужила востоковедческая литература из бывшей Туркестанской Учительской семинарии.

Андреев руководил институтом два года. Они пришлись на исключительно трудное время. Руководству Восточного института приходилось заниматься разными вопросами, совершенно несвойственными вузу. Например, было оно вынуждено обращаться в Научный отдел Комиссариата народного просвещения Туркеспублики с ходатайством «об удовлетворении через Краевой орган снабжения лектора Кузнецова обувью, так как отсутствие его вредно отражается на занятиях в институте»⁹⁷. Действительно, не ходить же на лекции босиком...

Сам Андреев вспоминал о 1918–1920 годах так:

В продолжение двух лет не выплачивалось жалование ни мне, возглавлявшему вуз, ни моему заместителю. И мы оба оставались на своих местах и честно вели свое дело, довольствуясь скромным вознаграждением за лекции. Два года порванных ботинок, недоедания, полуголодной семьи. Но вуз зато был спасен и продолжал работать...⁹⁸

Но главной проблемой был недостаток квалифицированных кадров. Как писал Андреев:

Число имевшихся в России ориенталистов было очень невелико, наладить с ними связь <...> не представлялось возможным, и молодому учреждению при всей обширности стоящих перед ним задач пришлось опереться в своих первых шагах исключительно на местные силы. Естественно, что чувствовалась недостаточность знаний по многим специальностям⁹⁹.

По инициативе Андреева для студентов устраивалась летняя практика. Как вспоминал Александр Шмидт:

В особенности следует отметить прекрасные результаты, достигнутые в практическом ознакомлении слушателей с языками в течение двух первых летних <каникулярных> периодов, благодаря <...> командировкам на места. Именно эти практические результаты дали возможность многим слушателям Института с пользой для дела принять участие в целом ряде научных экспедиций и работах¹⁰⁰.

Тем не менее, в конце 1920 года Андреев оставил руководящую должность в институте. Вместо него, по его рекомендации, был назначен Александр Шмидт. Причиной ухода Андреева было недовольство части студентов.

«Как я потом узнал, – писал Шмидт Бартольду, – ...представители студенчества имели в виду выразить <Андрееву> свое недоверие (между прочим за то, что он

оттягивал привлечение представителей студенчества в президиум), и он парировал этот удар»¹⁰¹.

Проблема заключалась в том, что многие студенты были не готовы к систематическим занятиям; было распространено мнение, что если речь идет о «новой школе», то и знания тоже будут усваиваться как-то по-новому, очень быстро, а главное, без особых усилий. Преподавателей, требовавших систематического выполнения учебных заданий, обвиняли в буржуазных подходах, «старорежимных методах», игнорировании положения рабочего класса¹⁰².

Андреев был категорически против каких-либо преференций и поблажек при поступлении в институт и в учебе по национальным, социальным, партийным, профессиональным признакам. Конфликт с «новым студенчеством» при таких взглядах был неизбежен.

Однако оставив должность директора, Андреев продолжал преподавательскую работу в Институте, который через четыре года, 1 октября 1924 года, был преобразован в Восточный факультет Среднеазиатского университета. Весной 1926 года ученый был избран первым профессором новоорганизованной кафедры этнографии и антропологии.

Требовательность и принципиальность Андреева устраивали далеко не всех студентов, что иногда приводило к конфликтным ситуациям. Бартольд писал своему коллеге, тюркологу Александру Самойловичу:

В университете <...> по этнографии возбуждает неудовольствие студентов своими слишком строгими экзаменационными требованиями и излишней подробностью своих курсов Андреев; кроме того, студенты протестовали против кандидатур его учениц, Пещеровой и Троицкой*, под предлогом неясности их «общественной физиогномии»¹⁰³ – очень печальный факт в жизни университета, какого у нас в Питере, если не ошибаюсь, еще не было¹⁰⁴.

Тем не менее, многие студенты высоко ценили своего наставника. По свидетельству Антонины Писарчик, известного языковеда (и будущей супруги ученого), «языки М<ихаил> С<тепанович> преподавал очень интересно и был очень требовательным, так что большая часть его учеников знала предмет хорошо»¹⁰⁵.

Главный Среднеазиатский музей. Афганские дела

Деятельность Андреева не ограничивалась преподавательской работой; его исследовательские и организаторские способности находили применение и в других сферах. Он был также заведующим этнографическим отделом Главного Среднеазиатского музея, размещавшегося в «Белом Доме» – бывшей резиденции Туркестанского генерал-губернатора (ныне на его месте располагается Аппарат Президента Узбекистана). Эта должность защитила Андреева от угрожавших ему репрессий. 29 октября 1922 года на заседании Исполнительного бюро ЦК Комму-

* Об А. Троицкой см. статью Бахтиёра Алимджанова «Моя мюридка, достигшая последней степени совершенства...» Из переписки Александра Семенова и Анны Троицкой» в этом номере. (Прим. ВС.)

нистической партии Туркестана был рассмотрен вопрос о группе туркестановедов – Остроумове, Кузнецове и Андрееве; всем троим вменялось в вину активное участие в деятельности дореволюционной краевой администрации:

Считаясь с особо вредной колонизаторско-миссионерской работой в пользу царизма, которую вели граждане Остроумов, Андреев и Кузнецов, признать пребывание последних вредным в пределах Туркесреспублики и предложить ГПУ выселить их из пределов ТССР¹⁰⁶.

Однако это решение не было осуществлено. За Андреева вступился Дмитрий Нечкин, председатель Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис). Он обратился к властям Туркестанской республики с просьбой пересмотреть решение о высылке Андреева. Нечкин писал:

С 1918 года М.С. Андреев преподавал восточные языки в различных учебных заведениях города Ташкента, в том числе в Туркестанском государственном университете и Восточном институте. Являясь единственным знатоком этнографии края, М.С. Андреев все свое свободное от лекций время отдавал этнографическому отделу Главного Среднеазиатского музея, который им поставлен на строго научную ногу, а также Научной комиссии по изучению жизни коренного населения. С его удалением из пределов Туркестанского края все начатые им работы по организации и расширению этнографического отдела названного музея и по изучению жизни коренного населения поневоле должны прекратиться за неимением заместителя¹⁰⁷.

Был Андреев востребован и в качестве эксперта по Афганистану. В конце 1919 – начале 1920 годов он участвовал в работе советско-афганской разграничительной комиссии.

Советское руководство было заинтересовано в установлении более тесных отношений с Афганистаном. Однако афганский правитель Амануллахан, согласившись на заключение договора с Советской Россией, в качестве предварительного условия запросил значительную материальную помощь и передачу Афганистану городов Термез и Керки с прилегающими территориями¹⁰⁸.

В конце 1919 года Андреев был приглашен в качестве научного консультанта в приехавшее тогда в Ташкент для переговоров с афганцами представительство Народного комиссариата иностранных дел. Впоследствии он вспоминал:

Совершенно случайно <...> я узнал, что в результате происходивших в то время переговоров между специальной комиссией (представительством), приехавшей из Москвы, и чрезвычайным афганским посольством, присланным для этого из Кабула, было решено отдать афганцам большой кусок нашей территории с находящейся на ней нашей крепостью Кушкой. Это, конечно, грозило нам неприятными политическими и стратегическими изменениями, т.к. с отходом намеченной территории обнажался подступ к нашей Закаспийской железной дороге, пододвигавшейся под возможность близких фланговых ударов, не говоря уже о политическом значении такого акта для нашего престижа¹⁰⁹.

Ознакомившись с существом вопроса, Андреев убедился, что афганские представители исказили факты, представляя названную территорию якобы принад-

лежащей Афганистану, и ввели московскую делегацию в заблуждение. Как он писал:

На основании афганских исторических источников, работ англичан, наших исторических сведений и других материалов, мне удалось доказать совершенно ясно и убедительно полную неосновательность афганских претензий... Несмотря на все доводы афганцев, их положения были опровергнуты... Была спасена значительная часть нашей территории. Для этого стоило жить и это одно окупило все мои труды по изучению положения и быта на севере Индии и Афганистана¹¹⁰.

В последующие годы Андрееву доводилось выполнять и другие поручения по дипломатической части. В 1926 году он был командирован в Афганистан в качестве старшего драгомана (переводчика) при советской миссии в Кабуле. Пребывание его там было недолгим, менее полугода. Тем не менее в представительстве Андрееву предоставили возможность продолжать научную работу¹¹¹. Он, в частности, собрал материал по языку и быту обитателей долины Панджшер, который был опубликован в виде книги в 1927 году¹¹².

В новых условиях Андреев мог полностью отдаться научной работе. Ведь в период до 1917 года научные исследования были для него своего рода хобби, которым он мог заниматься лишь в небольшие отрезки времени, остававшиеся относительно свободными после исполнения основных служебных обязанностей.

К началу 1920-х годов Андреев был уже одним из крупных знатоков быта и культуры Средней Азии. В последующие годы такая его роль еще более возрастала. В 1923 году он был избран членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения при Российской Академии наук, а в 1929 году – членом-корреспондентом Академии наук СССР. Его рекомендовали выдающиеся востоковеды, академики Бартольд, Ольденбург, Крачковский, Щербатской:

М.С. Андреев родился на Востоке, всю жизнь прожил на Востоке – в Западном и Восточном Туркестане – и справедливо считается одним из тончайших, глубоких знатоков быта и вообще жизни народов Средней Азии и Индии. Если к этому прибавить его превосходное знание многих языков и наречий, главным образом иранского корня, то ясно, что в лице М.С. Андреева мы обладаем востоковедом, какие встречаются не часто¹¹³.

Однако наибольшую известность Андреев приобрел как специалист по истории и этнографии Таджикистана.

Общество для изучения Таджикистана (1925–1929)

После образования 27 октября 1924 года Таджикской АССР (в составе Узбекской ССР) советская власть озаботилась задачей научного исследования ресурсов, истории и культуры Таджикистана. Практически все научные силы Средней Азии тогда были сконцентрированы в Ташкенте. По инициативе Революционного комитета Таджикской АССР была предпринята попытка объединить ученых, занимавшихся изучением Таджикистана. В основном это была профессура из Среднеазиатского госуниверситета.

9 января 1925 года в Ташкенте состоялось учредительное собрание Общества для изучения Таджикистана. В правление Общества, кроме Андреева, были избраны востоковед, бывший уполномоченный Народного комиссариата иностранных дел в Средней Азии Андрей Знаменский; географ, исследователь памирских ледников Николай Корженевский; историк Александр Семёнов и геолог Игнатий Бездека¹¹⁴.

Председателем Общества был избран Андрей Знаменский, а почетным председателем – руководитель Революционного комитета Таджикской АССР Нусратулло Лутфуллаев. В Обществе были организованы два отдела: первый – физико-географический и экономический, второй – историко-филологический и этнографический. Руководителями отделов избрали, соответственно, Бездеку и Андреева.

Созданное Общество в некотором роде было механизмом, посредством которого привлеченные авторитетные ученые своими научными трудами могли бы содействовать изучению роли и вклада таджикского народа в созидание среднеазиатской цивилизации.

С декабря 1926 года, после формирования Центрального Исполнительного комитета Таджикской АССР, Общество работало при его содействии и материальной поддержке. Программа Общества «предусматривала проведение этнографических, филологических, исторических, физико-географических и экономических исследований о Таджикистане и других районах Средней Азии, населенных таджиками»¹¹⁵.

Уже в 1925 году Общество издало первый сборник научных статей, посвященных природе, хозяйственной жизни, населению, истории Таджикистана. Андреев поместил в этом сборнике статью «По этнографии таджиков. Некоторые сведения»¹¹⁶.

С доброй симпатией Андреев пишет:

Любовь к цветам, поэзии, пению, музыке, некоторая тщеславность, склонность к нарядам не мешают таджику оставаться человеком дела и очень твердо ходить по земле в житейских вопросах. Обыкновенно он очень сообразителен, быстро и прекрасно ориентируется в обстоятельствах и, благодаря своей живости и практичности, скоро приспосабливается к новому для него положению. В городах он настолько же прекрасный ремесленник, насколько в поле – земледelec. И в Афганистане, и в Туркестане и Бухаре, как показала жизнь, он успешно идет по ступеням административной иерархии и является часто здесь почти незаменимым человеком. Торговля, в соответствующих местностях Афганистана и Туркестана, тоже оказывается совершенно подходящей для него сферой в тех случаях, когда он решает ею заниматься, и отрасли мелкой торговли в особенности процветают в руках таджиков¹¹⁷.

За пять лет (1925–1929) Общество издало 14 научных трудов, в том числе 3 коллективных сборника. Но все-таки наиболее успешной и востребованной работой осталось самое первое издание Общества – сборник «Таджикистан».

Филиалы Общества появились в Бухаре, Самарканде, Сталинабаде (ныне Душанбе), Хороге, Москве; Андреев участвовал в организации некоторых из них. Он

принимал участие в составлении грамматики таджикского языка, в работе по латинизации таджикского алфавита.

Во второй половине 1925 года Обществом была организована под руководством Андреева экспедиция по сбору этнографического и лингвистического материала. Она продолжалась четыре месяца и прошла по маршруту Ташкент – Ура-Тюбе – долина Зеравшана – Ягноб – Анзобский перевал – Душанбе – Каратегин – Дарваз – Припамирье – Памир – Ош. Было собрано свыше тысячи предметов: уникальные образцы поливной орнаментированной керамики, вышитые свадебные лицевые занавески горных таджичек, головные уборы и т.д.¹¹⁸

В ходе экспедиции Андреев описал замечательные образцы резьбы по дереву, в том числе знаменитую Обурдонскую деревянную колонну, которую он обнаружил, как уже говорилось, десятью годами ранее. Эта находка была высоко оценена разными учеными востоковедами. Еще в 1924 году, возглавляя экспедицию Средазкомстариса*, Андреев достиг договоренности с местными жителями о необходимости сохранения колонны и передаче ее в музей. Однако вывезти ее не было возможности, и он передал колонну на хранение отряду красноармейцев, временно находившемуся в районе.

В феврале 1925 года Андреев обратился с письмом к руководству Средазкомстариса, в котором просил «спешного сношения с военным ведомством о спешном наказе военным властям в сел. Обурдон (в Матче) о наблюдении за целостью и полной сохранностью древней деревянной колонны, сданной им мною на хранение 27 июля 1924 г. и оставшейся при отъезде экспедиции в кладовой отряда»¹¹⁹. Ученый не скрывал своей тревоги:

Боюсь, что без надлежащего напоминания и предупреждения мнение о необходимости сохранения колонны может несколько поколебаться и, в результате, была бы непоправимая порча или даже утрата этого редчайшего памятника древнего искусства резьбы по дереву¹²⁰.

Через несколько дней председатель Средазкомстариса Нечкин обратился к начальнику штаба Туркфронта с письмом, в котором сообщал, что, возможно, без напоминания «со стороны высшего военного органа отряду, последний не совсем внимательно отнесется к охране этого памятника... Средазкомстарис просит... дать необходимые указания отряду в Обурдоне о наблюдении за целостью и полной сохранностью колонны»¹²¹.

Сразу по получении письма Нечкина командующий фронтом дал соответствующие указания, о чем начальник штаба Туркфронта Кондратьев сообщал командиру 2-й Туркестанской стрелковой дивизии: «Прошу принять меры к бережному сохранению древней деревянной колонны..., сданной на хранение профессором Андреевым, а равно сообщить, в каком состоянии сохраняемая колонна находится в настоящее время»¹²².

Немного позже военные из Обурдона сообщали, что «древняя колонна, сданная проф. Андреевым, хранится в отдельной кибитке, тщательно охраняемой частями гарнизона Обурдон»¹²³.

* Средне-Азиатский комитет по делам музеев, охране памятников старины, искусства и природы (бывш. Туркомстарис).

Последующие события показали, что беспокойство Андреева было не напрасным. Военные вскоре покинули Обурдон, и местные жители, ранее согласившиеся на передачу колонны в музей, ее забрали. Колонну установили в кладбищенской мечети с низким потолком. Поскольку она не проходила по высоте, то ее укоротили с обоих концов. В 1927 году колонну все-таки удалось вывезти в Ташкент, в музей. Одновременно с колонной были обнаружены доски с образцами художественной резьбы. Они также были вывезены в Ташкент и переданы в музей. Один фрагмент хранился в Самаркандском музее.

Во время экспедиции Андреев едва не попал в засаду повстанцев-басмачей в районе Анзобского перевала. Но был вовремя предупрежден и дождался, пока перевал был очищен от них. После чего в сопровождении группы красноармейцев-кавалеристов спокойно добрался до Сталинабада.

К сожалению, значительная часть собранного материала, в том числе и записи самого Андреева, была безвозвратно утрачена – из-за обвала вблизи кишлака Хшартоб в бурлящий поток упала лошадь вместе с проводником и вьюком с материалами¹²⁴. Тем не менее, экспедиция 1925 года была одной из самых результативных во всей экспедиционной практике Андреева.

Экспедиционная деятельность Андреева была высоко оценена: в 1928 году он был награжден Золотой медалью Государственного географического общества (так с 1925 по 1939 годы называлось бывшее Русское географическое общество).

После преобразования в октябре 1929 года Таджикской автономии в составе Узбекистана в союзную республику перед Обществом открылись новые возможности; выросли и требования к нему. 9 сентября 1930 года на общем собрании членов Общества было принято решение о его вхождении отдельной секцией в состав созданного в Сталинабаде Таджикского государственного научно-исследовательского института, в организации которого Андреев принимал непосредственное участие.

В новом научном учреждении Андреев был назначен профессором и руководителем двух кафедр, а затем заместителем директора. В мае 1933 года этот институт был реорганизован в историко-лингвистический сектор Таджикской базы Академии наук СССР.

Алматинская ссылка (1931–1934)

Весной 1931 года Михаил Степанович, вместе с Семёновым, Шмидтом, Маллицким и несколькими другими известными учеными, был арестован по делу профессоров и преподавателей восточного факультета Среднеазиатского госуниверситета (САГУ). Обвинение стандартное для той поры – 58-я статья, «вредительство против советской власти»: ученые якобы мешали реорганизации факультета. После процесса восточный факультет САГУ ликвидировали.

Тучи над Андреевым и коллегами-востоковедами стали сгущаться еще раньше. В мае 1928 года на восточном факультете появился доцент Михаил Цвибак, командированный из Ленинграда, личность одиозная и скандальная. На его счету в Средней Азии немало загубленных судеб и поломанных научных карьер. Начав

преподавание, Цвибак требовал предоставить ему возможность читать курс «Методология истории» и представил программу. Профессора факультета, а это были в основном представители старой школы, не находили претензии Цвибака основательными. Зато на стороне «марксиста» Цвибака были нетерпеливые студенты из бывших солдат и пролетариев, представители которых, по порядкам того времени, также являлись членами Ученого совета. Как писала об этих событиях в своем дневнике жена одного из арестованных, Ольга Маллицкая (дочь известного туркестановеда Остроумова): «Конечно, это дело нескольких кончавших студентов, которым захотелось без конкуренции занять кафедры старых профессоров, заделаться красными профессорами»¹²⁵.

Но было бы упрощением сводить кампанию по преследованию востоковедов из числа «старой профессорской гвардии» только к карьерным устремлениям молодой преподавательской корпорации рабоче-крестьянского происхождения. Долгие годы ташкентский университет переживал разные реорганизации, кадровые перестановки, частую смену руководства. Отчасти все это было свидетельством болезней роста и становления нового вуза. Но в большей степени в названных процессах и событиях отражалась идеологическая борьба, свойственная всему советскому обществу тех лет. В условиях этой борьбы обвинения в недостаточной «правдоверности» были очень удобным аргументом и в карьерной конкуренции. Как утверждалось в книге, изданной к двадцатилетию университета в 1940 году:

Профессура, пришедшая в своем большинстве из старых университетов, продолжала смотреть на университет глазами дореволюционного профессора, выставляя реакционный лозунг «свободы» науки, противопоставляла себя и университет всем другим учреждениям страны и во всяком случае не была сторонником мероприятий советской власти... Эта профессура, болтая об «автономии» высшей школы, смотрела назад, а не вперед и являлась тормозом в движении университета по новому советскому пути¹²⁶.

Андреев и большинство его коллег-востоковедов, сотоварищей по судебному процессу, не были выходцами из «старых университетов», но они, несомненно, были представителями старой, дореволюционной интеллигенции.

Расследование по поводу «вредительской деятельности» шло несколько месяцев. В конце января 1932 года решением соответствующих органов Андрееву, как и другим ученым-востоковедам, было предписано покинуть Ташкент; как тогда говорили – они «получили высылку».

С ташкентскими востоковедами обошлись относительно мягко. Срок высылки был не слишком большим, три года, с зачетом периода предварительного заключения. Разрешалось выбрать место высылки, – исключением были двенадцать крупнейших городов Союза. Это все-таки не в Сибирь, на лесоповал в бараки.

Для отбытия ссылки Шмидт был отправлен в Казань, Маллицкий – в Чимкент, а Андреев – в Алма-Ату.

Он жил в обычной квартире (ул. Фрунзе, д. 125), мог сам искать себе работу по своему профилю, вообще вел образ жизни свободного человека. Вместе с тем свобода его была довольно условной. В соответствующем определении было записано, что Андреев

состоит на учете в ПП ОГПУ* по КазССР как адмссылный и подлежит один раз в декаду явке в комнату 135 для отметки... Неисполнение явки для отметки влечет за собой предание указанного лица суду... Состоит на особом учете <...> без права выезда за пределы г. Алма-Ата¹²⁷.

Но и будучи на положении ссыльного, Андреев активно занимался научной деятельностью. Он устроился на работу в Казахский педагогический институт, был там профессором, преподавал таджикский язык. По мнению Андреева, изучение студентами казахстанского вуза «языка древних насельников Средней Азии необходимо для правильного понимания и толкования многих терминов, которые вошли в турецкие (тюркские – Ю.Ф.) языки Средней Азии как заимствованные из таджикского языка»¹²⁸.

Широкие познания Андреева были востребованы, да и материальные обстоятельства, очевидно, побуждали: он дополнительно сотрудничал и в других местах. Заведовал отделом в Центральном музее Казахстана, а в сентябре 1932 года поступил на службу в Институт агропочвоведения в Алма-Ате на заведование библиотекой, состоящей из собственно библиотеки, картоохранилища, хранилища рукописей и архива. Одновременно на Андреева было возложено заведование издательством и переводы с английского на русский и обратно.

Как видим, круг обязанностей тут достаточно велик даже при условии, что это основная работа. А уж в условиях совместительства выполнять все это более чем проблематично. Наверное, это было главной причиной, по которой Андреев уже в середине марта 1933 года оттуда уволился. К тому же в это время появилось другое, и более интересное, предложение о сотрудничестве.

К ссыльному ученому часто обращались по разным научным вопросам за консультацией, советами. Обратились к нему как-то из Казахстанского Центрального бюро краеведения с предложением «собирания и изучения казакского и казакстанского фольклора... в целях собирания сведений для проработки и тематики комсомольской художественной литературы и фольклора»¹²⁹ [так в тексте источника – Ю.Ф.]. Думается, что упоминание о «комсомольском фольклоре» могло изрядно озадачить ученого.

Весной 1933 года к Андрееву обратился ученый секретарь Казахского филиала Академии наук СССР профессор Иван Барышников с предложением определить научные темы, в которых тот мог быть полезен в случае зачисления на службу. В ответном письме Андреев обозначил широкий круг вопросов, изучением которых он готов был заняться:

1. Быт народностей, населяющих Казахстан и соседние с ним страны (Синь-Цзян). Современная эволюция в быте народностей Казахстана. Описание отходящего быта и консервирование его в музейных коллекциях, графике и тд.
2. Работа в области истории Казахстана¹³⁰.

Андреев предлагал свою помощь в переводах научных источников с персидского, английского, французского, узбекского языков. Помимо вышеуказанного,

* Полномочное Представительство Объединенного Государственного Политического Управления.

он сообщал еще, что «мог бы принять участие в установлении сношений с иностранными научными обществами книгообмена, а также в налаживании выписки соответствующей литературы по востоковедению»¹³¹.

В 1933 году в Ташкенте встал вопрос о приведении в надлежащий вид для последующего музейного использования Дома Половцова. В годы Первой мировой войны там содержали пленных австрийских офицеров; после революции – помещались детский приют, учебный центр резьбы по ганчу и чеканке, вышивальный цех. Все это, конечно, не способствовало сохранению уникальной отделки здания, многие ценные предметы интерьера были расхищены. Председатель Узкомстариса Низаметдин Ходжаев обратился к ссыльному профессору с письмом:

Будучи осведомлен, что декорирование интерьеров [Дома Половцова] происходило под Вашим руководством, очень просил <бы> Вас возможно подробно изложить все, что относится к истории их создания¹³².

Андреев ответил обстоятельным письмом (большая часть из него, где говорится о его участии в строительстве Дома Половцова, была процитирована выше), в котором сообщал:

Главное, что я не представляю себе – что именно сохранилось еще из старого и чего уже нет. Двери, я знаю, были взяты одно время в Музей в Белом доме, но что сохранилось из них и решеток – не имею представления. Думаю, что решетки, пожалуй, погибли все – их так легко было уничтожать мальчишкам, кидая камни¹³³.

В 1937 году в бывшем особняке Половцова, после ремонта, был организован Музей кустарных промыслов, впоследствии преобразованный в Музей декоративно-прикладного искусства Узбекистана. В 60–80-е годы в результате реставрационных работ интерьеры дома Половцова были приведены практически в первоначальный вид. С 2017 года музей получил новое название – Государственный музей истории прикладного искусства и ремесленничества Узбекистана. Дом Половцова до сих пор является одним из примечательных архитектурных объектов Ташкента.

Внимание Андреева привлекала и одна из его прежних сфер деятельности – разведывательная работа в Индии. Теперь она соотносилась с новым местом его проживания. Это был Синьцзян. Разумеется, Андреев учитывал и общий государственный интерес к синьцзянским делам; но у него был и собственный научный интерес к региону, сформировавшийся со времени участия в экспедиции Клеменца.

В начале 30-х годов прошлого века в Синьцзяне развернулось восстание местного, преимущественно мусульманского населения против китайского господства. В 1933 году в Кашгаре было создано так называемое Восточно-Туркестанское правительство. На первых порах оно проводило дружественную политику в отношениях с Советским Союзом.

В начале мая 1933 года Андреев направил в ПП ОГПУ докладную записку. В ней он представил проект «организации научно-исследовательского общества или другой исследовательской организации, задачей которой являлось бы изучение с точки зрения советских интересов пограничного с КазССР Синь-Цзяна»¹³⁴.

Судя по письму в ту же организацию от 21 июня 1933 года¹³⁵, подобное общество так и не было создано. А вскоре Андрееву было разрешено вернуться в Ташкент.

Ташкентский Музей искусств

Вернувшись в 1934 году из алматинской ссылки, Андреев, как и другие его коллеги, не мог приступить к прежней педагогической работе. Специализация по востоковедению на некоторое время исчезла из учебного процесса ташкентских вузов. Педагогические познания и опыт ученого оказались невостребованными. Надо было искать другое применение своей профессии.

Летом 1934 года Михаил Степанович предпринял новую этнолого-лингвистическую поездку в Ягноб*. Он писал:

Маленький Ягноб занимает исключительное положение на всем пространстве Средней Азии... Особый интерес представляет то, что мы здесь еще в употреблении застали живыми последние остатки этого языка и присутствуем, несомненно, при приближающемся его полном исчезновении¹³⁶.

Исследование Андреева имело исключительную научную ценность, поскольку жители Ягноба являются потомками древних согдийцев и их язык, благодаря изолированности долины, сохранил большое количество элементов согдийского языка.

Осенью того же года Андреев начал трудиться в качестве музейного работника. Определенное знакомство с музейной работой он уже имел, в годы алматинской ссылки принимая участие в организации Центрального Государственного музея в Алма-Ате. А еще раньше – в создании краеведческого музея в Ходженте¹³⁷.

С конца 1934 по 1940 годы Андреев состоял в должности консультанта по искусству народов Средней Азии в ташкентском Музее искусств¹³⁸. Фонды музея составляли в основном произведения русского и западноевропейского искусства; местное, среднеазиатское, в музее представлено не было. Как позже писал в автобиографии Андреев:

Я возвращался из экспедиции в долину Зерафшана и проездом через Ташкент захворал здесь захваченным мною в экспедиции персидским тифом**. При остановке я получил предложение от развертывавшегося тогда Музея искусств УзССР занять должность ученого консультанта по среднеазиатскому искусству и впервые создать не существовавший до этого в музее отдел искусства Средней Азии. Мысль мне понравилась, работа казалась очень заманчивой – и я остался... В музее не было совершенно ничего по данному искусству, никто не знал, что оно собой представляет, и все предположения о долженствующих поступать отовсюду сокровищах оказались мифом¹³⁹.

* Долина реки Ягноб на севере Таджикистана. В горных кишлаках в верхней части долины живут ягнобцы – большая ираноязычная этническая группа, говорящая на ягнобском языке. (Прим. ВС.)

** Клещевой (или возвратный) тиф, переносчиком которого являются различные виды клеща, в том числе и *Argas persicus* (персидский клещ).

Условия работы были тяжелыми; нужные средства на пополнение коллекции и на исследовательскую работу не отпускались. Андреев на свои личные средства купил фотопринадлежности и самостоятельно принялся работать в старой части Ташкента, делая снимки зданий. Им было обследовано около 200 памятников и сделано около 300 снимков. В тех случаях, когда это было возможно (например, в связи со сносом здания) он старался организовать передачу в музей образцов архитектурного декора. Обширная фотоколлекция традиционных строений и элементов их экстерьера, собранная Андреевым, хранилась в ташкентском Музее искусств (сохранилась ли?). А часть до сих пор размещается в этнографическом архиве Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша АН Таджикистана.

Благодаря инициативам и настойчивости Андреева были организованы экспедиции для сбора экспонатов, предметов ремесла и декоративно-прикладного искусства.

Летом 1936 года Андреев возглавлял экспедицию в Бухару и Хиву. Средств на покупку экспонатов выделялось недостаточно. Андреев и научный сотрудник экспедиции Антонина Писарчик отказались от положенных им командировочных выплат, чтобы сэкономленные средства использовать также для приобретения экспонатов. В ходе экспедиции было обнаружено и приобретено большое количество вышивок, чеканных изделий, рисунков, сделаны тысячи фотографий памятников архитектуры, разнообразных образцов прикладного искусства. «В Ташкент был вывезен целый вагон резных, расписных и изразцовых фрагментов зданий, разбиравшихся в то время в связи с перепланировкой города, отражающих историю этого вида архитектурной декорации в Бухаре за период более 150 лет»¹⁴⁰. Множество артефактов было собрано также в Хиве – разнообразные деревянные колонны, решетки, резные двери.

Годом позже состоялась еще одна длительная экспедиция – в Маргилан, центр художественного ремесла Ферганской долины, в Газган, где была собрана коллекция образцов резьбы по мрамору, и в селение Нурата, славившееся традицией художественной вышивки.

10 августа 1938 года ученый вновь был арестован. Его обвиняли в шпионаже в пользу английской разведки. Немногим ранее был арестован его коллега, Александр Шмидт. По причинам, которые уже никогда не удастся узнать, Шмидт оговорил себя и своих бывших коллег. Он заявил на допросе:

Работая первое время деканом восточного факультета САГУ, а потом зам. директора САГУ, я совместно с проф. Семёновым, Маллицким и Андреевым возглавил реакционную группу профессуры. Мы создали на востфаке контр-революционную вредительскую группу из числа профессорско-преподавательского состава, ставившую перед собой задачи: срыв работы в области подготовки кадров советских специалистов, противодействие советизации преподавательского состава и введению общественно-политических дисциплин и марксистско-ленинской методологии¹⁴¹.

По-видимому, в ходе следствия на Шмидта оказывалось давление. Ко времени ареста 1938 года Шмидт был тяжело и неизлечимо болен.

По поводу «признания» коллеги Андреев заявил на допросе 11 мая 1939 года:

Показания Шмидта А.Э. я считаю совершенно неверными и категорически отрицаю как существование группы, так и свою причастность к ней, ибо я никогда ни в какую контрреволюционную группу не входил¹⁴².

Несколько ранее, 3 мая 1939 года, Андреев направил письмо незадолго до этого прибывшему в Узбекистан новому народному комиссару внутренних дел Узбекской ССР Алексею Саджая. Он писал, что хотел бы сообщить ему «об одном деле, характер которого выходит за пределы нашего Союза»:

Считаю, что могу сообщить это только Вам, или, если Вы найдете это необходимым, то могу доверить это глубоко конфиденциальное сообщение особому уполномоченному Вами лицу¹⁴³.

Неизвестно, встречался ли после этого Андреев с руководством НКВД, что именно важного «для советского дела» он предполагал сообщить. Как бы то ни было, 11 июня 1939 года Андреев был освобожден и обвинения с него сняты. Ученый вернулся к своей работе в музее.

В 1940 году под его руководством было организовано исследование бухарского Арка, бывшей резиденции эмира. Инициатором экспедиции явился исторический факультет САГУ; соорганизаторами выступили Музей искусств Узбекистана, сотрудником которого являлся Андреев, Самаркандский и Бухарский музеи и Комитет по охране памятников старины и искусства.

В экспедиции помимо Андреева участвовали востоковед Ольга Чехович, искусствоведы Лазарь Ремпель и Надежда Русинова, историк Мамед Юсупов. На короткий срок в Бухару приезжали для консультаций декан исторического факультета САГУ Иван Додонов и профессор Владимир Кун. За каждым из пяти основных участников экспедиции была закреплена определенная тема, направление исследования. Андреев выбрал себе тему по истории Арка в конце XIX – начале XX веков.

Сам Андреев так писал о появлении замысла исследовать историю строений Арка:

В 1936 г., работая в экспедиции от Музея искусств УзССР, я заехал в Бухару и здесь случайно нашел значительную часть плана бухарского арка (кремля). Принес его старичок, Иброгим Хофизов, служивший ночным сторожем при местном складе утильсырья и оказавшийся в прошлом архитектором последних эмиров, чертившим (схематически) когда-то этот план арка. Описывая этот экспонат, мне, естественно, захотелось расспросить и о его содержании. Старичок оказался очень словоохотливым, и разрушенный Арк со своей жизнью в его рассказах начал восстанавливаться как живой. Мне захотелось вернуться потом и записать подробно рассказ архитектора, присоединив к нему, если будет можно, и рассказы других¹⁴⁴.

Все известные свидетельства о бухарском Арке представляли собой эпизодические сведения путешественников, дипломатов, чиновников, видевших

лишь отдельные официальные помещения цитадели. Арк ко времени исследования Андреева сильно пострадал в начале 20-х годов, после выступления так называемых младобухарцев против деспотизма эмира и последующих событий. После бегства эмира Алимхана в Арке возник пожар, продолжавшийся 4 дня. И хотя в 1920-е годы часть построек еще сохранялась и была даже реставрирована западная стена Арка, остатки цитадели быстро разрушались, поскольку большинство строений были сделаны из непрочных и некачественных материалов. Кроме того, местные жители растаскивали деревянные части каркаса зданий на топливо¹⁴⁵.

Поэтому сведения, собранные Андреевым по рассказам немногих уже к 1940 году очевидцев, бывавших в Арке и наблюдавших жизнь его обитателей, представляют несомненный интерес. Как писал ученый:

Арк был в старое время совершенно недоступен для европейцев, за исключением небольшого угла, прилегающего к воротам. Ясно, что было бы преступлением пропустить <...> рассказы о его быте... Мы <...> знали, что через самое короткое время, со смертью последних стариков, весь этот не описанный быт канет без следа¹⁴⁶.

Собственно говоря, и в 1940 году Андреева постигло разочарование:

Оказалось, что мы приехали, увы, слишком поздно, когда участвовавшие в жизни двора лица или умерли, или находились вне Бухары, или, наконец, что вполне возможно, предпочли уклониться от сообщения того, что им было известно¹⁴⁷.

Большая часть эмирской резиденции к 1940 году «представляла собой большой пустырь со следами фундаментов, сохранившихся далеко не везде»¹⁴⁸.

О содержании очерка Андреева говорят названия его небольших главок: «У входа в Арк», «Мечеть Джоми», «Коронационный зал», «Обряд поднятия эмира на войлоке на трон, соответствующий европейскому коронаванию», «Хазинахона – казначейство»...

Приложением к очерку, причем более объемным, был материал под названием «День бухарского эмира». Здесь подробно описывалось обычное расписание эмира, его быт, занятия, начиная от пробуждения, намазы, приемы пищи, прием придворных, награждения, развлечения, прием тортука, то есть подарков от хокимов, отдых, выезд за пределы резиденции, разбор прошений, отношения с гаремом, прогулки эмира. Иногда «эмир выходил прогуляться, посмотреть, как производятся постройки, как работают мастера, занятые возведением указанных им сооружений. К нему тотчас же подбегал, почтительно согнувшись, “наджорбоши” – мастер-строитель, у которого эмир осведомлялся о ходе дела. Обходя, эмир делал указания, как нужно оформить ту или другую деталь, какие должно предпринять меры, изменения и пр.»¹⁴⁹.

Ученый собрал и обобщил уникальный материал, который, к сожалению, при его жизни так и не был опубликован. Он был обработан и подготовлен к печати Ольгой Чехович и издан в 1972 году как совместная работа.

Семья. Антонина Писарчик. Переезд в Таджикистан

В 1940 году супругой Андреева стала Антонина Константиновна Писарчик. Она родилась в 1907 году в Коканде. Ее отец, выходец из Белоруссии, Константин Адамович работал землемером. Она училась в Восточном институте, на восточном факультете САГУ. Андреев был среди ее преподавателей и наставников. Впоследствии Писарчик неоднократно участвовала в экспедициях под руководством Андреева, сыгравшего особую роль в ее становлении как ученого. Антонина Писарчик работала ряд лет в научных учреждениях Узбекистана – Музее истории Узбекистана, Узкомстарисе, Самаркандском музее, Институте истории и археологии АН Узбекистана. Она много и плодотворно работала в области этнографии таджикского народа, многие годы руководила отделом этнографии в Институте истории, археологии и этнографии АН Таджикистана, «унаследовав эту должность от Михаила Степановича». Писарчик была также признанным специалистом по традиционной среднеазиатской архитектуре, много занималась, в основном совместно с Андреевым, исследованиями архитектурных памятников Бухары.

Для Андреева, которому в 1940 году исполнилось 67 лет, это был уже не первый брак; хотя о предыдущем (или предыдущих) почти ничего не известно. Сохранилось удостоверение, выданное «преподавателю Туркестанского государственного университета и Туркестанского Восточного института М.С. Андрееву». На нем нет даты, но по косвенным признакам, сопоставив с другими документами, можно предполагать, что оно относится к середине 1923 года. В удостоверении были перечислены члены семьи Андреева, находящиеся на его иждивении:

1. Отец, Степан Митрофанович, 71 г., нигде не служит, живет при сыне;
2. Тетка, М.М. Петрова, 73 г., то же, живет при племяннике;
3. Жена, Мария Ивановна, служит учительницей в школе советских служащих, 27 лет;
4. Николай, сын, 19 л., учится на землемерных курсах, а также состоит на службе в Комземе;
5. Дочь Мария, 5 л.
6. Дочь Ольга, 1 г.

Вследствие недостатка в помещении часть семьи проживает в д. № 20 по улице 12 тополей (М.С. Андреев, его отец, тетка и сын), остальные же члены семьи живут пока отдельно в 3-м Саперном переулке¹⁵⁰.

Понятно, что 27-летняя Мария Ивановна никак не могла быть матерью 19-летнего сына Андреева Николая. Следовательно, Михаил Степанович уже был женат до этого. О судьбе Марии Ивановны, Николая и других детей, указанных в документе, пока не удалось найти каких-либо сведений. Кстати, упомянутое удостоверение почему-то сохранилось в фонде Семёнова, а не в фонде Андреева...

В 1941 году Таджикская база АН СССР была преобразована в Таджикский филиал АН СССР, а в системе этого филиала был организован Институт истории, языка и литературы. По приглашению Института Андреев неоднократно приезжал из Ташкента в Сталинабад для участия в различных научных инициативах. Под его руководством в Таджикистане развернулось систематическое этнографическое изучение республики. Был организован кабинет археологии и этнографии¹⁵¹.

В 1943 году Андреев совершил свою последнюю экспедицию – в долину Хуф в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. Она была организована Институтом истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР. В течение четырех месяцев исследователи побывали в долине Хуф, Рушане, Шугнани, где собрали значительную коллекцию произведений ремесел и промыслов, орудий труда¹⁵².

В годы Великой Отечественной войны Андреев принимал активное участие в работе группы Института востоковедения АН СССР. Она была создана российскими учеными, находившимися в эвакуации в Ташкенте. Андреев был научным сотрудником Индийского кабинета, участвовал также и в работе Тюркологического и Среднеазиатского кабинетов.

Осенью 1943 года была основана Академия наук Узбекистана. Андреев был избран ее действительным членом (академиком).

Одновременно в системе Академии был организован Институт истории и археологии – на базе существовавшего ранее (с 1940 г.) Института языка, литературы и истории Узбекского филиала АН СССР¹⁵³. В 1944 году Андрееву предложили стать его директором¹⁵⁴. Но, как сам Андреев писал в своем отчете за 1944 год в Академию наук СССР, «в связи с болезнью и накопившимся обширным материалом, требующим научной систематизации», он не смог принять это предложение и согласился организовать, а потом возглавить отдел этнографии этого института¹⁵⁵. Этот отдел он возглавлял с 1944 по 1947 годы¹⁵⁶.

В 1945 году Андреев был награжден орденом Трудового Красного Знамени; ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекской ССР. Аналогичное звание в Таджикистане присвоили ему годом раньше.

В 1947 году Андреев, научная деятельность которого практически все годы была связана с изучением истории и культуры таджикского народа, переехал в Сталинабад.

Его пригласил Бободжан Гафуров, таджикский партийный деятель, годом ранее ставший первым секретарем ЦК Компартии Таджикистана. Серьезно интересовавшийся исторической наукой, он был хорошо знаком с Андреевым и высоко ценил его. Гафуров помог Андрееву перевезти его библиотеку и обширный личный архив из Ташкента в Сталинабад.

В столице Таджикистана Андреев занимался почти тем же, чем и в Ташкенте: преподаванием, организацией этнографического сектора в Таджикском филиале АН СССР и Музея археологии и этнографии¹⁵⁷.

Андреев много внимания и сил отдавал делу подготовки местных исследователей-этнографов. В 1947 году по его предложению в аспирантуру АН СССР были направлены по специальности этнография молодые таджикские исследователи Низом Нурджанов и Махманаим Рахимов. Летом 1948 года с их участием была организована первая этнографическая экспедиция в Кулябскую область. По настоянию Андреева им были отпущены средства как на проведение исследовательской работы, так и на приобретение экспонатов для будущего музея этнографии¹⁵⁸.

В Сталинабаде Андреев вновь проявил себя как яркий организатор музей-

ного дела. Он принимал активное участие в работе Государственного историко-краеведческого музея города Душанбе, а также являлся организатором Кабинета этнографии при Институте истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР и Музея археологии и этнографии при секторе Института ТФ АН СССР. Впоследствии его имя было присвоено Музею археологии и этнографии, который затем разделился на два отдельных музея – Национальный музей древностей и Музей этнографии им. М.С. Андреева при Академии наук Таджикистана¹⁵⁹.

Обращаясь в феврале 1946 года к Андрееву от имени руководства Таджикистана и коллег-востоковедов, Бободжон Гафуров отмечал:

У всех у нас одно желание, чтобы Вы выпустили в свет хотя бы часть того огромного материала, который собран Вами. Считаю самым большим пробелом Вашей работы то, что ценнейший, имеющийся у Вас материал, Вы не оформляете и не публикуете... Возьмитесь же за это дело покрепче, Михаил Степанович! Пускайте в научный оборот хотя бы часть того материала, которым Вы располагаете, иначе можно опоздать¹⁶⁰.

Ученый и сам чувствовал, что запаздывает. Еще в 1930 году он писал, что его большой ошибкой было то, что он не обрабатывал материалы по мере их накопления. А в 1944 году в автобиографии он с явным сожалением констатировал:

Жить осталось мало, и нужно скорее обрабатывать и подытоживать сделанное, собранное и требующее обработки, а его так много¹⁶¹.

Но дело, как представляется, было не только во времени. Подобная работа никогда не была сильной стороной Михаила Степановича. Еще в 1929 году Шмидт писал Бартольд:

Я же, откровенно, положив руку на сердце, должен сказать, что при всём богатстве материалов, которыми располагает М<ихаил> С<тепанович>, у него нет никакой академической выучки, у него нет перспективы масштаба, у него нет умения хоть маленечко систематизировать свои материалы... По глубокому моему убеждению, он <...> вообще не способен к систематическому изложению даже предмета своей специальности¹⁶².

Действительно, несмотря на огромные пласты исключительно ценного материала, собранного Андреевым, у него при жизни было издано мало трудов и практически не было обобщающих работ. Особенностью его творческой манеры, по словам Бориса Литвинского, был «четко выраженный примат собирательской деятельности над собственно исследовательской в ее окончательной фазе»¹⁶³.

Вероятно, сказывался недостаток фундаментального образования. Строго говоря, у ректора вуза, члена-корреспондента союзной Академии наук, действительного члена двух республиканских академий, профессора, заслуженного деятеля науки двух республик этого образования не было.

Когда в первой половине 30-х годов (точная дата в документе не указана, но по косвенным признакам это, очевидно, конец 1933-го – начало 1934 годов) Андреев заполнял анкету для Академии наук СССР, то на вопрос об образовании он ответил так: «Учился в Ташкентской гимназии, затем в медресе»¹⁶⁴. Довольно странно, что

он опустил упоминание о своей *альма матер* – Ташкентской Учительской семинарии. Вероятно, это было сознательное умолчание: стояло время наиболее ожесточенных гонений на Церковь, и слово «семинария» могло звучать даже более подозрительно, чем «медресе»...

Жизнь Андреева оборвалась трагически – 10 ноября 1948 года он был зарублен топором. Есть свидетельство одного из близких учеников Андреева, что его зарубила сиделка из-за ревности к медсестре¹⁶⁵.

Нелепая смерть Михаила Степановича вызвала различные отклики в научном сообществе. Узбекистанский историк-марксист академик Иван Додонов в декабре 1948 года написал письмо Гафурову. Он сообщал, что ряд ученых Узбекистана категорически протестуют «против исключительно либерального решения суда относительно меры наказания убийцы», поскольку, «по их мнению, дело об убийстве сведено к романтической истории, тогда как, по существу, это политическая история»:

Не ясно ли, что рукой убийцы нанесена колоссальная диверсия советской науке? Настаиваем: на немедленном пересмотре дела, на организации показательного процесса и самой высшей мере наказания убийцы¹⁶⁶.

На письме Додонова есть резолюция Гафурова: «Вызвать председателя Верховного суда Б. Исмаилова»¹⁶⁷. Но, насколько известно, попыток пересмотра дела не предпринималось. Очевидно, судебные органы Таджикистана не разделяли предположений Додонова.

Андреев был похоронен в Душанбе. Его захоронение долгое время считалось утраченным¹⁶⁸. Это довольно странно – в Таджикистане все годы сохранялась память и уважительное отношение к имени Михаила Степановича Андреева. К тому же вплоть до начала 1990-х годов в Душанбе проживала его вдова, Антонина Писарчик.

Писарчик много сделала для сохранения, обработки, ввода в научный оборот разнообразных материалов, собранных Андреевым в ходе многолетних исследований. Благодаря ее усилиям увидели свет и стали достоянием следующих поколений исследователей несколько трудов ее супруга, которые, как писал Борис Литвинский, «по своему объему и значению превосходят всё то, что было опубликовано им при жизни»¹⁶⁹.

После событий начала 1990-х годов в Таджикистане, в связи с разразившейся там гражданской войной Писарчик была вынуждена покинуть страну. Последние годы жизни она провела в семье дочери, еще ранее уехавшей в Польшу, в городе Милянзек, вблизи Варшавы. Умерла в начале января 1995 года. Уезжая в Польшу, Антонина Константиновна вывезла свой архив и собственную небольшую коллекцию среднеазиатской керамики, ювелирных изделий и других артефактов. В настоящее время архив хранится на кафедре иранских исследований в Ягеллонском университете Кракова¹⁷⁰.

К счастью, могила ученого после многолетних поисков была обнаружена летом 2021 года душанбинским историком-краеведом Гафуром Шерматовым. По его инициативе и при поддержке Российского фонда мира, 15 апреля 2022 года на месте захоронения Андреева установлен памятник. На торжественном мероприятии по случаю его открытия присутствовали послы России и Узбекистана в Таджикистане, ученые-историки и общественные деятели.

Завершая этот биографический очерк, еще раз процитируем Бориса Литвинского, писавшего, что «необычная судьба Михаила Степановича Андреева вызывает восхищение, и трудно переоценить его значение в сложении школы этнографии Средней Азии, его труды прочно входят в золотой фонд русского и советского востоковедения»¹⁷¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Луни Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. – Ташкент: Академия наук Узбекской ССР, 1958. С. 86.

² *Массон М.Е.* Рудник погибели (Из истории первых лет деятельности Туркестанского кружка любителей археологии). – Фрунзе: Кыргызстан, 1971. С. 40.

³ Архив Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана. Личный фонд М.С. Андреева (далее – ЛФА). Д. 168.

⁴ Об истории создания Ташкентской Учительской семинарии см.: *Флыгин Ю.С.* «Помощью только этого учреждения можно быть уверенным, что обязательное обучение в крае... сделается действительным фактом» // Третьи Бородинские чтения. Сб. науч. трудов. – Ташкент: Fan va texnologiyalar Markazining boshqonasi, 2011. С. 206–216.

⁵ См.: *Акрамова Х.Ф.* М.С. Андреев как инспектор народных училищ // Сб. аспирантских работ Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина. – Душанбе <б.и.>, 1968. С. 43.

⁶ Цит. по: *Луни Б.В.* Памяти видного среднеазиатского востоковеда Михаила Степановича Андреева (к 100-летию со дня рождения) // Востоковедение. Научные труды ТашГУ. Выпуск 456. – Ташкент, 1973. С. 22–23.

⁷ Цит. по: *Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев. – Душанбе: Ирфон, 1973. С. 42.

⁸ ЛФА. Автобиография 1944 г. Л. 4.

⁹ *Луни Б.В.* Три памятные даты // Общественные науки в Узбекистане. 1973. № 5. С. 20.

¹⁰ ЛФА. Автобиография 1944 г. Л. 1–2.

¹¹ ЛФА. Д. 168. Л. 7.

¹² *Акрамова Х.Ф.* М.С. Андреев как инспектор народных училищ... С. 43.

¹³ Национальный архив Узбекистана (НАУ). Ф. И-47. Оп. 1. Д. 408. Л. 3.

¹⁴ ЛФА. Воспоминания. Л. 7–8.

¹⁵ О жизни и деятельности В.П. Наливкина см.: *Флы-*

гин Ю.С. Владимир Наливкин: ориенталист, педагог, администратор. – Ташкент: Muharrir nashriyoti, 2017.

¹⁶ *Андреев М.* Местности в долине р. Ангрена, интересные в археологическом отношении // Туркестанские ведомости. 1893. 16 (29) июня. № 46.

¹⁷ См.: *Акрамова Х.Ф.* М.С. Андреев как инспектор народных училищ... С. 45.

¹⁸ Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском училище. – Ташкент: Тип. братьев Порцевых, 1896.

¹⁹ ЛФА. Д. 4.

²⁰ <*Андреев М.*> Остатки языческих обычаев среди туземцев // Украина. 1895. № 27. (За подписью «М.А.».)

²¹ Цит. по: *Додхудоева Л.Н.* Научное наследие А.А. Семёнова и М.С. Андреева (архивные документы). – Душанбе: Дониш, 2013. С. 203–204.

²² Там же. С. 209.

²³ *Массон М.Е.* Рудник погибели... С. 28.

²⁴ См.: *Загородникова Т.Н.* Михаил Степанович Андреев в Индии. Штрихи к портрету // Душанбинский альманах. Взаимодействие религиозных и культурных традиций. Выпуск второй. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. С. 363.

²⁵ *Германов В.А.* «Восточный фронт» // Восток (Oriens). 1996. № 3. С. 116.

²⁶ См. об этом: *Луни Б.В.* Три памятные даты // Общественные науки в Узбекистане. 1973. № 5. С. 21.

²⁷ См.: *Андреев М.С.* О собранном мною в разное время (начиная с конца XIX ст. по 1942 г.) материале по языку и быту народов Средней Азии, до сих пор еще не изданном и большей частью не подготовленном к изданию. (Архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. Личный фонд М.С. Андреева. Д. 64. Л. 1).

²⁸ Цит. по: *Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев... С. 49.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Историография общественных наук в Узбеки-

стане. Биобиблиографические очерки / Сост. Б.В. Лу-нин. – Ташкент: Фан. С. 90.

³¹ См.: *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А. Семёнова и М.С. Андреева... С. 25.

³² НАУ. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 27. Л. 42.

³³ *Бартольд В.В.* Положение науки в Туркестанском крае // *Украина*. 1894, № 52.

³⁴ Цит. по: *Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев... С. 51.

³⁵ См.: *Писарчик А.К.* Михаил Степанович Андреев (1873–1948 гг.) // *Труды Академии наук Таджикской ССР*. Т. СХХ. – Сталинабад, 1960. С. 9.

³⁶ Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г. – Ленинград, 1930. С. 3.

³⁷ См.: *Историография общественных наук в Узбекистане...* С. 90.

³⁸ Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан / Сост. Андреев М.С., Половцов А.А. // *Сборник музея антропологии и этнографии*. Т. 9. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1911.

³⁹ См.: *Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь / Автор-составитель М.К. Басханов.* – М.: Восточная литература, 2005. С. 218

⁴⁰ Цит. по: *Флыгин Ю.С.* Михаил Андреев. Этнограф, организатор образования и науки. – Ташкент: Muharrir nashriyoti, 2023. С. 24.

⁴¹ *Андреев М.С.* Исторические заметки о Ходженте // *Справочная книжка Самаркандской области на 1906 год*. Вып. VI. – Самарканд: Тип. «Труд», 1906. С. 85–98.

⁴² Цит. по: *Дубовицкий В.В.* Судьба этнографа и дипломата // *Дубовицкий В., Дубовицкая И., Шерматов Г. У врат Востока*. Сб. очерков. – Душанбе: Эр-граф, 2019. С. 135.

⁴³ ЛФА. Д. 6. Л. 45–48.

⁴⁴ См.: *Загородникова Т.Н.* Михаил Степанович Андреев в Индии... С. 364.

⁴⁵ Там же. С. 365.

⁴⁶ См.: *Загородникова Т.Н.* Служба в Индии чиновника для усиления личного состава Главного управления Туркестанского края М.С. Андреева // *Научный вклад Михаила Степановича Андреева в изучение истории и этнографии таджикского народа. Материалы международной научной конференции.* – Душанбе: Дониш, 2014. С. 43.

⁴⁷ *Чиркин С.В.* Двадцать лет службы на Востоке. Записки царского дипломата. – Москва: Русский путь, 2006. С. 137.

⁴⁸ Архив внешней политики Российской империи (АВ-ПРИ). Ф. 147. Оп. 485. Д. 942. Л. 38–39.

⁴⁹ Цит. по: *Флыгин Ю.С.* Михаил Андреев... С. 30.

⁵⁰ ЛФА. Д. 168. Л. 1.

⁵¹ Цит. по: *Алимджанов Б.А.* М.С. Андреев и «Большая игра» (по материалам РГИА) // *Гуманитарное изме-*

рение в истории российско-узбекистанских связей. Материалы международной научно-практической конференции. – Ташкент: Muharrir nashriyoti, 2019. С. 14.

⁵² НАУ. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1409. Лл. 28–38.

⁵³ См.: *Загородникова Т.Н.* Михаил Степанович Андреев в Индии. Штрихи к портрету... С. 367.

⁵⁴ Там же. С. 368.

⁵⁵ Там же. С. 367.

⁵⁶ *Германов В.* Эпизод из истории демаркации границы между Афганистаном и государствами Средней Азии: симбиоз разведки и науки в особе Михаила Андреева // *Научный вклад Михаила Степановича Андреева...* С. 76–77.

⁵⁷ Там же. С. 77.

⁵⁸ Цит. по: *Загородникова Т.Н.* Михаил Степанович Андреев в Индии. Штрихи к портрету... С. 367.

⁵⁹ Цит. по: Там же. С. 372.

⁶⁰ Цит. по: Там же. С. 375.

⁶¹ Цит. по: Там же. С. 375.

⁶² См.: *Загородникова Т.Н.* Служба в Индии чиновника для усиления личного состава главного управления Туркестанского края М.С. Андреева. // *Мат-лы международной научно-практической конференции.* – Душанбе: Дониш, 2013. С. 52.

⁶³ См.: *Милибанд С.Д.* Биобиблиографический словарь советских востоковедов. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 34; *Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев... С. 58; *Дубовицкий В.* Судьба этнографа и дипломата // *Дубовицкий В., Дубовицкая И., Шерматов Г. У врат Востока...* С. 136.

⁶⁴ Цит. по: *Загородникова Т.Н.* Михаил Степанович Андреев в Индии. Штрихи к портрету... С. 380.

⁶⁵ ЛФА. Д. 3. Л. 23.

⁶⁶ ЛФА. Д. 3. Л. 33.

⁶⁷ НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1243. Л. 19.

⁶⁸ НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1323. Л. 8.

⁶⁹ НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1243. Л. 82.

⁷⁰ См.: *Акрамова Х.Ф.* М.С. Андреев как инспектор народных училищ... С. 47.

⁷¹ НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1364. Л. 13.

⁷² ЛФА. Д. 168. Л. 3.

⁷³ См.: *Акрамова Х.Ф.* М.С. Андреев как инспектор народных училищ... С. 50.

⁷⁴ ЛФА. Д. 168. Л. 9.

⁷⁵ НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1550. Л. 36.

⁷⁶ См.: *Акрамова Х.Ф.* М.С. Андреев как инспектор народных училищ... С. 54.

⁷⁷ НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1550. Л. 24; Д. 1458. Л. 13.

⁷⁸ НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1088. Л. 124.

⁷⁹ См.: *Флыгин Ю.С.* Владимир Наливкин... С. 40–41.

⁸⁰ Проект Всеподданнейшего отчета Генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому

управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. – СПб.: Военная типография, 1885. С. 458.

⁸¹ НАУ. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1391. Л. 186.

⁸² См.: *Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев... С. 63.

⁸³ НАУ. Ф. И-69. Оп. 1. Д. 38. Л. 137–137 об.

⁸⁴ ЛФА. Д. 22.

⁸⁵ Андреев отмечал, что при опросе «найманы, алтыбеки, тюрки отказывались считать себя узбеками» (ЛФА. Д. 64. Л. 8).

⁸⁶ См.: ЛФА. Автобиография 1944 г. Л. 11.

⁸⁷ *Ольденбург С.Ф.* Французская школа Крайнего Востока в Сайгоне // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 340. Отд. IV. 1902 (март). С. 47–51.

⁸⁸ См.: *Лунин Б.В.* Восточный факультет (Краткий очерк истории востфака ТашГУ). – Ташкент: Укитувчи, 1981. С. 5–6.

⁸⁹ См.: *Базиянц А., Кузнецова Н., Кулагина Л.* Азиатский музей – Институт востоковедения АН СССР (1918–1968). – М: Наука, 1969. С. 53–54.

⁹⁰ НАУ. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 27. Л. 317.

⁹¹ *Владимир Николаевич Кучербаев* (Шах-Мурад Кучербаев, 1871 – ?). Казах, принял православие. После окончания Учительской семинарии некоторое время был учителем детей хивинского хана, потом учителем в школах. После 1917 г. занимал различные посты во властных структурах Туркестанской АССР. С февраля 1921 года являлся членом коллегии Туркестанского представительства при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР в Москве. (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1318. Оп. 21. Д. 387. Л. 393–394).

⁹² М.С. Андреев писал в автобиографии, что в 1918 году он «был вызван из Ходжента в Ташкент, где ему была поручена организация востоковедного вуза» (цит. по: *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX вв. – Ташкент: Изд. АН Узбекской ССР, 1962. С. 302).

⁹³ См.: История возникновения и начала деятельности Туркестанского Восточного института // Сборник Туркестанского Восточного института (1918–1922). – Ташкент, 1922. С. 5.

⁹⁴ См.: *Шмидт А.Э.* Туркестанский Восточный институт за первые четыре года своего существования (1918–1922) // Наука и просвещение (журнал). – Ташкент, 1922. № 2. Октябрь–декабрь. С. 114.

⁹⁵ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 68. Оп. 2. Д. 443. Л. 8.

⁹⁶ Цит. по: *Лунин Б.В.* Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). – Ташкент: АН УзССР, 1958. С. 329.

⁹⁷ НАУ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 620. Л. 54.

⁹⁸ ЛФА. Д. 168. С. 4–5.

⁹⁹ ЛФА. Д. 127. Л. 100.

¹⁰⁰ *Шмидт А.Э.* Туркестанский Восточный институт... С. 112.

¹⁰¹ СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 13 об.

¹⁰² См.: *Флыгин Ю.С.* Национальный университет Узбекистана – старейший на Среднем Востоке. Краткий исторический очерк. – Ташкент: Muhammad nashriyoti, 2018. С. 22–23.

¹⁰³ Имеются в виду этнографы Елена Пещерева (1897–1985), окончившая ТВИ в 1924 году, и Анна Троицкая (1899–1980), окончившая этот вуз годом раньше. Обе позже жили и работали в Ленинграде.

¹⁰⁴ Цит. по: *Флыгин Ю.С.* Михаил Андреев... С. 60.

¹⁰⁵ *Писарчик А.К.* Михаил Степанович Андреев (1873–1948)... С. 10.

¹⁰⁶ *Германов В.А.* Историк Туркестана в условиях политического террора 20–30-х годов. – Ташкент: Узбекистон, 2000. С. 30.

¹⁰⁷ НАУ. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 29. Л. 319.

¹⁰⁸ См.: *Тихонов Ю.* Афганская война Сталина. Битва за Центральную Азию. – М.: Эксмо, 2008. С. 56.

¹⁰⁹ *Андреев М.С.* «Открыло и мое сердце...» Автобиографические записки // Памир. 1991. № 7.

¹¹⁰ ЛФА. Оп. 1. Д. 101. Л. 5–6.

¹¹¹ См.: *Андреев М.С.* «Открыло и мое сердце...»

¹¹² См.: *Андреев М.* По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.). – Ташкент: <б. и.>, 1927. (Сер. «Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами».)

¹¹³ *Флыгин Ю.С.* Михаил Андреев... С. 67.

¹¹⁴ См.: *Шовалиева М.* М.С. Андреев и первое научное общество Таджикистана // Научный вклад Михаила Степановича Андреева... С. 173.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Таджикистан. Сборник статей. – Ташкент: Тип. Штаба Т/Ф, 1925. С. 151.

¹¹⁷ Там же. С. 165–166.

¹¹⁸ См.: *Собиров Н.* М.С. Андреев – исследователь верховьев Зерафшана // Научный вклад Михаила Степановича Андреева... С. 183.

¹¹⁹ НАУ. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 134. Л. 8.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ НАУ. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 134. Л. 7, 7 об.

¹²² Там же. Л. 11.

¹²³ НАУ. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 134. Л. 31.

¹²⁴ См.: *Шовалиева М.* Указ. соч. С. 176.

¹²⁵ НАУ. Ф. Р-2231. Оп. 1. Д. 266. Л. 277.

¹²⁶ XX лет Средне-азиатского государственного университета. – Ташкент: Гостехиздат УзССР, 1940. С. 14.

¹²⁷ ЛФА. Д. 6. Л. 21, 23.

¹²⁸ *Додуходоева Л.* Научное наследие А.А. Семёнова и М.С. Андреева... С. 35–36.

¹²⁹ ЛФА. Д. 6. Л. 24.

¹³⁰ ЛФА. Д. 6. Л. 79–80.

¹³¹ Там же.

¹³² ЛФА. Д. 6. Л. 14.

- ¹³³ ЛФА. Д. 6. Л. 45–48.
- ¹³⁴ ЛФА. Д. 6. Л. 76.
- ¹³⁵ ЛФА. Д. 6. Л. 75.
- ¹³⁶ ЛФА. Д. 24.
- ¹³⁷ См.: *Додхудоева Л.* «Репрессированная наука»: М.С. Андреев в Казахстане // Научный вклад М.С. Андреева и А.А. Семёнова в изучение истории и этнографии таджикского народа. Международная научно-теоретическая конференция. Душанбе, 23 октября 2018 г. – Душанбе, 2019. С. 183.
- ¹³⁸ См.: *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А. Семёнова и М.С. Андреева... С. 38.
- ¹³⁹ ЛФА. Д. 168. Л. 10–11.
- ¹⁴⁰ *Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев... С. 452.
- ¹⁴¹ Германов В.А. «Восточный фронт»... С. 116.
- ¹⁴² Там же. С. 116–117.
- ¹⁴³ Там же. С. 116.
- ¹⁴⁴ *Андреев М.С., Чехович О.Д.* Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX вв. – Душанбе: Дониш, 1972. С. 9.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 18.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 9.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 10–11.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ Архив Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана. Личный фонд А.А. Семёнова. Оп. 2. Коробка 15. Л. 72.
- ¹⁵¹ См.: *Литвинский Б.А., Акрамов Н.М.* Александр Александрович Семёнов (Научно-биографический очерк). – М.: Наука, 1971. С. 123.
- ¹⁵² См.: *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А. Семёнова и М.С. Андреева... С. 39.
- ¹⁵³ Академия наук Узбекской ССР. – Ташкент: Фан, 1983. С. 339.
- ¹⁵⁴ См.: *Додхудоева Л.* Научное наследие А.А. Семёнова и М.С. Андреева... С. 39.
- ¹⁵⁵ ЛФА. Д. 22. Л. 5.
- ¹⁵⁶ Академия наук Узбекской ССР... С. 472.
- ¹⁵⁷ См.: *Масов Р.* М.С. Андреев и таджикская наука // Научный вклад Михаила Степановича Андреева... С. 16.
- ¹⁵⁸ См.: *Юсуфбекова З.* М.С. Андреев – первый таджикостанский этнограф // Научный вклад Михаила Степановича Андреева... С. 90.
- ¹⁵⁹ См.: *Васитова Н.* Вклад М.С. Андреева в музееведение Таджикистана // Научный вклад Михаила Степановича Андреева... С. 136–137.
- ¹⁶⁰ ЛФА. Д. 107. Л. 99.
- ¹⁶¹ ЛФА. Автобиография 1944 г. Л. 18.
- ¹⁶² СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 260. Л. 35, 36 об.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ ЛФА. Д. 6. Л. 46.
- ¹⁶⁵ Информация устного характера получена автором в ходе исследовательской работы в институте истории, археологии и этнографии АН Таджикистана.
- ¹⁶⁶ *Додхудоева Л.* Жизнь и научная деятельность М.С. Андреева в фотодокументах // Научный вклад Михаила Степановича Андреева... С. 28–29.
- ¹⁶⁷ Партийный архив Республики Таджикистан. Оп. 1. Док. № 60/17. Л. 8.
- ¹⁶⁸ Действительно, автор, дважды приезжавший в Душанбе для работы с архивным фондом Андреева, и от местных историков, и от служителей кладбища слышал, что местонахождение могилы Михаила Андреева неизвестно, она затерялась.
- ¹⁶⁹ *Литвинский Б.А.* Михаил Степанович Андреев и его наследие // *Акрамова Х.Ф., Акрамов Н.М.* Востоковед Михаил Степанович Андреев... С. 7.
- ¹⁷⁰ См.: *Цеслевская А.* Архив А.К. Писарчик в Ягеллонском университете Кракова // Научный вклад М.С. Андреева и А.А. Семенова... Душанбе, 2019. С. 120.
- ¹⁷¹ *Литвинский Б.А.* Михаил Степанович Андреев и его наследие... С. 8.

Бахтиёр АЛИМДЖАНОВ

«Моя мюридка, достигшая последней степени совершенства...»

Из переписки Александра Семенова и Анны Троицкой

В этом году исполняется 125 лет со дня рождения Анны Леонидовны Троицкой – выдающегося исследователя истории и этнографии Средней Азии. Неугоми-мая собирательница, исследовательница восточных рукописей, автор фундамен-тальных работ, она внесла весомый вклад в историческую науку¹.

Родилась Анна Леонидовна в Ташкенте 10 мая 1899 года в семье акцизного чи-новника. После окончания в 1915 году Ташкентской женской гимназии училась в Петроградском женском мединституте и на медицинском факультете Саратовско-го университета. В 1919–1923 годах была студенткой иранского цикла Туркестан-ского восточного института. Еще во время обучения, с 1921 года, начала работать в Этнографическом отделе Ташкентского Среднеазиатского музея. По окончании института – библиотекарем Среднеазиатской публичной библиотеки.

Вскоре она переезжает в Ленинград, где продолжает свою научную работу. С 1925 года – младший научный сотрудник Комиссии АН СССР по изучению племен-ного состава населения СССР и сопредельных стран (Ленинград), с 1932 года – со-трудник Государственной публичной библиотеки, с 1938-го – старший научный сотрудник Института антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. В том же году ей была присуждена степень кандидата исторических наук.

Во второй половине 1930-х Анна Леонидовна часто бывала в Узбекистане в на-учных командировках.

В июне 1941 года, выехав в очередную командировку в Ташкент, осталась здесь из-за невозможности вернуться в осажденный Ленинград. До апреля 1942 года работала в фундаментальной библиотеке Среднеазиатского университета, с июня того же года – старший научный сотрудник эвакуированного из Ленинграда Института востоковедения АН СССР по среднеазиатскому кабинету (затем сектору

тюркской филологии). В 1947 году получила степень доктора исторических наук (название диссертации «Народный театр в Узбекистане»).

После возвращения в Ленинград с 1950 года работала главным библиотекарем Отдела рукописей Ленинградской публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Анна Леонидовна занималась разбором и описанием архива кокандских ханов, поступившего в Публичную библиотеку в 1876 году. Разобрала, подготовила к реставрации, описала и систематизировала этот архив, насчитывающий 3800 единиц хранения на 5026 листах и 151 свитке. С 1958-го до выхода на пенсию в 1963 году А.Л. Троицкая работала старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института народов Азии АН СССР. Анна Леонидовна – автор более 30 научных публикаций²; некоторые ее рукописи до сих пор не опубликованы.

Значительный интерес представляют и письма А.Л. Троицкой. В отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) сохранилась ее переписка с академиком Александром Александровичем Семеновым, охватывающая период с 1947 по 1956 годы. Переписка касается разных сторон академической жизни Семенова, проживавшего в Ташкенте и Душанбе.

Письма затрагивали самый широкий круг вопросов, связанных с научной деятельностью двух выдающихся ученых-востоковедов. Это могла быть несостоявшаяся поездка Семенова в Ленинград (письмо от 23 мая 1947 года³); очередные идеологические чистки в среде ташкентских ученых (от 12 марта 1949 года⁴) и другие вопросы. Отношения между корреспондентами были доверительными и дружескими; об этом, например, свидетельствует то, что в письме от 21 сентября 1949 года Семенов шутливо называл Троицкую своей «мюридкой, достигшей последней степени совершенства, не суфийского хакиката, а ленинградско-ивановской нирваны в смысле отрицательного блаженства». Мюридами (узб. *мурид*) назывались ученики и последователи суфийских наставников-ишанов. Под «ленинградско-ивановской нирваной» ученый имел в виду находившийся в Ленинграде Институт востоковедения АН СССР (сокращенно ИВАН), где в то время работала Анна Леонидовна.

Ниже публикуются письма ученых; авторская стилистика сохранена.

23.05.1947 г.

Ташкент, ул. Ширшова⁵, д. 14А.

Семенов в Ленинград 48, Васильевский остров, 15 линия, д. 70, кв. 6.

Дорогая Анна Леонидовна, несколько дней назад получил Вашу телеграмму и открытку. <...> Сегодня мне передали обращение в ЦК «китов», я очень тронут таким ко мне вниманием всех подписавших это обращение и мои симпатии к ленинградцам и Сердечная привязанность достигают теперь до апогея. Последствия не состоявшейся 12 мая поездки пока сказались в том, что 10 дней сидел без хлеба, пока меняли рейсовые карточки⁶ опять на обычные.

ОР РНБ. Ф. 1259 (А.Л. Троицкая). Оп. 1. Д. 223 (А.А. Семенов, академик АН Тадж. Письма (13) к А.Л. Троицкой. 1947–1956 гг.). Л. 2.

6.02.1949 г.

Дорогая Анна Леонидовна! <...> На днях предстал предо мной т<оварищ> Юлдашев⁷, докторант, с письмом от Вас, в котором от просит меня быть его руководителем, от сего «я впал в прострацию и в нравственное самоубийство», ибо у меня здесь таких семеро. Вы Вас<илию> Вас<ильевичу>⁸ этого не говорите. Но кто подсказал, чтобы я принял на себя «сии бремена»? Я рад буду видеть Вас в Ташкенте, и проект Вашей экспедиции в Ходжент и др. места вполне одобрены. <...>

Ваш А. Семенов.

ОР РНБ. Ф. 1259 (А.Л. Троицкая). Оп. 1. Д. 223 (А.А. Семенов, академик АН Тадж. Письма (13) к А.Л. Троицкой. 1947–1956 гг.). Л. 5–5 об.

12.03.1949 г.

<...> Мы здесь тоже будем обсуждать и разоблачать «пантюкистов», «паниранистов» и проч<их> *истов* в конце марта и апреле.

ОР РНБ. Ф. 1259 (А.Л. Троицкая). Оп. 1. Д. 223 (А.А. Семенов, академик АН Тадж. Письма (13) к А.Л. Троицкой. 1947–1956 гг.). Л. 6–6 об.

21.09.1949 г.

(Семенов готовил к изданию свой перевод Рашид ад-дина в Ленинграде⁹ и просил Троицкую прислать ему скорее текст для редакции.)

<...> По приезде <в Ташкент из Ленинграда> узнал, что 27 мая составили обо мне приказ Минвуза о назначении меня председателем Ученого Совета Истфака САГУ. Стремлюсь всячески освободиться от этих бэнд'ов¹⁰, но так как инициатива об этом исходила из Москвы, то не знаю, что последует на мою просьбу об освобождении от сего.

ОР РНБ. Ф. 1259 (А.Л. Троицкая). Оп. 1. Д. 223 (А.А. Семенов, академик АН Тадж. Письма (13) к А.Л. Троицкой. 1947–1956 гг.). Л. 7–7 об.

16.04.1950 г.

<...> Ma chère Annette¹¹, я страстно хотел бы Вас видеть отупевшую от углубления в рукописи и от несомненно плодотворных сидений в Институте. Не прерывайте этих сладостных занятий до моего приезда, чтобы я воочию мог увидеть Вас, мою мюридку, достигшей последней степени совершенства, не суфийского хакиката, а ленинградско-ивановской нирваны в смысле отрицательного блаженства.

ОР РНБ. Ф. 1259 (А.Л. Троицкая). Оп. 1. Д. 223 (А.А. Семенов, академик АН Тадж. Письма (13) к А.Л. Троицкой. 1947–1956 гг.). Л. 8–9.

18.12.1950 г.

<...> Здесь провели дискуссию об Андижанском восстании 1898 г. Результаты должны бы быть в определении его реакционности подобно мюридизму на Кавказе. Вышло же так: «с одной стороны нельзя не сознаться, а с другой нельзя не признать»¹². Тот же вопрос ставится сейчас в Москве. Предполагают в ближайшее время провести конференцию – по пантюркизму, панисламизму и проч. Не сомне-

ваюсь, что пантюркистов, панисламистов и др. среди местных национальностей не окажется.

ОР РНБ. Ф. 1259 (А.Л. Троицкая). Оп. 1. Д. 223 (А.А. Семенов, академик АН Тадж. Письма (13) к А.Л. Троицкой. 1947–1956 гг.). Л. 11–12.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Чехович О.Д.* Анна Леонидовна Троицкая. К семидесятилетию со дня рождения // Народы Азии и Африки. 1969. № 4. С. 228–229; *Милибанд С.Д.* Троицкая Анна Леонидовна. Библиографический словарь востоковедов. Отв. ред. Бендик А.И. – М.: [Наука]. Гл. ред. вост. лит. С. 556; *Лунин Б.В.* Анна Леонидовна Троицкая. Библиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1977. С. 172–174; *Федосеева Е.П.* А.Л. Троицкая и ее архив // Советская этнография. 1984. № 2. С. 67–70; *Vasilyeva O.V.* A survey of information sources about Central Asian Muslims preserved in the Manuscript Department of the National Library of Russia // Islamic world information sources: Symposium research papers. – Riyadh: King Abdul Aziz Public Library, 1999.

² Основные работы: К библиографиям некоторых художников эпохи сефевидов // Сб. Туркестанского Восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. – Ташкент, 1923; Лечение больных изгнанием злых духов (кучурук) среди оседлого населения Туркестана // Бюллетень Сред.-Азиат. гос. ун-та. 1925. № 10; Женский зикр в старом Ташкенте // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. – Л., 1928. Т. 7; Из отчета о командировке 1936 г. в национальные районы Среднеазиатских республик // Сов. этнография. 1937. № 4; Из истории народного театра и цирка в Узбекистане // Там же. 1948. № 3; Abdoltili – аргочека артистов и музыкантов Средней Азии // Сов. востоковедение. Л., 1948. Вып. 5; Военное дело в Бухаре в первой половине XIX в. // Тр. АН ТаджССР. 1953. Т. 17; Земельно-водная политика хивинских ханов (1850, 1857) // Сб. ГПБ. Л., 1954. Вып. 2; «Заповедники» – куррук кокандского хана Худояра // Там же. 1955. Вып. 3; Архив кокандских ханов XIX в.: Предварит. обзор // Тр. ГПБ. – Л., 1957. Т. 2 (5); Сатира в Кокандском ханстве (XIX в.) // Исследования по истории культуры народов Востока. – М.; Л., 1963; Ганчи, ганчибаши в Кокандском ханстве (XIX в.) // Тюркологические исследования. – М.; Л., 1963; Каталог архива кокандских ханов XIX в. – М., 1968; Материалы по истории кокандского ханства XIX в.: По док. арх. коканд. ханов. – М., 1969; Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков (долины Верхнего Зеравшана) // Занятия и быт народов Средней Азии: Среднеазиат. этногр. сб. – Вып. 3. – Л.:

1971; Несколько документов по военному делу из архива кокандских ханов XIX в. // Восточный сб. – М., 1972. Вып. 3; Челобитная учащихя медресе кокандскому хану Худаяру // Письменные памятники Востока, 1973. – М., 1979; Из неопубликованного наследия // Восточный сборник. – Вып. 4. – Л., 1990.

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1259 (А.Л. Троицкая). Оп. 1. Д. 223 (А.А. Семенов, академик АН Таджикистана. Письма (13) к А.Л. Троицкой. 1947–1956 гг.). Л. 2.

⁴ Там же. Л. 6–6 об.

⁵ Находилась в районе Дархана.

⁶ Выдача продуктов питания в первые послевоенные годы осуществлялась по карточкам; командированным выдавались особые «рейсовые» карточки, на которые можно было покупать хлеб в привокзальных магазинах.

⁷ *Мухамеджан Юлдашев* (1904–1985) – узбекский ученый, государственный и партийный деятель (в 1940–1941 гг. – нарком просвещения Узбекской ССР). В июле 1948 – январе 1953 гг. – докторант Ленинградского филиала Института востоковедения Академии наук СССР.

⁸ *Василий Струве* (1889–1965) – выдающийся востоковед, академик АН СССР, в 1941–1950 гг. возглавлял Институт востоковедения АН СССР.

⁹ См.: *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с персидского Л.А. Хетагурова, редакция и примечания проф. А.А. Семенова. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1, кн. 1; *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей / Пер. с персидского О.И. Смирновой, редакция проф. А.А. Семенова. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1, кн. 2.

¹⁰ Вероятно, от узб. *банд* – быть занятым.

¹¹ Моя дорогая Анетта (фр.).

¹² Ученый имеет в виду двойственное отношение к восстанию 1898 года в советской исторической науке: с одной стороны, оно рассматривалось как выступление «реакционного» духовенства против более «прогрессивных» форм общественных отношений, внедрявшихся после завоевания Средней Азии; с другой – как «антиколониальное» восстание.

Храм в стране пустынь

Самолет взлетел навстречу закатному солнцу, подсвечивавшему небо розовой, зеленоватой и желтой пастелью. Через несколько минут мгла небес смешалась с непроглядной мглой пустыни, и только длинный золотистый пунктир определял, что внизу – земля, точнее – пустыня Руб-эль-Хали, одна из крупнейших в мире. И через пустыню тянулась электрифицированная дорога. Это было тридцать лет назад, но именно золотистый пунктир остался в памяти главным впечатлением от Объединенных Арабских Эмиратов.

С тех пор эта страна-«бензоколонка» изменилась неузнаваемо. Колоссальный прорыв в экономическом и социальном развитии. В пустыне выросли города с шестиполосными автодорогами, эстакадами и развязками. Футуристический облик этих городов поражает: архитектурное разнообразие, гармония комплексов высотных сооружений и фантастических зданий-муравейников, возведенных на песке, в том числе и на искусственных островах в Персидском (здесь – в Арабском!) заливе. Кто все это построил? Для кого такие богатства, такая роскошь?

Около 90 процентов жителей ОАЭ – экспаты, или иммигранты. Со стороны трудно представить такое смешение, сосуществование и сотрудничество различных человеческих типов, языков, религий и национальностей! Похоже, это единственная страна, где ты не чувствуешь себя иностранцем, чужаком. Здесь почти все – «понаехавшие», почти все – «неместные». И при этом очень уважительны, терпимы и доброжелательны друг к другу.

Местных, эмиратцев, легко опознать по национальной одежде. Мужчины в белом: длинная рубаха – *кандура*, на голове платок – *гутра* и черный плетеный ободок – *игаль*. Женщины в черном: длинный широкий плащ – *абайя*, на голове тонкая струящаяся шаль – *шейла* или *хиджаб*. Эмиратцы не смешиваются с экспатами, они держатся на расстоянии, живут скрытой от посторонних глаз жизнью, со вкусом и размеренно, – большими семьями в огромных виллах за глухими заборами (в высотках живут экспаты). Почти в каждом квартале – мечеть. И певучие голоса муэдзинов, читающих азан, многократным эхом разносятся из динамиков, установленных на минаретах.

Эмираты – многоконфессиональная страна. Местные жители и проживающие иностранцы с уважением относятся к другим религиям и религиозным традициям.

В Абу-Даби, Дубае и Шардже действуют христианские церкви, буддистские храмы, синагоги и молельные дома. В Шардже с 2013 года открыт русский православный храм святого апостола Филиппа – первый и единственный на всем Аравийском полуострове.

Еще в «лихие девяностые», когда волны «новых русских» и иже с ними докатились до Аравийского полуострова, когда люди стали здесь обживать и укореняться, встал вопрос: где же молиться православным в мире ислама? Тогда и заговорили о строительстве православного храма. Власти Шарджи и Объединенных Арабских Эмиратов отнеслись к просьбе с пониманием, выделили под строительство храма землю, но с условием, что храм будет без крестов и без колоколов. Питерские архитекторы под руководством Юрия Кирса предложили проект пятиугольного шатрового храма, к которому примыкает трехэтажный культурно-просветительский центр. Прихожане рассказывали, будто бы строители-индусы, узнав, что на пяти куполах поставят золотые ажурные кресты, были сильно удивлены. Но оказалось, что об установке крестов лично распорядился правитель Шарджи шейх доктор Султан бин Мухаммад аль-Касими, значит, так тому и быть.

9 сентября 2007 года состоялась закладка первого камня в здание храма святого апостола Филиппа, в присутствии Патриарха Кирилла (тогда еще митрополита Смоленского и Калининградского), наследного принца эмирата Шарджа шейха Исама бин Сакр аль-Касими, замминистра иностранных дел РФ Александра Салтанова и архимандрита Александра (Заркешева), тогда еще игумена.

Строительство, богатая внутренняя отделка, оборудование и убранство финансировались прихожанами, но основной вклад сделал ставший ктиторм храма предприниматель Юрий Сидоренко. Бежевые стены храма гармонируют с песчаными ландшафтами и вписываются в городскую застройку, бирюзовые купола увенчаны ажурными золотыми крестами.

Настоятель храма – архимандрит Александр (Заркешев), вдохновенный проповедник, несколько лет окормлявший православную общину как игумен и настоятель Свято-Николаевского собора в Тегеране. Отцу Александру, видимо, близок по духу образ святого апостола Филиппа, который путешествовал и проповедовал в Самарии, Сирии, Малой Азии и на Ближнем Востоке.

В храме святого апостола Филиппа очень светло, прохладно, много именных икон, особенно великомучениц. Родители с детьми находятся на галерее вверху. Там же и приходской хор с профессиональным регентом. Перед причастием общая исповедь. Прихожане – в основном русские, украинцы, молдаване; заглядывают и эфиопы.

Приход разрастается, особенно в последнее время, когда в Эмираты приехали работать и жить почти полмиллиона русских. Храм стал еще и культурным центром, объединяющим верующих всех семи эмиратов. При храме работает воскресная школа, проводятся занятия по Закону Божьему и по русскому языку, устраиваются детские праздники и представления; открыта картинная галерея. На Пасху,

Рождество, Богоявление храм уже не вмещает верующих, стекающихся сюда семьями, чтобы помолиться, причаститься и встретиться с соотечественниками, – словно побывать на родине. Когда на Вербное воскресенье из России доставили вербу, а на Пасху – куличи, пасхи и... соленые огурцы да квашеную капусту, – всех охватила такая радость, такое ощущение родства!..

...Осенью прошлого года я впервые побывала в Великом Новгороде. Сколько же в этом небольшом, по нынешним меркам, городе старинных храмов! Почти на каждой улице, через улицу, через квартал... Не зря город называли Великим! И не о размерах речь – о Духе его и силе. И здесь же действует храм святого апостола Филиппа, построенный еще в XII веке. Деревянный храм несколько раз горел, и в XIV веке построили каменный. Именно храм святого апостола Филиппа в советское время был единственной действующей церковью Великого Новгорода.

Храмы во имя святого апостола Филиппа встречаются нечасто. Вот и вспомнился дорогой моему сердцу храм-«тезка» в аравийской Шардже. Храм, куда хочется вернуться.

«Пусть идеи возникают в головах читателей»

На вопросы ВС отвечает поэт, прозаик и драматург Дмитрий ДАНИЛОВ

– Дмитрий, обычно беседы с поэтами в этой рубрике начинаются с традиционного вопроса: какова была его (или ее) история прихода в Церковь. Но в своем недавнем интервью журналу «Фома»* (рекомендую прочесть его и читателям ВС) вы уже подробно об этом рассказали... Поэтому начну с вопроса: а когда в ваших стихах появилась, условно говоря, христианская тема? Сразу? Кстати, и стихи ведь появились тоже не сразу, где-то первые лет восемь публиковалась проза... Но уже в вашей первой «толстожурнальной» публикации, в «Октябре» (2015, № 1), было стихотворение «Пасха»...

– Да, я начинал как прозаик, стихи стал писать уже в зрелом возрасте, после сорока, систематически их пишу примерно с 2013 года. Они возникли как результат внутренней потребности к более спонтанному, лирическому, эмоциональному высказыванию, нежели проза. Стихи я пишу по принципу, который очень грубо и упрощенно можно описать словами «накатило – написал». И почти сразу в них стала то и дело проскальзывать христианская тема, просто потому, что я иногда (часто) об этих вопросах задумываюсь.

– А когда возникла эта поэтическая форма – длинный, порой с трудом завершаемый монолог, с вкраплениями воспоминаний, наблюдений, размышлений?..

– Эта форма возникла с самого начала. У меня есть буквально считанное количество стихотворений коротких, а силлаботонических и вовсе нет, только верлибры. И в основном длинные или очень длинные (бывает страниц по семь). Есть

* Дмитрий Данилов: «Мне отвратительно деление людей на рукопожатных и нерукопожатных». <Беседовала Инна Волошина> // Сайт журнала «Фома». 13 марта 2024 г. (URL: <https://foma.ru/dmitrij-danilov-mne-otvratitelno-delenie-ljudej-na-rukopozhatnyh-i-nerukopozhatnyh.html>)

написанное верлибром оперное либретто «Путь к сердцу», фактически большая поэма почти на сорок страниц. Как-то так сложилось само, естественным образом. Это (большие верлибры) не было результатом какого-то сознательного выбора. Просто я с самого начала чувствовал и понимал, что рифма и фиксированный размер – это лишние, не нужные мне инструменты. Правда, должен признаться, что я и не владею искусством рифмы. Это тот случай, когда ты чего-то не умеешь, но оно тебе и не нужно. Примерно как управлять шагающим экскаватором или бегать на 110 метров с барьерами: да, не умею этого делать, но, в общем-то, и нет такой необходимости.

И вот эта форма монолога, который, вы совершенно правы, иногда прямо-таки трудно завершить, тоже сложилась спонтанно. Это для меня похоже на устное, на-верное, высказывание, когда говоришь, говоришь, и все время кажется, что что-то не договорил, но надо все-таки уже останавливаться.

– Кто, на ваш взгляд, более «отзывчив» к христианской тематике – Данилов-поэт или Данилов-прозаик?

– Однозначно – поэт. В прозе у меня практически отсутствует религиозная тема, за какими-то совсем редкими исключениями. Я вообще считаю, что в прозу и драматургию не следует «тащить» какие-то свои, условно говоря, «идеи». Я говорю на своем драматургическом курсе: если у вас есть много интересных идей (или одна интересная идея) и вы хотите поделиться ими с миром, сядьте и напишите философский трактат. Когда автор пишет художественное произведение (и особенно это касается как раз прозы) как рупор для трансляции собственных мировоззренческих концепций, вкладывает эти концепции в уста героев, они всегда торчат в тексте белыми нитками. Раньше, например, в XIX веке, это еще как-то работало, а сейчас, по-моему, уже нет. Пусть идеи возникают в головах читателей. И мне всегда интересно, когда читатели и зрители спектаклей по-разному понимают, трактуют произведение. Это гораздо интереснее, чем «идейная диктатура» автора.

Но в стихах я себе позволяю говорить что-то о религии, о моем к ней отношении. Но это трансляция не каких-то моих «идей», а, скорее, просто ощущений, эмоций, настроений, чего-то такого, довольно эфемерного. Собственно, в религиозном плане никаких особых идей у меня нет, я стараюсь в области идей придерживаться православной догматики и не придумывать ничего «своего».

– Чеслав Милош заметил: «К пишущим о литературе и искусстве относятся с почтением, однако, как только в тексте появляются понятия, взятые из языка религии, это сразу же вызывает тихое неприятие, словно был нарушен молчаливый уговор». Можно ли это применить также и к поэтам, в чьих стихах появляются слова, «взятые из языка религии»? И чувствовали ли вы сами это неприятие, читая или публикуя такие стихи?

– Да, есть такая проблема. Признаюсь, я довольно часто испытываю неприятие, отторжение текста, когда читаю стихи (и не только стихи) религиозной тематики.

Религиозная лирика – очень рискованный жанр. По моим наблюдениям, на одно удачное стихотворение этого жанра приходится тонны текстов, содержащих, простите, сентиментальные розовые сопли или, наоборот, глупую непримиримость и агрессию. Да, трудно работать в этом жанре, и я понимаю, что, наверное, и мои тексты этого рода у многих вызывают отторжение. Хотя с какими-то резкими откликами, которые бы мне запомнились, я, пожалуй, не сталкивался.

– Вопрос, который обычно задаю собеседникам в этой рубрике. Есть ли у вас какие-то свои, наиболее близкие вам тексты из Священного Писания?

– Не могу этого объяснить, но почему-то очень острую эмоциональную реакцию вызывает у меня псалом 136 «На реках вавилонских». Буквально не могу его читать без слез, физически. Не знаю, почему у меня на него такая реакция, но факт.

– У меня этот псалом вызывает близкую реакцию... И у вас есть даже стихотворение об этом, тоже очень мне близкое... А кто из современных поэтов, пишущих стихи на, условно говоря, христианскую тему, вам наиболее интересен?

– Отец Сергей Круглов, Фёдор Сваровский, Олег Пащенко.

– Хотел еще задать вопрос о вашем лирическом герое. Рефлексирующем, остро переживающем несовершенство мира и свое собственное несовершенство. В том числе и религиозное – невозможность жить «по заповедям» (в стихотворении «Просящему у тебя дай», и не только), невозможность сохранить состояние умиротворенной радости... А вы каким его видите?

– Трудно, конечно, что-то говорить о лирическом герое, то есть фактически о самом себе. Но если всё же нужно что-то ответить, то, наверное, я его вижу вот именно таким, как вы его обозначили – остро переживающим несовершенство мира и собственное несовершенство. Впрочем, можно ограничиться несовершенством собственным. Для совершенного и мир становится совершенным. Несоввершенство мира – это только отражение моего собственного несовершенства, это я прекрасно понимаю.

– Религиозная тема в ваших стихах, как мне показалось, часто соседствует с темой футбольной. Иногда даже в одном и том же стихотворении. Например, в «Я не думал, что будет так», «Бари», «Рай»... Такое неожиданное сплетение вещей, вроде бы, далековатых. У меня не возникло ощущение какой-то концептуальной задуманности такого соседства. Вы сами задумывались над этим?

– Признаться, нет, как-то не думал об этом. Наверное, это просто отражение общей спонтанности моей стихотворной практики. Как я говорил, «накатило – написал». А накатывает разное, в том числе и вот такие странные сближения бывают.

«Пусть идеи возникают в головах читателей». Поэт, прозаик и драматург Дмитрий ДАНИЛОВ

Я это никак специально не концептуализировал. Тут остается только произнести какую-нибудь банальность типа «всё в этом мире связано со всем»...

Пасха

Господи, Господи
Помилуй мя (меня)
Грешного (грешного)
Должен Тебе сказать
Что-то такое
Что трудно сказать
В какой-то другой форме
Например, в форме исповеди
Потому что это не грех
В прямом смысле этого слова
Хотя, конечно
Грех, грех
В некоем высшем смысле
Ну, в общем
Как бы это сказать
Наступила Пасха
Светлое Твое Воскресение
Господи
В книгах написано словосочетание
Пасхальная радость
Которую надо чувствовать
Ощущать пасхальную радость
Я, честно говоря
Ее не чувствую, не ощущаю
Совершенно не ощущаю
Пасхальную радость
Как она описана в книгах
Ну то есть саму по себе
Да, был Великий пост
Не то чтобы я его сильно соблюдал
Но все же
Ограничивал себя в том и этом
В чем-то слегка ограничивал
И вот наступил тот день
Когда можно себя более

Не ограничивать
В каких-то вещах
Например, можно употребить
В пищу так называемое мясо
И можно употребить, например
Алкоголь
Не то чтобы алкоголь
Совсем не был употребляем
В течение Великого поста
Был, был
Но это было как бы украдкой
От Тебя
А теперь вроде бы Ты разрешаешь
Значит, теки, алкоголь
Широким потоком
Широкой струей
Широкой струей – в широком смысле
Просто типа теперь можно
И мясо можно
Ну и вообще
Как прекрасно это ночное разговение
После ночной
Пасхальной службы
Набор изысканных кушаний
Бутылка французского вина
Хорошего, хорошего
Красного, красного
Ну и белого тоже
Можно, можно, можно
Можно, можно теперь
Ну и я, собственно
Возвращаюсь к теме
Пасхальной радости
К моему сожалению
Должен признать, Господи
Что моя пасхальная радость
Сводится к тому, что
Можно снять с себя
Хомут некоторых нетрудных ограничений
И весна, опять-таки
Весна
Не весна спасения нашего

Каковыми словами обозначается
Великий пост
А просто весна
Тепло, хорошо
Можно надеть джинсовую куртку
Вместо куртки зимней
Можно сидеть на скамейках в парках
И, например, пить
Дозволенный (Тобой) теперь
Алкоголь
Например, хотя это и необязательно
И вообще, можно как бы не задумываться
Весна, Москва, идти, ехать
Трамваи, троллейбусы
Метро, парки
Скамейки, алкоголь
Славная ты наша
Славная мирская жизнь
Москва, опять же
Москва – это лучшее место
Для мирской жизни
Все здесь для этого приспособлено
Все, что нужно
Работает круглосуточно
Город, который никогда не спит
Да и просто красиво
Если выйти, например
На набережную или на мост
Рядом с Кремлем
То дух захватит от прекрасности
Особенно если не жить здесь
И не видеть всего этого постоянно
По праву рождения
По счастливому праву рождения здесь
В благословенной нашей Москве
Впрочем, это уже другая тема
Господи, Господи
Вот так и происходит для меня
Твоя Пасха
Сначала небольшое напряжение
А потом Великое Расслабление
И вся пасхальная радость

Надо честно признаться
Закljučается вот именно в этом
Великом Расслаблении
Что можно некоторое время
Все жрать
И можно, в принципе, пить
В разумных, конечно, пределах
И вообще можно как-то внутренне
Расслабиться
Внутренне, внутренне
И потом сказать себе:
Да, все же надо
Как-то собраться
И одолеть очередной пост
И потом опять, опять
И опять сначала
Как пел Егор Летов
Который, может быть
И вовсе не соблюдал
Никаких постов

Господи
Положение мое безрадостно
Хотел написать
«Как Ты можешь судить
По написанным выше строчкам»
Но Ты и так, без написанных строчек
Можешь об этом судить
Все же, судя по тому
Что жизнь моя пока продолжается
(Я надеюсь)
Есть все же какой-то шанс
Какой-то еще смысл имеется
Что-то, может, глядишь
Изменится к лучшему
И, может быть,
Когда-нибудь
Господи, Господи
Хочу Тебя попросить
Может быть, когда-нибудь
Удастся все же понять
Что же такое эта самая
Пасхальная радость

На реках вавилонских

Случайно услышал
Ролик группы Boney M.
Мы все очень любили ее
В детстве и отрочестве
Мелодичная такая
Иностранная, заграничная
Группа Boney M.
Мы все дико любили ее
Непонятно за что
И вот
Как-то выскочил ролик на ютубе
Группа Boney M.
Песня Rivers of Babylon

Они поют про то
Как их ведут в Вавилон
И просят
Нет, не просят, а требуют
Спеть их песни
Песни сионские

В общем-то, всегда было известно
Что это краткое, вольное
Негритянское изложение
Псалма 136

На реках вавилонских
Тамо седоном и плахом
Внегда помянути нам Сиона

И сейчас, слушая эту веселую песню
Вспомнил об этом
Да, эта веселая, с приплясываниями
Песня
Это псалом 136
На реках вавилонских

Почему-то всегда
Когда приходилось читать
Этот псалом

Не мог толком читать
И начинал плакать
Да, вот так вот
Это, конечно, стыдно

Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя
Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще
не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего

На этих словах каждый раз
Начинались слезы
Не просто слезы
Судорожные рыдания
Какой-то кошмар
Нельзя же так
Взрослый же человек

Это очень странно
Это было задолго до посещения
Иерусалима

А потом случилось
Посещение Иерусалима
Это была групповая поездка
И не было, конечно, слез
И было хождение по Иерусалиму
По узким улочкам Старого города
И было ощущение нахождения внутри
Какого-то оранжевого шара
Диаметр которого примерно равен
Моему росту
И единственный раз в жизни
Возникло желание сфотографировать
Самого себя
Попросил товарища
Дал ему фотоаппарат
И попросил его сфотографировать меня
На фоне входа в храм
Гроба Господня

После этого я очень долго
Не слышал песню группы Boney M.
Rivers of Babylon

Я еще раз побывал в Иерусалиме
Это уже была индивидуальная поездка
Я остановился в отеле
В Тель-Авиве
И поехал на автобусе в Иерусалим
Зеленые такие автобусы
И приехал в Иерусалим, на автовокзал
Поехал на суперсовременном трамвае
К Старому городу
Вышел на нужной остановке
Прошел немного вперед
И увидел Старый город Иерусалима
Построенную турками желтую стену
Я шел к этой стене
И, ну как бы вам это сказать
Слезы вытекали
Из слезных протоков
С этим ничего невозможно было
Поделать

Ну вот так оно, ну вот так

Перешел улицу, подошел к стене
И просто поцеловал ее
Поцеловал стену Иерусалима

Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя
Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще
не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего

Потом вошел в Новые ворота
Посетил все, что нужно посетить
Ходил весь день по Старому городу
Как же там невообразимо хорошо
Не в смысле жить
Это я не знаю
А просто там находиться

Ходил, ходил, и вот уже вечер
Надо идти на трамвайную остановку
И ехать на автовокзал
Вышел через Яффские ворота
Пошел к остановке суперсовременного трамвая
Оглянулся

И уже не стал подходить к стене
И целовать стену
И так было много впечатлений
Накопилась усталость
И пора было ехать домой
Вернее, не домой
А в Тель-Авив
В место временного пребывания

Оглянулся
Темно уже, вечер
Желтые, построенные турками
Стены Старого города
Ярко освещены
При виде этих стен
Несколько часов назад
Произошло выделение слез
Сейчас ничего такого
Устал потому что
И пора ехать в Тель-Авив

И вернулся в Россию
И жизнь продолжилась
С переменным успехом

И вот опять вдруг
Песня группы Bone U.
О вавилонском пленении
О том, как евреев вели в плен
И о том, как ведшие их
Просили их петь
Песни Сионские

Как-то вдруг это случайно
Как-то это вот, непонятно откуда взялось
Вдруг зазвучала эта песня
И вспомнился псалом 136
Яко тамо вопросиша ны пленшии нас о словесех песней и
ведшии нас о пении: воспойте нам от песней Сионских.
Како воспоем песнь Господню на земли чуждей?

И что тут еще сказать
Пора уже заканчивать это стихотворение

Оно заканчивается
Оно ни о чем
О городе, в котором когда-то был
О любимом городе
Ну или об одном из любимых
Но это не имеет особого значения
Нужно как-то продлевать жизнь
Что-то еще делать
И вот мы стоим
Посреди огромной
Асфальтированной площадки
Рядом с метро «Выхино»
Едем в метро
Идем по улице
Например, Тверская
Или Ленинский проспект
Или еще по какой-нибудь улице
Делаем свои дела
И у нас все плохо, или хорошо

Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя
Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще
не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего

Александра СПИРИДОНОВА

ТЫКВЫ

Вспыхнула, выпрямилась, потянулась вверх весенним радостным лепестком. Монос осторожно, как ребенка, обхватил ладонями горящую лучину, поднял и вместе с ней потянулся к густо посыпанному крупной звездной солью небу. Золотые, розовые, белые крупинки. Соль ангелов.

«Отец небесный, Господь мой милостивый, Утешитель Святой», – начал Монос, собираясь с мыслями и духом.

Непростой предстоял разговор. Надо как-то объясниться. Надо, но он не знал, что сказать. Странно всё получилось.

«Благодарю, Боже милостивый, за сегодняшний день, – продолжал про себя Монос. – Прости, если прожит он мною худо... А за детей спасибо. Благослови их, да будут здоровы, разумны... счастливы. Благослови светом Царствия Твоего, которое да придет в их сердца и наши...»

Монос мысленно запнулся. Не чувствовал он привычной легкости. Нет, с детьми всё правильно. Может быть. Но тыквы-то, тыквы...

«А всё-таки благослови их, Господи, – неожиданно продолжил. – И всех добрых людей. Не виноваты ведь, что о них прошу я, недостойный».

Плечо дернулось, в спину отдало острой болью. Монос чуть не выронил лучину. Удержал всё же, вцепившись в нее, как тонущий в соломинку. Отдышался. Боль понемногу отпускала. Памятка от добрых людей. Крестьяне искали овцекрадов. Увидев Моноса, приняли за одного из них. Случается, что ж. Вид у него, в самом деле, диковатый, и в пещере живет, а все знают, что овцекрады в пещерах себе пристанище находят. Вот и бросились бить, не разобравшись. Монос зла на них не держит. Хорошие люди. Погорячились немного, да не убили же. Правду говоря, могли убить, если б не увидели, разорвав на нем ветхую одежду, деревянный крест, больше обычного нательного. Тут только сообразили, что овцекрад в руки бы так просто не дался, убежать бы стал, а не вышел навстречу. Нож бы в ход пустил. И уж точно не сказал бы: «Слава Тебе, Господи», – пока еще мог говорить. Вспомнили рассказы монахов из монастыря за перевалом о горном отшельнике. Испугались, отскочили от Моноса. Вновь кинулись – поднимать,

кровь оттирать, в сознание приводить. В толкотне чуть опять не задавили, да, слава Богу, обошлось.

На другой день пришли всем селом. Стояли, переминаясь, опустив головы, мучительно подбирая скудные слова. От этой их тяжелой виноватости Монос тоже почувствовал себя виноватым. Ну зачем он так не вовремя вернулся с огорода? Объясниться, к тому же, не сумел. Надо было как-то по-другому себя вести. Они же думают, что раз отшельник, значит, мудрый. А какой он мудрый? Ввел людей в грех...

Монос не знал, что делать, и тоже опустил голову. Вдруг придумал. Заторопился:

– Подождите. Я сейчас...

Вернулся, хромая, в пещеру. Вынес из нее весь запас на зиму, собранный с возделанного им огорода. Чеснок, тыквы, сушеные ягоды. Сложил у ног пришедших. Прощения попросил за то, что огорчил их. И ушел за гору, чтобы в тишине попросить прощения у Бога.

Люди остались. Ошалело смотрели на чеснок и тыквы, силясь понять, что произошло. Переглядывались, перекидывались растерянными, грубыми, от неожиданности случившегося, замечаниями. А после, словно по уговору, кинулись в деревню – и тут же назад. Принесли отшельнику вяленых уток, яйца, овечий сыр, мед, хлеб пастуший. Оставили рядом с его тыквами. Уходили тихо. Не пачкали скверными словами прозрачно-синий воздух, не сплевывали на камни. Порывисто крестились, чувствуя в душе что-то смутное, незнакомое, – хорошее.

Наступила ночь. Ангелы высыпали полное решето звездной соли. Соль падала на землю, окутывая отшельника мерцающим светом. Он шел в звездном сиянии, и встретить его кто-нибудь на тропе, принял бы за видение, если бы видение неожиданно не чихнуло. Видно, соленая пыль попала в нос.

У пещеры Монос увидел крестьянское приношение и ахнул. Всплеснул руками. Ну зачем? Зачем ему столько? Да еще такая богатая еда. Лучшее люди принесли, от себя, от детей и жен своих оторвали. Вот незадача...

Вернуть? Не выйдет. Люди решат, что он обиду на них держит, да еще и сами отказом обидятся.

Отнесу в монастырь, решил Монос.

Наутро погрузил в самодельную тележку крестьянские дары. Хотел и свои тыквы добавить, но они уже не поместились. Зашагал вниз, к перевалу, за которым был ближайший монастырь.

Славный день. Ясный, как рай. Весело свистела невидимая птаха в ветвях низкорослой дикой яблони, беспечно грелись на камнях серые ящерицы, подставляя последнему теплу сухую, цепкую до жизни плоть. Царившая вокруг благодать влилась в сердце Моноса, и он не удержался – запел гимн святого Амвросия. Петь Монос обычно остерегался, голос у него был простуженный, скрипучий, для гимнов совсем неподходящий. Но сейчас он не находил другого способа выразить переполнявшее его счастье.

Дойдя до слов: «Отверзл еси верующим Царство Небесное...», – Монос услышал шевеление в придорожных кустах. Оглянулся.

Кусты зашевелились сильнее, словно кто-то пытался отползти подальше от дороги.

Монос оставил тележку, подошел, раздвинул терновник.

На него испуганно и угрюмо смотрела перепачканная в дорожной пыли девочка лет восьми-девяти.

– Ты от кого прячешься? – Монос старался говорить строго и внушительно.

Лицо девочки скривилось, она как-то вдруг обмякла вся...

– Не плачь, не плачь, – торопливо проговорил Монос. – Не бойся, не обижу. Ох, да что ж это ты так перепугалась? Кого?

Девочка заскулила, страшно, совсем не по-детски. Так скулят навидавшиеся горя взрослые женщины.

– Не бойся, слышишь? – Монос старался говорить успокаивающе, бережно. – Господь поможет, беда минует. Вылезай. Я тебя домой отведу.

Он протянул руку.

Девочка рванулась назад, попыталась глубже залезть в кусты, но терновник был слишком густой, у нее ничего не получилось.

Монос покачал головой. Вдруг догадался.

– Есть хочешь?

Вынул из тележки хлеб, отломил кусок, протянул девочке.

Девочка впилась в хлеб голодным, обреченным взглядом. Замычала. Плача, полезла из кустов на дорогу.

Монос отдал хлеб. Она накинулась на еду, запихивая в рот ломкие, острые куски. Крошки, сухо стуча, сыпались в дорожную пыль.

Монос осторожно взял ее за руку, забрал хлеб.

– Давай-ка, я тебе помогу.

Усадил ее на белый, нагретый солнцем валун у дороги, быстро помолился, разломил хлеб и стал подавать ей вместе с утиным мясом и другими припасами из тележки.

Она ела, а Моносу вдруг вспомнилось, как мальчишкой тех же лет убегал в маленький монастырь на окраине большого, шумного, равнодушного города, в конце улицы, на которой стоял родительский дом. Прятался в монастырской церкви, долго смотрел на лики святых, на свет, лившийся из узких окон, словно из разноцветных стеклянных сосудов. Смотрел и думал, что рай, это, наверное, и есть тишина и свет; что-то надежное, простое, лишним не измазанное. Смотрел и думал, пока его не находили монахи. Они кормили его, вот так же, как он сейчас кормит эту девочку. Рассказывали истории о святых, что смотрели на него со стен, – большинство из них были отшельниками. Поговорив и накормив, монахи отправляли Моноса домой с наказом слушаться родителей. Он уходил, зная, что завтра вернется. Иногда по дороге встречал свою соседку, сверстницу, которая в сопровождении матери и служанки шла в церковь. Она всегда была сосредоточенна и серьезна. Монос знал, что родители заранее прочат их свадьбу, но думал

совсем о другом. О том, что, когда вырастет, придет в монастырь, а потом тоже сделается отшельником, как те святые на стенах.

Девочка, наконец, наелась.

– Вот и ладно, – поднялся Монос. – А теперь пойдем.

Он показал вниз, в сторону ближайшего села.

Девочка замотала головой. В глазах ее снова зажегся страх.

Что же делать? Судя по всему, она не слышит и не говорит. Может, притворяется? Может, и притворяется. Одно понятно – к людям идти не хочет. То ли они ее обидели, то ли... она их? В миру по-всякому случается. Но не бросать же ее здесь совсем одну.

Вдруг девочка замычала и потянула Моноса за рукав, показывая на дорогу в обратном направлении – вверх.

– Ты там живешь? – удивленно спросил Монос. – Но ты же не из верхнего села?

Девочка продолжала мычать и показывать на дорогу. Ничего не оставалось, как идти за ней.

За поворотом, у розовой от солнечного света скалы, девочка показала на едва приметную в кустарнике тропинку. Проворно полезла по ней вверх, туда, где кустарник переходил в редкий горный лес. Монос полез за ней. Тележку пришлось оставить в терновнике.

Тропинка долго петляла среди валунов, маленьких водопадов, старых орешин, пока не вывела их к хижине, почти по крышу вросшей в землю. Густой мох покрывал стены, крышу засыпали прошлогодние листья.

Девочка приотворила дверь и юркнула внутрь. Монос вошел следом.

Внутри было темно, но глаза Моноса, привыкшие к темноте пещеры, быстро разглядели давно потухший очаг, постель из листьев, а на ней – ребенка. Тоже девочка, лет четырех. Она сидела тихо, не шевелясь, смотря на вошедшего огромными – такие только на иконе увидишь – глазами.

Сестра, понял Монос.

Что же случилось? Почему эти двое живут в лесу? И чем живут?

– Ладно, – решительно сказал Монос. – Что бы там ни было, негоже вам голодными тут сидеть.

Знаками показал девочке, что надо идти вниз, принести еду. Та поняла, побежала за ним. На себе они перенесли содержимое тележки в хижину. Накормили младшую. После Монос попытался объяснить, что ему надо идти, но он вернется. Поняла девочка или нет, но осталась сидеть возле сестренки, когда он вышел и затворил за собой замшелую, в пятнах лишайника, дверь. Может быть, ей спокойнее, что чужой человек уходит, подумалось Моносу. И только подумалось, как девочка выскочила наружу, ухватилась за его руку, прижалась к ней. Тихо отпустила и ушла обратно, глядя в землю.

Монос сокрушенно и жалостливо покачал головой. Развел руками. Воззвал к Богу о вразумлении. Что-то надо было придумать. Нельзя же им здесь... неправильно это.

И что теперь делать с обещанием? Он ведь шел крестьянские дары монастырю отдать. Свое же слово нарушил. Нехорошо. Надо как-то исправить.

Монос вспомнил о тыквах, которые еще оставались в пещере. Их и отдам, решил. Попощусь зимой немного, что с того? Слово, Богу данное, сдержать важнее. И расспросить надо монастырских, не знают ли что о детях в лесу. Если те не знают, в нижнее село спуститься, там спросить. Наверняка отыщутся родственники, всё прояснится и окажется не так плохо, как ему подумалось.

В первый раз Монос вышел в дорогу рано, еще до света, потому, вернувшись и снова доверху нагрузив тележку, решил не мешкать, тут же отправиться назад. Может, успеет еще до ночи в монастырь попасть. Чем скорее, тем лучше.

Монос быстро катил тележку по знакомой дороге. Занятый мыслями о нежданно встретившихся ему детям, он не замечал теперь ни ящериц на камнях, ни птичьего свиста в деревьях, только старался ускорить шаг. Тележка подпрыгивала на ухабах и выбоинах, тыквы подпрыгивали вместе с ней – забавное было бы зрелище, если б не озабоченное лицо того, кто их вез.

Внезапно Моносом овладело беспокойство. Он не знал, почему, но нужно спешить.

Тропинка сделала очередной виток вниз. Монос обогнул скалу и заметил вдалеке какое-то движение. Кажется, люди. Много людей.

Монос почти побежал со своей тележкой, но когда достиг знакомого места, где нашел глухонемую, дорога уже опустела. Только пронзительно кричали, кружа над лесом, перепуганные горные птицы.

Бросив тележку, Монос полез вверх, к стоявшей в лесу хижине. Господи, помоги! Защити тех сирот! Если они что и натворили, то, верно же, не со зла, а по незнанию. Просто есть хотели. Просто хотели есть...

Хрипя от надсады, Монос одолел тропинку. Выбежал на узкую полянку под огромными древними грабами, где хижина стояла.

Прежде стояла.

Не веря глазам, смотрел Монос на обугленные бревна, среди которых вспыхивал, гас, снова вырывался на волю злой, жадный к добыче огонь. Липкий, грязный дым валил от пожарища, в нем кружились хлопья золы, взлетали к почерневшим ветвям деревьев, падали на такую же черную землю.

Монос упал на колени возле шершавого дерева с лопнувшей от жара корой. Не успел!

Горечь поднялась в душе, горечь заполнила ее. Текли слезы по худому, острому лицу, скользили в длинной бороде, падали на погубленную огнем землю.

Ничего он не может. Ни уйти от людей, ни помочь людям. Недостоин такой в пустыне жить. Не отшельник он, а насмешка над святым и великим призванием.

Прости, Господи... прости...

Что-то настороженно шевельнулось позади него. Потом еще раз.

Монос вскочил. Обошел дерево – никого. Подошел к другому, росшему чуть поодаль.

Мох, покрывавший корни дерева, задвигался, открывая то ли дупло, то ли нору. Из норы высунулось знакомое, перепачканное пылью лицо, с тем же испугом в глазах.

Слава Тебе! И прости, что нет времени возблагодарить Тебя по-настоящему. У людей вечно так, худо ли творят, добро ли. Вечно нет времени.

Монос протянул девочке руку, другую прижимая к своим губам, показывая, что надо быть осторожной. Девочка исчезла в темноте. Снова появилась, передала Моносу младшую сестру. Отшельника, как и в первый раз, поразили взгляд этого ребенка: в нем не было страха, лишь скорбная и серьезная сосредоточенность.

Монос подхватил младшую, кивнул старшей, и все вместе они спешно устремились к дороге.

Почти в конце спуска отшельник передал меньшую ее сестре. Спустился на дорогу, огляделся. Ни души. Тележка стояла там, где он ее оставил, и тыквы лежали на своем месте. Без него тут никто не проходил.

Монос махнул рукой, показывая, что можно спускаться. Торопливо вывалил тыквы в кусты. Усадил детей в тележку. Подумал мгновение, поднял с земли пару тыкв, кинул в руки старшей девочки. Не мешкая более, покатило прочь.

Они шли долго. Миновали монастырь. Монос посмотрел на тыквы, которые всё еще прижимала к себе старшая, опустил голову и зашептал покаянную молитву.

Он придет сюда. Должен прийти. В следующем году, в эту же пору. А пока их путь лежит дальше, в город. Большой и шумный город, который Монос оставил, как думалось ему, навсегда. Там, на знакомой улице, тоже стоит монастырь, и живут в нем сестры, давшие обет растить и оберегать сирот. А его соседка, что прочили ему в жены, стала настоятельницей. К ней вез отшельник так неожиданно встреченных им детей.

Впрочем, отшельник ли он, позволительно ли ему теперь пребывать в пустыне, раз нарушил обет уединения? Об этом отец его духовный скажет, а Монос знал только, что нужно сейчас отвезти детей туда, где их ждут ласка, любовь и покой, которых они, возможно, никогда и не знали.

Солнце, устав светить, пошло на закат. Дорога сделалась шире, стали попадаться люди. Крестьяне из ближних сел возвращались с воскресного базара, паломники шли к городу, а оттуда – к дальним святыням.

Монос свернул с дороги. Нашел место, защищенное от ветра. Наломал сухих колючих веток. Развел костер, благо кремь и кресало всегда с собой носил, чтобы везде можно было перед вечерней молитвой зажечь свечу, сделанную из брошенных сот диких пчел. Теперь свечи остались в пещере.

Монос испек тыкву в горячей золе, накормил детей. Дождь, пока они уснут. Зажег лучину и вслед за огоньком потянулся к ночному небу. Непростой предстоял разговор. Монос чувствовал вину за неисполненное обещание и нарушенный обет, но одно знал точно – повторись всё, поступил бы он точно так же.

Небо прозрачно розовело, когда Монос завершил молитву. От усталости гла-

за его сами собой закрывались. Он присел у остывшего костра, положил голову на колени, так и уснул.

Он спал и видел себя в церкви своего детства. Церковь была необычно светла – такого счастливого света не найдешь на земле даже в праздники. Свет падал из подкупольной высоты, лился из окон, ласково обнимал Моноса, и тот не чувствовал тела, будто парил над землей. Мир и радостное удивление наполняли его сердце.

В том дивном свете отшельник увидел, что вся церковь уставлена тыквами. Между ними сидели глухонемая девочка и ее сестра, играя большими оранжевыми и зелеными плодами.

Зачем тут тыквы, подумал Монос. И можно ли, чтобы дети тут играли? Но младшая сестра взглянула на него строго, и отшельник не решился ничего сказать.

АВТОРЫ НОМЕРА

АЛИМДЖАНОВ Бахтиёр – историк, кандидат исторических наук; область исследований – история Средней Азии в колониальный период. Старший научный сотрудник Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни. Живет в Ташкенте.

ВОЛКОВА Софья – инженер. Работала в проектно-институте «Узгипроводхоз», на заводе «Ташсельмаш», преподавала в Мирзо-Улугбекском колледже информатики; в настоящее время на пенсии. Живет в Ташкенте.

ДАНИЛОВ Дмитрий – поэт, прозаик, драматург. Публиковался в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Урал». Лауреат премии Андрея Белого, премии «Ясная Поляна», финалист премии «Большая Книга»; с 2022 года – председатель Совета экспертов «Большой Книги». Живет в Москве.

КЛИМОВА Галина – поэт, переводчик, прозаик. Секретарь Союза писателей Москвы, член Международного союза журналистов. Автор четырех книг стихов. Завотделом поэзии журнала «Дружба народов». Живет в Москве.

Иерей Сергей КРУГЛОВ – клирик Спасского кафедрального собора г. Минусинска (Россия). Поэт, публицист. Лауреат премии Андрея Белого, премии «Московский счет» и других. Живет в Минусинске.

СПИРИДОНОВА Александра – поэт, прозаик. Публиковалась в журнале «Звезда Востока» и других. Работала журналистом в различных республиканских изданиях. Живет в Ташкенте.

Протоиерей Сергей СТАЦЕНКО – настоятель храма Александра Невского в Ташкенте, проректор Ташкентской духовной семинарии, руководитель просветительского отдела Ташкентской и Узбекистанской епархии. Живет в Ташкенте.

КАЛИНИН Михаил – поэт, эссеист. Работал редактором в издательствах «Укитувчи», «Узбекистон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда Востока», «Интерпоэзия» и других. Автор нескольких поэтических сборников. Живет в Туле.

ФЛЫГИН Юрий – историк, автор многочисленных исследований по истории Православия в Средней Азии. Руководитель Службы по научной работе Ташкентской и Узбекистанской епархии, преподаватель Ташкентской духовной семинарии. Живет в Ташкенте.

ЩАДРИН Владимир (1937–2004) – родился в Хорезмской области Узбекской ССР. Окончил физический факультет МГУ. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Знамя», «Новый мир», «Юность» и др. Жил в Москве; был чтецом в храме Петра и Павла в Лефортово, пел в церковном хоре этого храма.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Восток Свыше» принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы (статьи, эссе, воспоминания, художественную прозу, архивные документы) по следующим темам: история Православной церкви (в целом и в Средней Азии в частности); Православие в современном мире; Православие и Ислам в межрелигиозном и межкультурном диалоге; история, культура, этнография Средней Азии.

Материалы принимаются в электронном виде (в формате Microsoft Word) по адресу: vostok_svysh@mail.ru.

Поскольку в штате редакции не предусмотрен оператор компьютерного набора, материалы в виде рукописи принимаются только в особых случаях в порядке исключения.

Проверка редакционной почты – каждый понедельник. Редакция высылает на указанный автором электронный адрес краткое уведомление о получении рукописи. В течение двух недель с момента отправки уведомления автору отправляется второе письмо – о принятии материала к публикации либо об отказе.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят экспертизу с целью исключения плагиата.

Редакция также не принимает к публикации прежде опубликованные тексты (в печатных изданиях или интернете); исключение может быть сделано только для материалов, существенно переработанных (например, снабженных новыми комментариями или примечаниями).

В некоторых случаях редакция может обратиться к членам редакционного совета для внутреннего отзыва. Присланные материалы не рецензируются; материалы, полученные в виде рукописи, не возвращаются.

В случае отказа в письме указывается его основная причина; редакция оставляет за собой право не вступать в дальнейшие письменные или устные переговоры с автором отклоненного материала.

В отдельных случаях редакция может предложить автору доработать материал (сократить, дополнить и т.д.) либо принять сокращения, предлагаемые ею.

После редактуры и корректуры автору высылается последняя версия материала на утверждение. Автор в течение не более пяти календарных дней знакомится с этой версией и присылает в редакцию письменное подтверждение и (или) версию с последней авторской правкой, выделенной цветом.

В случае неполучения ответа редакция оставляет за собой право опубликовать материал без подтверждения.

Гонорары авторам не выплачиваются; предоставляется один авторский экземпляр журнала. Иногородним или зарубежным авторам авторский экземпляр передается с оказией или высылается по почте.

Номера «Востока Свыше» реализуются в церковных лавках при православных приходах Узбекистана. Полная электронная версия журнала (PDF) доступна на официальном сайте Ташкентской и Узбекистанской епархии (http://pravoslavie.uz/archdiocese/departament_diocese/ePress/Easter/Archive/index.php); электронная версия каждого номера выкладывается не ранее, чем через три месяца после выхода тиража журнала (и не позднее выхода из типографии следующего номера).

Требования по оформлению статей

Шрифт Times New Roman, кегль в основном тексте – 12, в сносках – 11. Междустрочный интервал одинарный.

Буква «ё» используется только в тех случаях, когда замена на «е» недопустима (например, в фамилиях); во всех остальных случаях – только «е».

Годы обозначаются арабскими цифрами, а не словом (например, «в 1960-е годы», а не «в шестидесятые годы»). Века обозначаются римскими цифрами. Слова «год», «век» и их производные пишутся полностью; в сносках могут сокращаться («г.», «в.»).

Для выделения цитат используются кавычки-елочки («...»). Если внутри цитаты имеются заковыченные слова, они помещаются в кавычки-лапки ("..."). Пропуски в середине цитат отмечаются многоточием в угловых скобках (<...>), в начале и в конце – многоточием.

Цитаты из Священного Писания Ветхого и Нового Завета приводятся в Синодальном переводе; ссылки на них состоят из сокращенного обозначения в круглых скобках библейских книг и указаний на главы и стихи. Пример: (Мф. 5, 47); (Мк. 2, 5-7).

Указания на другие использованные источники приводятся после цитаты или упоминания в виде концевой сноски. Знак сноски (¹, ², ³ и т.д.) ставится перед знаком препинания (точки, запятой, точки с запятой), кроме многоточия.

Сноски оформляются следующим образом:

Для цитаты из книги:

Успенский Л. Богословие иконы Православной Церкви. – Переславль: Изд-во братства во имя св. князя Александра Невского. 1997. С. 104.

Для цитаты из статьи в журнале:

Веселовский Н.И. Новые материалы для истории Кокандского ханства // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 248. С. 175.

Для цитаты из статьи в газете:

Алексеев В. Житие отца Василия // Комсомолец Узбекистана, 2 марта 1966 г. С. 3.

Для цитаты из собрания сочинений:

Бунин И.А. Из записей // Бунин И.А. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1967. С. 288–289.

Для цитаты из сборника статей:

Флыгин Ю.С. Туркестанский восемнадцатый год. Своеобразие конфессиональной ситуации // I Пасхальные чтения. Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков. Сб. мат. – Бишкек, 2013. С. 106.

Харджиев Н.И. Неизданная книга Маяковского «Для первого знакомства» // Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. В 2 тт. Т. 2. – М.: РА, 1997. С. 150.

Для цитаты из изданной за рубежом книги:

Bardaisan. Book of the Laws. Ed. H.J.W. Drijvers. – Assen: Van Gorcum, 1965. P. 61.

Для цитаты из архивного источника:

Архив Ташкентской и Узбекистанской епархии (АТУЕ). Оп. 2. Д. 15. Л. 4.

Государственный архив города Ташкента (ГАГТ). Ф. 30. Оп. 1. Д. 315. Л. 21об.

Для цитаты из Интернет-источника:

Никольская Т.М. Иконописный образ, его семантика и символика // Аналитика культурологии. 2011, № 1 (19) (URL: www.analiculturolog.ru/journal/archive/item/670-icon-painting-the-image-of-his-semantics-and-symbols.htm)

Восток Свыше

Духовный, литературно-исторический журнал
Выпуск LXIV
№ 1, январь–март 2024.

Главный редактор **Евгений Абдуллаев**
Литературный редактор **Лейла Шахназарова**
Верстка и дизайн **Александра Аносова**

Журнал зарегистрирован в Агентстве печати и информации Республики Узбекистан
Reg. № 02-15

Подписано в печать . . .2024 г.
Печать офсетная. Формат 60x84¹/₈. Тираж 1000.
Заказ № (от . . .2024).

Адрес редакции: Ташкент, 3-й тупик Азимова, 22.
Телефон 233-33-21.

Отпечатано в ИПК «GLOSSA»
100015, г. Ташкент, ул. Авлиё-Ота, 93.

www.pravoslavie.uz

ISSN 2010-5568